

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 8
ВЫПУСК 2

2025

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 8, выпуск 2**

Издаётся с 2018 года

Периодичность издания: 2 выпуска в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2025

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2025

Pushkin State Russian Language Institute

TYPOLOGY OF MORPHOSYNTACTIC PARAMETERS

VOLUME 8
ISSUE 2

2025

ISSN 2686-7419

**Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 8, issue 2**

First published in 2018

Two issues per year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<https://tmp.sc/index.php/eng>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2025

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](#)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](#)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

[Личная страница на Researchgate.net](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

специалист, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D.; профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D.; профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Анастасия Алексеевна Герасимова —

кандидат филологических наук; научный сотрудник Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Павел Валерьевич Гращенков —

доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Атле Грённ —

Ph.D.; профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D.; доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Владимир Александрович Плунгян —

доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Мария Полинская —

Ph.D.; профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Яков Георгиевич Тестелец —

доктор филологических наук, доцент; профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](#)

[Personal page on Istina.msu.ru](#)

[Personal page on Academia.edu](#)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; principal research fellow at Pushkin State Russian Language Institute; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](#)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](#)

[Personal page on Academia.edu](#)

[Personal page on Researchgate.net](#)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

specialist at the Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](#)

[Personal page on Academia.edu](#)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D.; professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D.; professor at the Poznań University, Poland

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Anastasia A. Gerasimova —

Ph.D.; research fellow at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Pavel V. Grashchenkov —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Atle Grønn —

Ph.D.; professor at the Oslo University, Norway

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Nerea Madariaga —

Ph.D.; professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Vladimir A. Plungian —

Dr. Phil. Hab., Professor, RAS full member; deputy director of the Vinogradov Russian Language Institute RAS; Head of Section of Linguistic Typology of the Institute of Linguistics RAS; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Maria Polinsky —

Ph.D.; professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sidel'tsev —

Dr. Phil. Hab.; deputy director of the Institute of Linguistics RAS) Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Yakov G. Testelets —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; leading researcher at the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

СОДЕРЖАНИЕ

Е.П. Дорофеева

- Контрастивный показатель $=msA$ в терском диалекте
кумыкского языка 13

Е.Ю. Иванова

- Модальность и синтаксические конфигурации:
глагол *трябва* в болгарском языке 38

Г.И. Кустова

- Конструкции подъема с глаголами восприятия в русском языке 66

Д.А. Парамонова

- К описанию условий семантического связывания
личных местоимений в русском языке:
экспериментальное исследование 89

Л.В. Хохлова

- Особенности грамматической семантики эргативных конструкций
в западных индоарийских языках 122

А.В. Циммерлинг

- А-зависимости и параметризация конструкций подъема 139

CONTENTS

Elizaveta Dorofeeva

Contrastive marker =msA in the Terek dialect of the Kumyk language 13

Elena Ivanova

Modality and syntactic configurations: The verb *tryabva* in Bulgarian 38

Galina Kustova

Raising constructions with verbs of perception in Russian..... 66

Daria Paramonova

Towards a description of semantic binding of personal pronouns
in the Russian language: An experimental study..... 89

Liudmila Khokhlova

Grammatical semantics of ergative constructions
in Western Indo-Aryan languages 122

Anton Zimmerling

A-dependencies and the parametrization of raising constructions 139

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.22.91.001

КОНТРАСТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ =*msA* В ТЕРСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Е.П. Дорофеева

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Маркер =*msA* в терском диалекте кумыкского языка функционирует как показатель контраста, выражая оппозитивные и противо-ожидательные отношения. Он используется только в контекстах с признаком [contrast]. Синтаксически =*msA* анализируется как показатель клаузального сочинения второй позиции в духе [Mitrović 2013 *et seq.*], который привлекает в свой спецификатор ближайшую доступную синтаксическую единицу. При противо-ожидательном контрасте это топикализированная составляющая, а при оппозитивном — единица, перемещённая для лицензирования признаков [contrast] и [topic].

Ключевые слова: информационная структура, контраст, топик, союз, тюркские языки

Для цитирования: Дорофеева Е.П. Контрастиный показатель =*msA* в терском диалекте кумыкского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 2. С. 13–37. doi:10.37632/PI.2025.22.91.001

CONTRASTIVE MARKER =*msA* IN THE TEREK DIALECT OF THE KUMYK LANGUAGE

Elizaveta Dorofeeva

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The marker =*msA* in Terek Kumyk functions as an indicator of contrast, expressing oppositional and counter-expectative relations. It is used only in contexts with the feature [contrast]. Syntactically, =*msA* is analyzed

as a peninitial clausal conjunction marker in the [Mitrović 2013 *et seq.*]-style framework, which attracts the closest available syntactic unit into its specifier. In counter-expectative contrast, this is a topicalized constituent, while in oppositional contrast, it is a unit moved to license the features [contrast] and [topic].

Keywords: information structure, contrast, topic, conjunction, Turkic languages

For citation: Dorofeeva E. Contrastive marker =msA in the Terek dialect of the Kumyk language. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 2. Pp. 13–37. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.22.91.001

1. Информационная структура и способы её выражения

Согласно определению из работы [De Kuthy 2021], информационная структура (ИС) предложения кодирует то, как и насколько информативна определённая часть предложения по отношению к некоторому контексту, и отражает интеграцию смысла предложения в дискурс.

Несмотря на принадлежность к прагматике, смысл, передаваемый при помощи ИС, достаточно автономен, чтобы его можно было бы изучать без рассмотрения других типов прагматических явлений. Помимо этого, он находит отражение в явлениях, относящихся к другим интерфейзам: в синтаксических передвижениях [Bech 2012; Neeleman, Van de Koot 2014], морфологическом маркировании [Otoguro et al. 2003; Hartmann, Zimmermann 2009; Branan, Erlewine 2023] и интонационном контуре [Zubizarreta 1998; Büring 2013]. Для такого изолированного от прагматики, но тесно связанного с морфологией, синтаксисом и просодией моделирования ИС требуется свой набор базовых понятий. В качестве таковых многие исследователи выбирают фокус (информацию, способствующую развитию дискурса) и топик (то, о чём говорится в высказывании). Нередко наряду с ними упоминается и контраст — согласно [Molnár 2002], он позволяет создать более отчётливое описание и объяснение явлений, задействующих топик и фокус, и должен считаться независимым концептом в представлении ИС. Контраст может быть определён как противопоставление некоторой предполагаемой или установленной альтернативе, и определяющей для него является именно ограниченность набора альтернатив.

Для моделирования взаимодействий ИС и синтаксиса авторы работы [Neeleman, Vermeulen 2012], следуя за [Molnár 2002] и ориентируясь на другие рассуждения о базовых понятиях ИС ([Vallduví, Vilkuna 1998; Giusti et al. 2006] и др.), предлагают систематизацию понятий, показанную в таб-

лице 1¹. Основными понятиями в ней являются топик и фокус, каждый из которых может быть как обычным, так и контрастивным (с добавлением признака [contrast], роль которого соответствует приведённому выше определению). При этом топик понимается как элемент, о котором нечто сообщается (*aboutness topic*), или, в контрастивном варианте, — как один из элементов набора альтернатив. Фокус же трактуется как наиболее информативно значимый, коммуникативно центральный компонент высказывания (*new information focus*), который заполняет информационную лакуну в сознании адресата, либо, в случае контрастивного фокуса, — как выделенный элемент на фоне альтернатив, активированных в общем знании или контексте. Важно, что признаки, на которые разложены эти категории, представлены как некоторые дискурсивные понятия, которые играют свою роль при построении соответствия (*mapping*) между синтаксисом и ИС — об этом взаимодействии см. больше в [Rizzi 1997; Aboh 2004; Büring 2013 и др.].

Таблица1. Разложение основных понятий информационной структуры
по [Neeleman, Vermeulen 2012]

	Topic	Focus
	aboutness topic [topic]	new information focus [focus]
Contrast	contrastive topic [contrast, topic]	contrastive/corrective focus [contrast, focus]

Опираясь на вышеприведённый набор примитивов для моделирования ИС-обусловленных (морфо)синтаксических явлений, в данной работе мы рассмотрим особенности синтаксического поведения связанного с ИС показателя =msA² (1) в терском диалекте кумыкского языка (<кыпчакские <турецкие< алтайские)³.

¹ Существуют альтернативные подходы к построению системы понятий ИС: например, представленный в [Krifka 2006] набор не использует [contrast], объединяя контрастивный и ново-информационный фокус как [focus] и представляя контрастивный топик как [focus, topic]. Однако ряд обусловленных наличием или отсутствием контрастивности различий в синтаксических процессах [İşsever 2003; Neeleman, Vermeulen 2012] и морфологическом маркировании [Hartmann, Zimmermann 2009] не позволяет исключать контраст из набора примитивов, необходимых для описания связанных с ИС явлений.

² Далее заглавной буквой обозначается фонологически неспецифицированный (см. [Inkelas 1994]) сегмент, который встречается в аффиксах и частицах и получает значения только признака ряда (A) или признаков ряда и огульности (I) от корневого гласного.

³ Даные были собраны в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в августе 2023 и июле 2024 в село Предгорное республики Северная Осетия – Алания, а также в ходе онлайн-досбора весной 2025 года.

- (1) *Mišik uxla-j, it=mse xapla-j.*
 кошка спать-IPFV собака =msA лаять-IPFV
 ‘Кошка спит, а собака лает.’

Рассматриваемый нами показатель, происходящий от глагольной формы *bol-sa* ‘быть-COND’, претерпевшей фонологические изменения (*bu-sa* > *m-sa*), не может выступать ни в роли маркера фокуса новой информации, ни в роли показателя обычного топика: носители терского кумыкского считают неприемлемыми интерпретации (i) и (ii) примеров типа (2). Иными словами, *=msA* не может маркировать те информационно-структурные роли из принятого нами арсенала [Neeleman, Vermeulen 2012], в которых отсутствует признак [contrast]. Единственный контекст, где для некоторых носителей возможно изолированное употребление (2), — это (iii), где присутствует противопоставление предыдущей реплике.

- (2) *Alim =mse Mazlek-de.*
 Алим =msA Моздок-LOC
 (i) #‘[Алим]F в Моздоке.’ (В ответ на вопрос *Кто находится в Моздоке?*)
 (ii) #‘[Алим]T в Моздоке.’ (В ответ на вопрос *Что ты можешь сказать про Алима?*)
 (iii) %‘Но Алим же в Моздоке.’ (В ответ на утверждение о том, что говорящий, находящийся в Кизляре, сможет с ним встретиться)

Работа устроена следующим образом: в разделе 2 мы предлагаем рассматривать *=msA* как сочинительный союз и анализировать его при помощи адаптированной структуры, предложенной в работах [Mitrović 2013 et seq.]; в разделе 3, опираясь на типологию контрастивных значений [Malchukov 2004; Mauri 2008; Wälchli 2024], мы перечисляем разновидности контраста между предложениями, которые соединяет показатель *=msA*, и рассматриваем особенности взаимодействия *=msA* и ИС-мотивированных передвижений для каждого из перечисленных типов контрастивных контекстов; выводы представлены в разделе 4.

2. *=msA* как показатель сочинения

В нашей работе *=msA* анализируется именно как союз (ср. с литературным кумыкским по [Гаджиахмедов и др. 2014]), а не как маркер контрастивного топика (ср. с турецким по [Iatridou 2013]), т.к. он требует при себе наличия левого конъюнкта — контраст, выражаемый в предложениях с *=msA*, не способен аккомодироваться прагматически (3).

Представить $=msA$ как союз возможно, отталкиваясь от теории, разрабатываемой в том числе в [Mitrović 2013; Mitrović, Sauerland 2014; Mitrović 2021]. В следующих двух подразделах мы даём описание структурной презентации сочинения, предложенной М. Митровичем, и описываем вариант её адаптации для анализа $=msA$, встречающегося только в контекстах контраста.

2.1. Структура сочинения по [Mitrović 2013 et seq.]

В работах [Mitrović 2013; Mitrović, Sauerland 2014, 2016 et seq.] для анализа сочинения предложена структура, представленная на рисунке 1. Оба конъюнкта в ней представляют собой группы μP , каждая из которых состоит из вершины μ^0 (названной так в честь японского показателя полисинтетического сочинения *mo*⁴) и конъюнкта в её комплементе. Первый и второй конъюнкты находятся в позициях комплемента и спецификатора группы JP^5 соответственно. Вершина JP , J^0 (от *Junction*) ‘соединение’), — это показатель сочинения, находящийся между двумя конъюнктами. В некоторых языках, среди которых терский кумыкский, сочинение может проходить как при помощи μ -показателей, так и при помощи J -показателей⁶.

⁴ Для репрезентации дизъюнкции М. Митрович использует изоморфную структуру, где вместо μ^0 используется вершина κ^0 , названная так в честь японского показателя дизъюнкции ka .

⁵ Как отмечает анонимный рецензент, такой анализ восходит к [Johannessen 1998].

⁶ Возможность сосуществования μ - и J-показателей в одном предложении, как в примере (i) из аварского языка, для терского кумыкского в настоящей статье мы не рассматриваем.

(i) Аварский

keto gi va hve gi

кот μ J собака μ

‘кот и собака’ [Mitrović 2013]

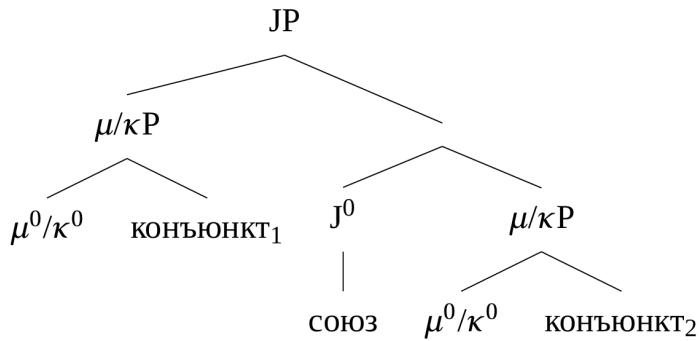

Рисунок 1. Структура сочинения/дизъюнкции, принятая в [Mitrović 2013; Mitrović, Sauerland 2014] и последующих работах

Примерами сочинения при помощи J^0 в терском кумыкском может быть предложение типа (4), где союз *tek* ‘но’ находится между двумя клаузами-конъюнктами.

- (4) [Alim güçlü], ***tek*** [avur korobka-ni göter-me-di].
 Алим сильный но тяжёлый коробка-ACC=MSA поднимать-NEG-PST
 ‘Алим сильный, но тяжёлую коробку не поднял.’

В отличие от союза, находящегося в J^0 , всегда линейно расположенного после первого и перед вторым конъюнктом, в разных языках показатель сочинения, находящийся в вершине μ^0 , линейно может находиться перед конъюнктом или быть клитикой второй позиции. Вторая позиция μ -показателей при конъюнкции, согласно [Mitrović 2013], обусловлена наличием у вершины μ [EPP]-подобного признака [ε], для проверки которого в требуется передвижение в спецификатор μ^0 **ближайшего и минимального синтаксического объекта**: вершины или терминального узла. Стоит отметить, что проверка [ε] может выполняться как наряду с другими синтаксическими процессами, так и в пост-синтаксисе — в последнем случае, как отмечает М. Митрович со ссылкой на [Samuels 2009], фазовые границы [Chomsky 2001, 2008], существующие для синтаксических процессов, также будут играть важную роль.

О статусе синтаксического объекта, который должен находиться в спецификаторе μP для удовлетворения [ε], М. Митрович делает выводы на основании многочисленных данных из древних и современных индоевропейских языков, которые показывают, что группы (5) встречаются в качестве комплементов μ - и κ -вершин значительно реже, чем вершины; строгого ограничения на размер объекта, который оказывается в $\text{Spec}, \mu P$ в [Mitrović

2013] нет. В случае, когда [ε] не удовлетворяется, μ- или κ-клитика может присоединиться к лексикализованной J⁰ или другой вершине над собой, но в пределах JP; при отсутствии таковых структура считается дефектной.

(5) Древнегреческий

- ... [ek tōn emprosthen] **de** anaskepsai
 ABL DEF предыдущий μ заключать
 ‘… и заключить (это) из вышесказанного’ [Mitrović 2013]

2.2. Адаптация анализа для данных ТК

Вышеописанный анализ уже применялся к сочинительным конструкциям в терском кумыкском в [Россиякин 2024]. В этой работе анализируется поведение аддитивного показателя второй позиции =da, находящегося в вершине μ⁰, в том числе и при клаузальном сочинении. Сочинение финитных клауз при помощи этого маркера в исследуемом идиоме невозможно (6a), за исключением тех случаев, когда в спецификаторе второго СР-конъюнкта находится топикализованный инфинитив (6b). Это происходит из-за того, что СР является фазой. Согласно Условию Непроницаемости Фазы (*Phase Impenetrability Condition; PIC*), то что находится внутри составляющей в комплементе вершины C⁰, как в (6a), недоступно для операций, затрагивающих позицию вне СР, среди которых — передвижение составляющей в спецификатор μР. Однако в случаях, когда в спецификаторе СР находится составляющая (6b), сочинение при помощи μ-союза возможно: граница фазы, как и вся фаза целиком, по PIC находится в “зоне видимости” для операций, происходящих снаружи неё.

- (6) a. *Alixan aša-di=da, ič-di=de.
 Алихан есть-PST=ADD пить-PST=ADD
 Ожид.: ‘Алихан и поел, и попил.’

- b. Alixan aša-ma=da aša-ma-di, ič-me=de ič-me-di.
 Алихан есть-INF=ADD есть-NEG-PST пить-INF=ADD пить-NEG-PST
 ‘Алихан ни поел, ни попил.’ [Россиякин 2024]

Мотивацией передвижения инфинитива в Spec, СР в [Россиякин 2024] названа топикализация. Для нашего анализа, базирующегося на понятиях информационной структуры, представляется необходимым немного подробнее рассмотреть причины нахождения той или иной синтаксической единицы в этой позиции. Помимо топикального [Chomsky 1977; Frascarelli,

Hinterhölzl 2008] (включающего контрастивно-топикальное передвижение, которое сигнализирует о наличии имплицитно или эксплицитно выраженной альтернативы [Büring 2003]) и фокусного [Horváth 1986; Kiss 1998] передвижения, а также передвижения wh-составляющих [Chomsky 1977; Cable 2010], некоторые исследователи выделяют также дислокацию в спецификатор СР-проекции, которая не вызвана ни дискурсом, ни удовлетворением [uWh]-признака. Мотивацией такого передвижения может быть, например, удовлетворение [EPP]-признака функциональной проекции [Saito 2003] или просодия [Truckenbrodt 2007], не всегда связанная с информационно-структурными явлениями. В таких работах, как [Kidwai 2000], для некоторых языков это передвижение предлагается считать опциональным. Следуя за [Российкин 2024], мы считаем возможным объяснять нахождение составляющей в Spec, СР топикальностью, однако не исключаем возможности другой мотивации этого передвижения (например, просодической).

Как для сочинительного союза второй позиции, для =msA может быть предложен анализ его как лексикализации μ^0 при втором конъюнкте; однако у этого анализа есть два допущения, которые будут отличать его от того, что предлагается в [Mitrović 2013 и др.]⁷.

Первое несовпадение заключается в размере синтаксического объекта, который может стать хостом для =msA. В примерах (7a, b) можно наблюдать, что =msA может присоединяться к ветвящейся составляющей (DP⁸ или зависимой СР) на её правой границе.

- (7) a. [Alim güčlü], [[ayur korobka-ni] =msA göter-me-di].
Алим сильный тяжёлый коробка-ACC=msA поднимать-NEG-PST
‘Алим сильный, но тяжёлую коробку не поднял.’
- b. [Alim köp xabar-lar ajt-kan],
Алим много история-PL говорить-PFCT

⁷Как отмечает анонимный рецензент, анализ =msA как показателя сочинения второй позиции не является настолько же убедительным, как такой же анализ для =da в [Российкин 2024]. Предлагаемый в нашей работе вариант анализа =msA как показателя, расположенного в вершине, которая подобно сочинительным союзам второй позиции обладает признаком [ε], может быть совмещён со взглядом на =msA не как на показатель сочинения, а как на клитику иного типа.

⁸ В нашей работе, вслед за [Lyutikova, Pereltsvaig 2015], где рассматриваются данные татарского языка, для именных групп в терском кумыкском постулируется DP-проекция.

[*Zulfija Kerim=mnan ujlen-di dep]=mse ajt-ma-va].
 Зульфия Керим =сом жениться-PST что =MSA говорить-NEG-PFCT
 ‘Алим много историй рассказал, но не рассказал, что Зульфия с
 Керимом поженились.’*

Мы считаем возможным ставить (7а, б) в один ряд со случаями типа (5), где хостом сочинительной клитики может являться не вершина, а группа; согласно [Mitrović 2013], анализ, приведённый в его статье, может быть экстраполирован и на такие случаи. Причина, по которой клитика в (7а, б) присоединяется ко всей составляющей, а не к ближайшей доступной вершине, рассматривается в следующем разделе.

Второе, более серьёзное, несоответствие состоит в том, что помимо контраста при клаузальном сочинении $=msA$ не выражает ни присущего показателям, подобным японскому *то*, набора значений, в который входят аддитивность и универсальная квантификация, ни тех функций (среди которых — показатель вопроса и маркер экзистенциальной квантификации), которые может иметь маркер типа яп. *ka*, который М. Митрович анализирует как находящийся в вершине κ^0 , участвующей в дизъюнкции.

В связи с этим на данный момент в нашей работе постулируется вершина α^0 ⁹, которая с точки зрения расположения в JP и признаковых характеристик (наличие $[\varepsilon]$) ведёт себя так же, как μ^0 или κ^0 , но не выражает того же спектра значений при употреблении вне JP. Структура, в которой может располагаться $=msA$, представлена на рисунке 2 (скобками обозначена опциональная лексикализация α^0 при первом конъюнкте).

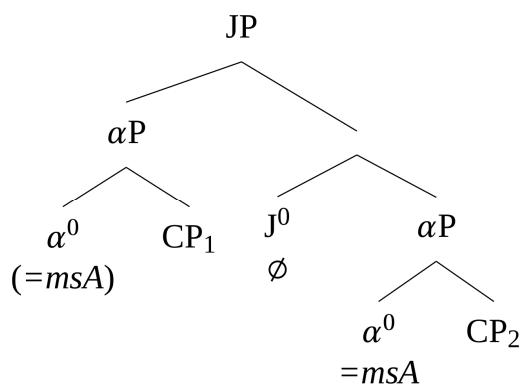

Рисунок 2. Структура клаузального сочинения с $=msA$

⁹ α^0 названа так в честь адверсатива.

3. $=msA$ и синтаксис ИС

Опираясь на терминологию, принятую в [Mauri 2008], для (8) мы можем назвать утверждение о том, Алим в Моздоке, **якорным** предложением (*anchor sentence*, $[]_A$), а утверждение о том, что Керим в селе, которое ему противопоставлено, — **контрастивным** (*contrast sentence*, $[]_C$).

- (8) $[Alim(=mse) \quad Mazlek-de]_A, [Kerim = mse \quad jurt-da]_C.$
Алим = msA Моздок-LOC Керим = msA село-LOC
‘Алим в Моздоке, а Керим в селе.’

Согласно [Mauri 2008], существует три основных способа взаимодействия между якорным и контрастивным предложениями:

- Оппозитивный (*oppositional*) контраст:
 $[[John]_{AP} \text{ is tall}]_A, \text{ but } [[Bill]_{OP} \text{ is short}]_C.$
[[Джон]_{AP} высокий]_A, а [[Билл]_{OP} низкий]_C.
- Противо-ожидательный (*counter-expectative*) контраст:
 $[John \text{ is tall}]_A, \text{ but } [he's \text{ no good at basketball}]_C.$
[Джон высокий]_A, но [плох в баскетболе]_C.
- Коррективный (*corrective*) контраст:
 $[Pat \text{ is not a dentist}]_A, \text{ but } [a \text{ linguist}]_C.$
[Патрик не стоматолог]_A, а [лингвист]_C.

Оппозитивным контрастом Маури называет противопоставление якорного и контрастивного предложений благодаря тому, что они параллельны и при этом различны. В [Haspelmath 2007] это отношение определяется как контраст между двумя положениями дел, не подразумевающий конфликта ожиданий. Согласно [Wälchli 2024], оппозитивный контраст противопоставляет не только два предложения, но и две (в данном случае именные) группы — их автор предлагает обозначать как **якорную** (*anchor phrase*, $[]_{AP}$) и **оппозитивную** (*oppositional phrase*, $[]_{OP}$). Мы предполагаем, что оппозитивным контрастом можно назвать контрастивную топикализацию. **Противо-ожидательный** контраст Маури предлагает определять как отрицание контрастивного предложения, которое является ожидаемым следствием из якорного предложения или из контекста. **Коррективный** же контраст по [Mauri 2008] — это противопоставление якорного и контрастивного предложений, порождённое отрицанием первого и утвержде-

нием второго. Синонимом коррективного контраста мы можем назвать понятие контрастивного фокуса¹⁰.

Согласно суждениям носителей, $=msA$ может быть маркером оппозитивного (9a) и противо-ожидательного (9b), но не коррективного (9c) контраста.

- (9) a. $[[Mišik]_{AP} \quad uxla-j]_A, \quad [[it]_{OP} = mse \quad xapla-j]_C$
 кошка спать-IPFV собака = MSA ляять-IPFV
 ‘Кошка спит, а собака лает.’
- b. $[Alim \quad bijik]_A, \quad [basketbol = msa \quad ojna-ma-j]_C$
 Алим высокий баскетбол = MSA играть-NEG-IPFV
 ‘Алим высокий, но в баскетбол не играет.’
- c. $[Biz \quad mišik-ni \quad gör-me-gen-ibiz]_A, \quad [it-ni(* = mse)]_C$
 1PL.NOM кошка-ACC видеть-NEG-PFCT-1PL собака-ACC = MSA
 $gör-gen-ibiz]_C$.
 видеть-PFCT-1PL
 ‘Мы не кошку видели, а собаку.’

Несмотря на то, что в случаях (9a–b) $=msA$ гипотетически выступает в качестве показателя сочинения двух клауз, его синтаксическое поведение может варьироваться в зависимости от типа контраста. Так, согласно [Vicente 2010], различия между разными типами контраста находят отражение не только в семантике, но и в синтаксисе, даже если маркируются одним и тем же способом (например, англ. *but* ‘но’). Как отмечено в [Walchli 2024], то, что для оппозитивного контраста релевантны не только сами якорное и контрастивное предложения, но и якорная и оппозитивная группы внутри них, влечёт за собой структурные отличия маркера оппозитивного контраста от показателя противо-ожидательного контраста. В следующих разделах мы отдельно рассмотрим сходства и различия синтаксического поведения $=msA$ в каждой из обозначенных ролей.

¹⁰ В отличие от оппозитивного контраста, для которого релевантны не только якорное и контрастивное предложения, но и противопоставленные составляющие внутри них, ни в одной из вышеперечисленных работ, посвящённых типологии контраста, коррективный контраст не анализируется как противопоставление не только предложений, но и их определённых частей. Нам представляется возможным применять понятия, аналогичные якорной и оппозитивной группе, и к коррективному контрасту — в случае выше это будут *стоматолог* и *лингвист*.

3.1. Противо-ожидательный = *msA*

Как отмечено в [Wälchli 2024], в отличие от оппозитивного контраста, для противо-ожидательного противопоставления нерелевантны такие части якорного и контрастного предложений, как якорная и оппозитивная группы. Иными словами, во второй клаузе нет такой составляющей, которая могла бы быть выраженной альтернативой некоторой составляющей из первой клаузы [Büring 2003]; из этого следует, что контрастивно-топикальное передвижение в спецификатор СР-проекции в контрастивной части не может быть мотивировано ничем. Несмотря на это, судя по тому, что предложения в (7а–б) грамматичны, α^0 всё же привлекает себе в спецификатор некоторую составляющую (DP в (7а) и СР в (7б)) — значит, такая составляющая находилась на левой периферии клаузы, а именно в Spec, СР. В качестве мотивации нахождения этой составляющей в спецификаторе СР мы предлагаем считать топикальное передвижение (идентичное объяснение для возможности нахождения синтаксического элемента в спецификаторе μP для сочинительного показателя = *da* см. в [Российкин 2024])¹¹, которое не обусловлено наличием некоторой альтернативы, как в случае с контрастивным топиком.

Рассмотрим наиболее похожий на рассматриваемые в [Mitrović 2013] случай типа (10) (повторение (9б)), когда = *msA* клитизуется к неветвящейся составляющей, а именно к DP *basketbol* ‘баскетбол’:

- (10) [Alim bijik], [basketbol= *msA* ojna-ma-j].
Алим высокий баскетбол= msA играть-NEG-IPFV
‘Алим высокий, но в баскетбол не играет.’

Благодаря топикальному передвижению она оказывается в спецификаторе СР в комплементе α^0 , откуда попадает в Spec, αP для удовлетворения [ε] как ближайший и минимальный (по [Mitrovic 2013]) синтаксический элемент (см. рисунок 3).

¹¹ Синтаксических диагностик для нахождения той или иной составляющей на левой периферии именно в спецификаторе СР помимо описанного ниже механизма взаимодействия с = *msA* на данный момент мы привести не можем. Что касается просодии, некоторые носители отделяют вынесенную = *msA*-маркированную просодическую составляющую паузой от остального предложения так же, как делают это при топикализации.

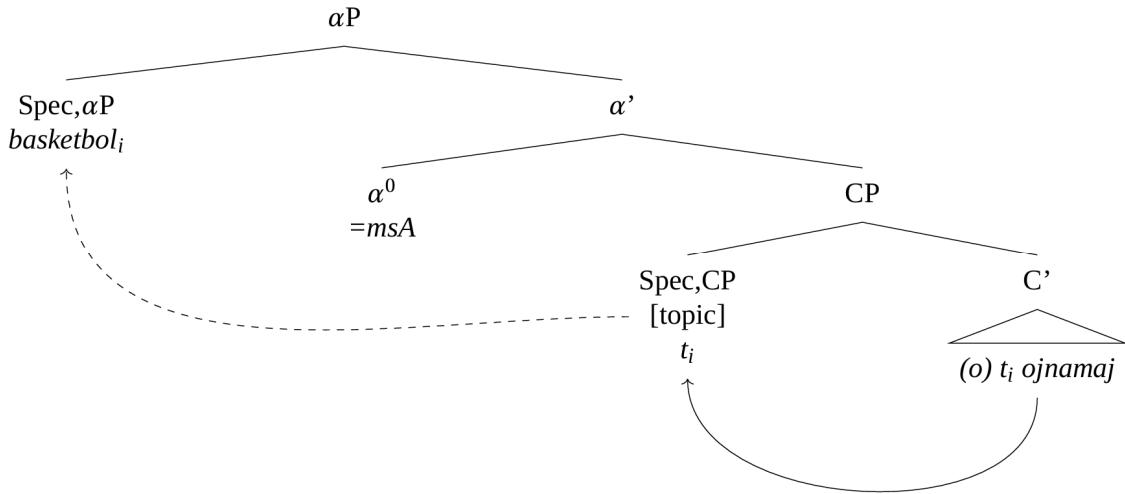

Рисунок 3. Противо-ожидательный =msA и неветвящаяся составляющая

Примеры (7а–б) демонстрируют, что противо-ожидательный =msA критизуется ко всей топикализированной составляющей. Сравним их с неграмматичными (11а–б), где =msA находится не на правой границе, а после первого фонетического слова составляющей, находящейся в Spec,CP. На наш взгляд, из этого следует, что при отсутствии возможности извлечения ближайшего доступного терминального узла из группы, находящейся в спецификаторе CP (11), вместо него α⁰ вызывает передвижение в свой спецификатор этой составляющей целиком (7).

- (11) a. *Alim güclü, [avur =msA korobka-ni] göter-me-di.
 Алим сильный тяжёлый=MSA коробка-АСС поднимать-NEG-PST
 Ожид.: ‘Алим сильный, но тяжёлую коробку не поднял.’
- b. *Alim köp xabar-lar ajt-kan,
 Алим много история-PL говорить-PFCT
 [Zulfija =mse Kerim =mnan ujlen-di dep] ajt-ma-va.
 Зульфия=MSA Керим=сом жениться-PST что говорить-NEG-PFCT
 Ожид.: ‘Алим много историй рассказал, но не рассказал, что Зульфия с Керимом поженились.’

Возможны различные обоснования того, почему неграмматично иметь ближайшую доступную вершину группы, находящейся в Spec,CP матричной клаузы, а именно AdjP *avur* ‘тяжёлый’ для DP *avur korobka-ni* ‘тяжёлая коробка-АСС’ в (11а) и DP *Zulfija* ‘Зульфия’ для CP *Zulfija Kerim=mnan ujlen-di dep* ‘З. К.=сом жениться-PST что’ в (11б), в качестве хоста =msA.

Объяснение того, почему неграмматично (11b), строится на статусе СР как фазы с вытекающей из него невозможностью извлечения составляющих вне спецификатора СР. Из-за отсутствия эксплицитной альтернативы в первой клаузе при клаузальном сочинении ни у одной составляющей внутри зависимой СР нет мотивации для дислокации в её спецификатор; передвинувшись в спецификатор СР главной клаузы за топикальностью, зависимая СР не имеет на своей границе ничего, что могло бы быть перемещено в Spec, α P, и потому передвигается туда целиком (рисунок 4).

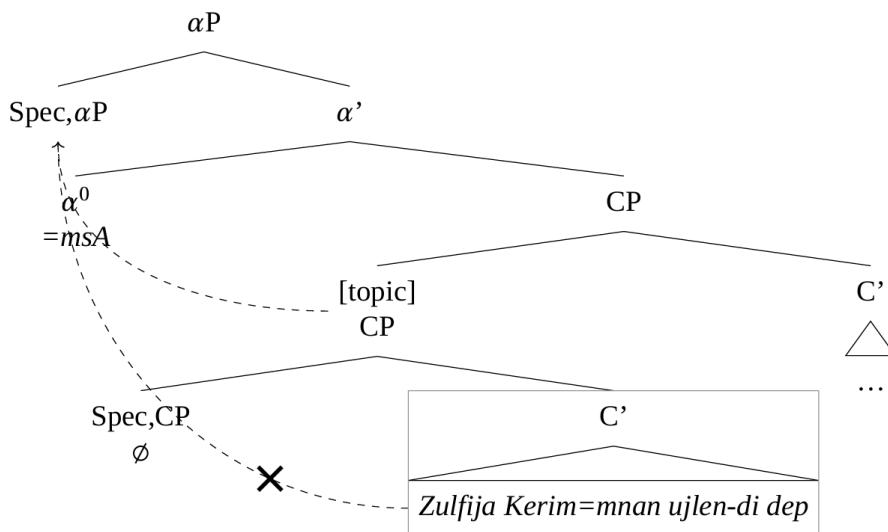

Рисунок 4. Противо-ожидательный $=msA$ и СР

То, что $=msA$ нельзя присоединить к прилагательному, можно объяснить невозможностью извлечения группы прилагательного из ИГ. Схожие ограничения можно наблюдать в родственном терскому кумыкскому турецком языке; их предлагается анализировать, к примеру, через блокировку выноса функциональной проекцией DP [Kornfilt 2013]. В качестве вероятных причин дефектности выноса AdjP из DP в Spec, α P мы можем предложить недопустимость Извлечения Левой Ветви (Left Branch Extraction; LBE) в терском кумыкском (*contra* [Bošković 2010] для турецкого), а также фазовость DP¹². Последняя влечёт за собой PIC, согласно которому

¹² Если СР бесспорно считается фазовой проекцией [Chomsky 2001, 2008 и др.], то статус DP как фазы неоднозначен: за него выступают среди прочих работы [Svenonius 2004; Hiraiwa 2005; Citko 2014; Bondarenko, Davis 2024], а против — [Chomsky 2001; Abels 2012]. В нашей работе мы не фокусируемся на вопросе фазовости DP в терском кумыкском и принимаем первую точку зрения на основании наличия аналогичных фазовых эффектов у DP и схожести архитектуры DP и СР.

для операций вне фазы доступна либо она сама целиком, либо то, что находится в её спецификаторе. AdjP *avur* ‘красивый’ не находится на границе фазы, то есть в спецификаторе DP¹³, и, следовательно, не может быть извлечён оттуда, подобно тому, как не может быть извлечена из CP составляющая, находящаяся не в позиции спецификатора этой функциональной проекции.

3.2. Оппозитивный $=msA$

Поведение самого показателя $=msA$ в оппозитивных контекстах (9a) не отличается от поведения $=msA$ при противо-ожидательном противопоставлении (9b): он точно так же обладает $[\varepsilon]$ -признаком, то есть требует наличия в своём спецификаторе ближайшей доступной (вершины из) составляющей в Spec, CP клаузы в позиции комплемента αP . Отличие состоит в мотивации передвижения этой составляющей: если в случае противо-ожидательного контраста она оказывается в Spec, CP благодаря *aboutness*-топикальности, в случае оппозитивного контраста мы наблюдаем контрастивно-топикальное передвижение, обусловленное наличием эксплицитно выраженной альтернативы в первой клаузе при клаузальной конъюнкции.

Рассмотрим, какие составляющие могут оказываться в спецификаторе матричной CP для лицензирования признаков [topic] и [contrast]. Примеры (12–14) показывают, что это могут быть DP в позициях субъекта (12), прямого объекта (13) и непрямого объекта (14). Примеры (12–14b) демонстрируют, что при выносе личного местоимения в позицию $\text{Spec}, \alpha\text{P} = msA$ может согласоваться с дислоцированным местоимением по лицу: optionalno с местоимениями в номинативе и в аккузативе, и никогда — в других падежах, например, в дативе. Эти данные могут либо свидетельствовать в пользу того, что $=msA$ как α^0 имеет не только $[\varepsilon]$, но и некоторый набор φ-признаков, также требующий проверки, либо в пользу иного анализа $=msA$, например, как отдельной клаузы. В настоящей работе мы не будем рассматривать эту опцию за отсутствием данных, подтверждающих этот и опровергающих иной вариант анализа, однако не отрицаем, что он возможен. Далее мы будем наблюдать $=msA$ без согласовательных показателей, что никак не влияет на суждения носителей о приемлемости тех или иных конфигураций.

¹³ Мотивировать предполагаемое передвижение синтаксической единицы в спецификатор DP можно проверкой связанных с дискурсом признаков аналогично тому, как это происходит внутри CP, однако многие исследователи [Szendrői 2010 *i.a.*] постулируют отсутствие возможности топикального и фокусного передвижений в пределах DP.

- (12) a. *Mišik uxla-j, it=mse xapla-j.*
 кошка спать-IPFV собака =MSA лаять-IPFV
 ‘Кошка спит, собака же лает.’ (На вопрос *Что делает кошка, а что делает собака?*)
- b. *Men biji-di-m, sen=mse-nг uxla-di-nг.*
 1SG.NOM танцевать-PST-1SG 2SG.NOM =MSA-2SG спать-PST-2SG
 ‘Я танцевал, а ты спал.’ (На вопрос *Что делал ты, а что делал я?*)
- (13) a. *Mišik men gör-gen-men, it=mse sen gör-gen-sen.*
 кошка 1SG.NOM видеть-PFCT-1SG собака =MSA 2SG.NOM видеть-PFCT-2SG
 ‘Кошку я видел, а собаку — ты.’ (На вопрос *Кто видел кошку, а кто — собаку?*)
- b. *Meni Alim gör-gen, seni=mse%-(-nг) Kerim gör-gen.*
 1SG.ACC Алим видеть-PFCT 2SG.ACC =MSA-2SG Керим видеть-PFCT
 ‘Меня Алим видел, а тебя — Керим.’ (На вопрос *Кто видел тебя, а кто — меня?*)
- (14) a. *Asijat-ва Zulfija jüzük ber-gen,*
 Асият-DAT Зульфия кольцо давать-PFCT
Zulfija-ка=msa Kerim jüzük ber-gen.
 Зульфия-DAT =MSA Керим кольцо давать-PFCT
 ‘Асият Зульфия кольцо дала, Зульфие же Керим кольцо дал.’ (На вопрос *Кто дал кольцо Асият, а кто — Зульфие?*)
- b. *Asijat-ва men jüzük ber-gen-men,*
 Асият-DAT 1SG.NOM кольцо давать-PFCT-1SG
така=msa(-m) Kerim jüzük ber-gen.*
 1SG.DAT =MSA Керим кольцо давать-PFCT
 ‘Асият я кольцо дала, мне же Керим кольцо дал.’ (На вопрос *Кто дал кольцо Асият, а кто — тебе?*)

Передвигаться в спецификатор СР, а впоследствии в Spec,aP могут не только аргументы, но и адъюнкты: примеры (15a–b) показывают, что контрастивным топиком может быть наречие, адъюнгированное к глагольной группе или к ТР.

- (15) a. *Tez men işle-j-men, asta=msa Kerim işle-j.*
 быстро 1SG.NOM работать-IPFV-1SG медленно =MSA Керим работать-IPFV
 ‘Быстро работаю я, а медленно Керим работает.’ (На вопрос *Кто работает быстро, а кто работает медленно?*)

- b. *Tünegin men it-ni gör-gen-men,*
 вчера 1SG.NOM собака-ACC видеть-РФСТ-1SG
- bugün=mse Alim biz-ge gel-gen.*
 сегодня =msA Алим 1PL-DAT приходить-IPFV
- ‘Вчера я видел собаку, а сегодня к нам приходил Алим.’ (На вопрос *Что вчера произошло, а что сегодня произошло?*)

Анализировать передвижение неветвящихся аргументных и адъюнктных¹⁴ составляющих в спецификатор αP при оппозитивном контрасте можно также, как схожий процесс, происходящий при наличии противо-ожидательного контраста; единственное отличие состоит в том, что в таком случае составляющая, которая перемещается в спецификатор CP , проверяет не только признак [topic], но и признак [contrast] — рисунок 5 иллюстрирует предложения (12a), (13a) и (15b).

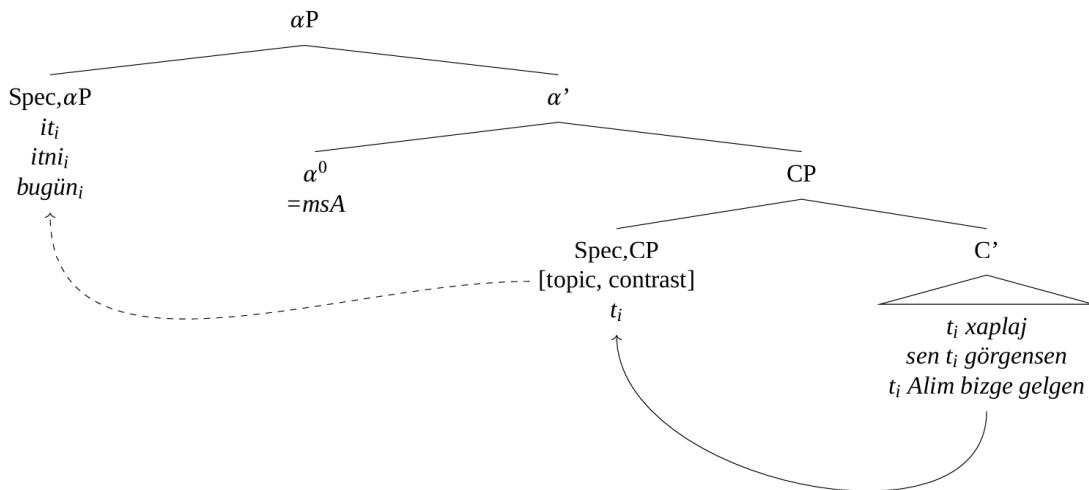

Рисунок 5. Оппозитивный $= msA$ и неветвящаяся составляющая

¹⁴ Показатель $= msA$ на предикате интерпретируется носителями не как контрастивный топик, а как форма условного наклонения, образуемая при помощи омонимичного показателя. Как отмечает анонимный рецензент, в таком случае $= msA$, рассматриваемый нами как показатель сочинения, можно анализировать как грамматикализацию маркера условного наклонения в контрастивную частицу. На наш взгляд, такой взгляд может быть применён к данным терского кумыкского и в принципе совместим с предлагаемым нами анализом. Тем не менее, невозможность присоединения к глаголам в других языках демонстрируют и другие связанные с ИС показатели (см. [Branan, Erlewine 2021]) вне зависимости от своего происхождения.

Рассмотрим случаи, когда контрастивно топикализованная составляющая находится внутри более крупной составляющей, например, вложенной финитной клаузы с выраженным комплементайзером *dep*. Предложения в (16) демонстрируют, как ведёт себя $=msA$ при контрастивной топикализации DP *Zaur* ‘Заур’ в пределах CP *Zaur gel-gen dep* ‘З. приходить-РФСТ что’ в позиции глагольного дополнения. Носители терского кумыкского запрещают контрастивно-топикальное перемещение DP из зависимой клаузы в позицию спецификатора матричной клаузы (16a), но позволяют всей зависимой СР выдвигаться на левую периферию (16b–c); при этом присоединение $=msA$ на левую границу всей СР неприемлемо (16b), и часть носителей — те, кто вообще допускают $=msA$ в этом контексте — предпочитает клитизовать его к контрастивно-топикализированной DP (16c).

При контрастивной топикализации прямого объекта вложенной *dep*-клаузы (*harmut-ni* ‘груша-ACC’ в (17)) также недопустим одиночный вынос DP в контрастивном топике. Выдвижение всей зависимой клаузы целиком с последующим присоединением =*msA* на её левую границу считается носителями неграмматичным (17b). Наиболее приемлемым вариантом для носителей является (17c), где =*msA* клитизуется к находящемуся на левой периферии вынесенной зависимой клаузы прямому объекту.

- (17) a. *?*Alma-ni_i Kerim [men t_i aša-kan-man dep]*
 яблоко-ACC Керим.NOM 1SG.NOM есть-PFCT-1SG что
ajt-kan, harmut-nu_j=msa sen [men t_j
 говорить-PFCT груша-ACC=MSA 2SG.NOM 1SG.NOM
aša-kan-man dep] ajt-kan-san.
 есть-PFCT-1SG что говорить-PFCT-2SG
- b. **[Alma-ni men aša-kan-man dep]_i*
 яблоко-ACC 1SG.NOM есть-PFCT-1SG что
Kerim t_i ajt-kan, [harmut-nu men
 Керим.NOM говорить-PFCT груша-ACC 1SG.NOM
aša-kan-man dep]_j=mse sen t_j ajt-kan-san.
 есть-PFCT-1SG что =MSA 2SG.NOM говорить-PFCT-2SG
- c. *[Alma-ni men aša-kan-man dep]_i*
 яблоко-ACC 1SG.NOM есть-PFCT-1SG что
Kerim t_i ajt-kan, [harmut-nu=msa men
 Керим.NOM говорить-PFCT груша-ACC=MSA 1SG.NOM
aša-kan-man dep]_j sen t_j ajt-kan-san.
 есть-PFCT-1SG что 2SG.NOM говорить-PFCT-2SG
- ‘Что касается яблока, то Керим видел, как я его ел, а что касается груши, то ты видел, как я её ел.’ (На вопрос *Что ты можешь сказать о яблоке, а что — о груше?*) {a=b=c}

На основании данных о передвижениях при контрастивной топикализации составляющей, находящейся внутри зависимой финитной клаузы с фонологически выраженным комплиментайзером *dep*, приведённых в (16–17), можно сделать следующие обобщения:

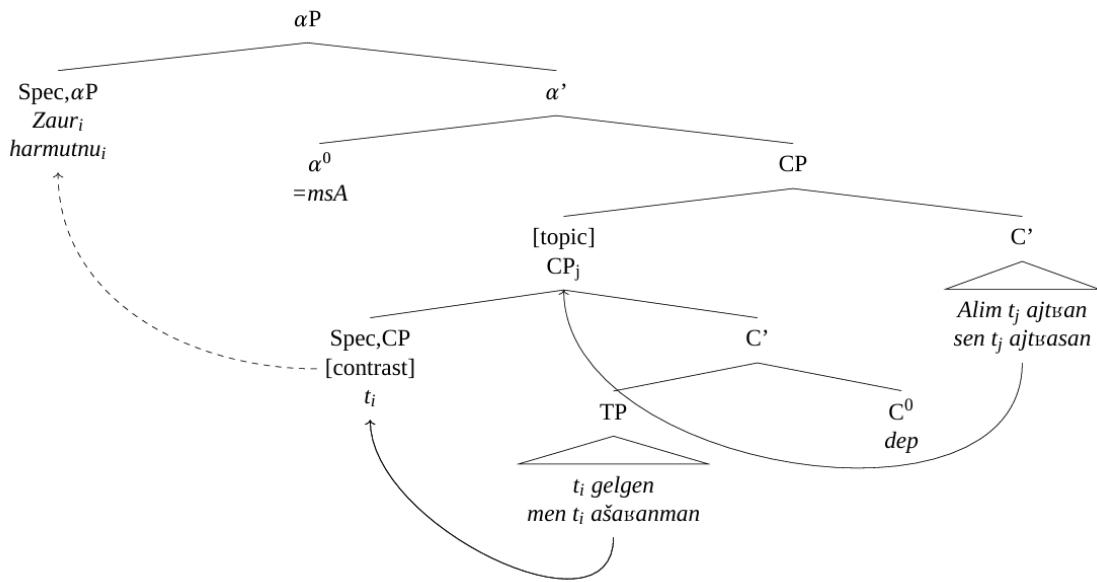
- “Длинное” передвижение контрастивно топикализированной DP из зависимой *dep*-клаузы в позицию спецификатора матричной СР запрещено: строго — для субъекта и частично — для объекта;
- Напротив, “короткое” передвижение контрастивного топика на левую периферию зависимой клаузы, сопровождаемое последующим выдвижением всей зависимой *dep*-клаузы в спецификатор матричной СР, разрешается для контрастивно топикализированной ИГ как в позиции субъекта, так и в позиции прямого объекта;

- В последнем случае в спецификатор αP никогда не попадает вся выдвинувшаяся зависимая СР, всегда — прямой объект на её левой периферии и иногда — субъект.

Для этих обобщений возможно объяснение, предполагающее лицензирование признаков [contrast] и [topic] в разных структурных позициях: [contrast] проверяется в спецификаторе минимальной клаузы, содержащей контрастивно топикализованную составляющую, а [topic] — в спецификаторе матричной клаузы. Размер составляющей также играет роль: если для лицензирования [contrast] в спецификатор ближайшей СР-проекции¹⁵ передвигается сама составляющая в роли контрастивного топика, то для лицензирования [topic] необходимо передвижение максимальной проекции, содержащей контрастивно-топикализованную составляющую, — в рассмотренных выше примерах это *dep*-клауда. Иными словами, для собственно топикального передвижения при контрастивной топикализации имеет место эффект крысолова (*pied-piping*; [Ross 1967]), наблюдаемый и для других А'-передвижений, например, для wh-передвижения в [Abels 2019] или для скрытого фокусного передвижения в [Erlewine, Kotek 2014]. Мы можем распространить это объяснение и на примеры типа (12–15): в таком случае минимальная и матричная СР совпадают, следовательно, в позиции Spec, СР лицензируются и контраст, и топикальность. Приведённый выше анализ объясняет предпочтительность присоединения =msA к контрастивно топикализированному субъекту (16c) или объекту (17c), а не ко всей вынесенной клауде (16b, 17b): так как для удовлетворения [ε] α^0 необходима минимальная доступная синтаксическая единица (желательно — вершина, а при отсутствии оной — составляющая), DP, находящаяся благодаря лицензированию [contrast] в спецификаторе зависимой клауды на левой периферии главной, подходит для этого лучше, чем вся СР целиком. На рисунке 6¹⁶ показано, как происходит контрастивная топикализация составляющих, находящихся во вложенных *dep*-клаудах.

¹⁵ В этот момент предлагаемый нами анализ сталкивается с проблемой: согласно [Chomsky, Lasnik 1977; Rizzi 1990], заполненная вершина С0 (для рассматриваемых нами данных это *dep*) блокирует заполнение спецификатора СР. Обойти это ограничение можно различными способами: например, постулировать несколько разных функциональных проекций в СР-домене [Rizzi 1997] или сделать ограничение на заполнение вершины и спецификатора СР нерелевантным для некоторых языков [Wurmbrand 2006 для немецкого; Pesetsky 2017 для одного из диалектов английского и др.]. Отвергая первый, картографический, подход, мы будем придерживаться последнего, ставя терский кумыкский в ряд языков, где не соблюдается *Doubly Filled Comp Filter* [Chomsky, Lasnik 1977].

¹⁶ Для обоснования того, почему направление ветвления для αP отличается от остального (например, СР), мы отсылаем к [Российкин 2024].

Рисунок 6. Оппозитивный $=msA$ и dep -клауза

4. Выводы

В настоящей статье мы рассмотрели показатель $=msA$, маркирующий контрастивные отношения, а именно противо-ожидательный и оппозитивный контраст (он же контрастивный топик). Далее мы предложили единый анализ $=msA$ как показателя клаузального сочинения второй позиции, привлекающего себе в позицию спецификатора ближайший доступный терминальный узел, а при отсутствии такового — ближайшую доступную составляющую. Затем были приведены и объяснены различия между $=msA$ при противо-ожидательном и оппозитивном контрасте: в первом случае имеет место только топикальное передвижение, а во втором — сначала контрастивное, а потом топикальное; признаки [topic] и [contrast] лицензируются в разных позициях (в спецификаторах матричной и ближайшей СР-проекций соответственно), и иногда эти позиции могут совпадать. Для части носителей для топикального передвижения, которое происходит вслед за контрастивным, присущ эффект крысолова — контрастивно-топикализованная составляющая влечёт за собой всю группу, в которой она содержится. Для каждого случая были рассмотрены примеры передвижения (из) различных составляющих, например, ИГ и финитных клауз с выраженным комплементайзером.

Список условных сокращений

1, 2 — 1, 2 лицо; ACC — аккузатив; COM — комитатив; DAT — датив; DEF — определённый артикль; IPFV — имперфектив; MSA — =msA; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PFCT — перфектив; PL — множественное число; PST — претерит; SG — единственное число.

Список источников / References

- Гаджиахмедов и др. 2014 — Гаджиахмедов Н.Э., Абдуллаева А.З., Кадыраджиев К.С., Керимов И.А., Ольмесов Н.Х., Хангишиев Д.М. Современный кумыкский язык. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2014. [Gadzhiahmedov N.E., Abdullaeva A.Z., Kadyradzhiev K.S., Kerimov I.A., Ol'mesov N.Kh., Khangishiev D.M. Sovremennyj kumykskij jazyk [The modern Kumyk language]. Makhachkala: Institute for Language, Literature and Arts of the Daghestan Scientific Centre, RAS, 2014.]
- Россиякин 2024 — Россиякин П.О. Синтаксис сочинения в терском диалекте кумыкского языка. Малые языки в большой лингвистике. 2024. No. 6. Pp. 96–112. [Rossiaykin P.O. Sintaksis sochineniya v terskom dialekte kumykskogo yazyka [The syntax of coordination in the Terek dialect of Kumyk]. Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. 2024. No. 6. Pp. 96–112.]
- Россиякин и др. 2022 — Россиякин П.О., Насырова Р.Р., Дорофеева Е.П. Неопределенные местоимения в терском кумыкском. Экспедиционный отчёт. 2022. [Rossiaykin P.O., Nasyrova R.R., Dorofeeva E.P. Neopredelennye mestoimeniya v terskom kumykskom [Indefinite pronouns in Terek Kumyk]. Expedition report. 2022.]
- Тевелева, Дорофеева 2022 — Тевелева А.Е., Дорофеева Е.П. Контрафактивные условные конструкции в терском диалекте кумыкского языка. Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. Спарат' Н.М., Выдрин В.Ф. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 153–155. [Teveleva A.E., Dorofeeva E.P. Kontrfaktivnye uslovnye konstrukcii v terskom dialekte kumykskogo yazyka [Counterfactual conditional constructions in the Terek dialect of Kumyk]. Devyatnadcataja konferencija po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej. Tezisy dokladov. Spatar' N.M., Vydrin V.F. (eds.). St. Petersburg: ILI RAN, 2022. Pp. 153–155.]
- Abels 2012 — Abels K. Phases: An essay on cyclicity in syntax. Berlin: Walter de Gruyter, 2012. (Linguistische Arbeiten. Bd. 543).
- Abels 2019 — Abels K. On “sluicing” with apparent massive pied-piping. Natural Language & Linguistic Theory. 2019. Vol. 37. Pp. 1205–1271.
- Aboh 2004 — Aboh E.O. Topic and focus within D. Linguistics in the Netherlands. 2004. Vol. 21. No. 1. Pp. 1–12.
- Bech 2012 — Bech K. Word order, information structure, and discourse relations. Information structure and syntactic change in the history of English. Meurman-Solin A., Lopez-Couso M.J., Los B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 66–86.
- Bošković 2005 — Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the structure of NP. Studia linguistica. 2005. Vol. 59. No. 1. Pp. 1–45.
- Bošković 2010 — Bošković Ž. Phases and left-branch extraction. Moscow Student Conference on Linguistics (SCL-2010). 2010.
- Bošković 2016 — Bošković Ž. Getting really edgy: On the edge of the edge. Linguistic inquiry. 2016. Vol. 47. No. 1. Pp. 1–33.
- Bondarenko, Davis 2024 — Bondarenko T., Davis C. Cross-clausal scrambling and subject case in Balkar: On multiple specifiers and the locality of overt and covert movement. Syntax. 2024.

- Branan, Erlewine 2023 — Branan K., Erlewine M.Y. Anti-pied-piping. *Language*. 2023. Vol. 99. No. 3. Pp. 603–653.
- Büring 2003 — Büring D. On D-trees, beans, and B-accents. *Linguistics and Philosophy*. 2003. Vol. 26. No. 5. Pp. 511–545.
- Büring 2013 — Büring D. Syntax, information structure, and prosody. In: *The Cambridge handbook of generative syntax*. den Dikken M. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. Pp. 860–895.
- Cable 2010 — Cable S. *The grammar of Q: Q-particles, wh-movement, and pied-piping*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Chomsky 1977 — Chomsky N. On wh-movement. In: *Formal syntax*. Culicover P.W., Wasow T., Akmajian A. (eds.). New York: Academic Press, 1977. Pp. 71–132.
- Chomsky, Lasnik 1977 — Chomsky N., Lasnik H. Filters and control. *Linguistic inquiry*. 1977. Vol. 8. No. 3. Pp. 425–504.
- Chomsky 2001 — Chomsky N. Derivation by phase. In: *Ken Hale: A life in language*. Kenstowicz M. (ed.). Cambridge, MA: The MIT Press, 2001. Pp. 1–52.
- Chomsky 2008 — Chomsky N. On phases. In: *Foundational issues in linguistic theory: Essays in honor of Jean-Roger Vergnaud*. Freidin R., Otero C.P., Zubizarreta M.L. (eds.). Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. Pp. 133–166.
- Citko 2014 — Citko B. *Phase theory: An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Coulmas 1986 — Coulmas F. Reported speech: Some general issues. In: *Direct and indirect speech*. Coulmas F. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 1–28.
- De Kuthy 2021 — De Kuthy K. Information structure. In: *Head-Driven Phrase Structure Grammar: The handbook*. Müller S., Abeillé A., Borsley R.D., Koenig J.-P. (eds.). Berlin: Language Science Press, 2021. Pp. 1043–1078.
- Erlewine 2020 — Erlewine M.Y. Anti-locality and subject extraction. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2020. Vol. 5. No. 1. Art. 21.
- Erlewine, Kotek 2014 — Erlewine M.Y., Kotek H. Intervention in focus pied-piping. *Proceedings of the North East Linguistic Society (NELS)*. 2014. Vol. 43. No. 1. Pp. 117–130.
- Frascarelli, Hinterhölzl 2008 — Frascarelli M., Hinterhölzl R. Types of topics in German and Italian. On information structure, meaning and form: Generalizations across languages. Shaer B., Cook P., Frey W., Maienborn C. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 87–116.
- Giusti et al. 2006 — Giusti G., Brugè L., Cardinaletti A., Munaro N., Poletto C., Schweikert W. Parallels in clausal and nominal periphery. Phases of interpretation. Frascarelli M. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 163–184.
- Hartmann, Zimmermann 2009 — Hartmann K., Zimmermann M. Morphological focus marking in Gùrùntùm (West Chadic). *Lingua*. 2009. Vol. 119. No. 9. Pp. 1340–1365.
- Haspelmath 2007 — Haspelmath M. Coordination. In: *Language typology and syntactic description*. Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. 2. Pp. 1–51.
- Hiraiwa 2005 — Hiraiwa K. Dimensions of symmetry in syntax: Agreement and clausal architecture. Ph.D. diss. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 2005.
- Horváth 1986 — Horváth J. Focus in the theory of grammar and the syntax of Hungarian. Dordrecht: Foris Publications, 1986.
- Iatridou 2013 — Iatridou S. Looking for free relatives in Turkish. In: *Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 8)*. Sener S., Takahashi C., Tieu E. (eds.). Cambridge, MA: MIT Working Papers in Linguistics, 2013. Pp. 129–152.
- Inkelas 1994 — Inkelas S. The consequences of optimization for underspecification. Talk presented at NELS 25. 1994.

- İşsever 2003 — İşsever S. Information structure in Turkish: The word order–prosody interface. *Lingua*. 2003. Vol. 113. No. 11. Pp. 1025–1053.
- Johannessen, Janne Bondi (1998). Coordination. In Press. Oxford: Oxford University Press.
- Kidwai 2000 — Kidwai A. XP-Adjunction in universal grammar: Scrambling and binding in Hindi-Urdu. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Kiss 1998 — Kiss K.É. Identificational focus versus information focus. *Language*. 1998. Vol. 74. No. 2. Pp. 245–273.
- Kornfilt 2013 — Kornfilt J. Turkish. London: Routledge, 2013. (Descriptive Grammars).
- Kozlov, Zakirova 2023 — Kozlov A., Zakirova A. The exhaustive particle =ok in Hill Mari and beyond. *Linguistica Uralica*. 2023. Vol. 59. No. 2. Pp. 81–100.
- Krifka 2006 — Krifka M. Association with focus phrases. The architecture of focus. Molnár V., Winkler S. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 105–135.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique*. 2015. Vol. 60. No. 3. Pp. 289–325.
- Mauri 2008 — Mauri C. Coordination relations in the languages of Europe and beyond. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Mitrović 2013 — Mitrović M. Configurational change in Indo-European coordinate construction. Ph.D. diss. Cambridge: University of Cambridge, 2013.
- Mitrović 2021 — Mitrović M. Superparticles: A microsemantic theory of composition and non-compositionality. Cham: Springer, 2021.
- Mitrović, Sauerland 2014 — Mitrović M., Sauerland U. Decomposing coordination. *Proceedings of the North East Linguistic Society (NELS)*. 2014. Vol. 44. No. 1. Pp. 39–52.
- Mitrović, Sauerland 2016 — Mitrović M., Sauerland U. Two conjunctions are better than one. *Acta Linguistica Hungarica*. 2016. Vol. 63. No. 4. Pp. 471–494.
- Molnár 2002 — Molnár V. Contrast from a contrastive perspective. Information structure in a cross-linguistic perspective. Hasselgård H., Johansson S., Behrens B., Fabricius-Hansen C. (eds.). Amsterdam: Rodopi, 2002. Pp. 147–161.
- Neeleman et al. 2009 — Neeleman A., Titov E., Van de Koot H., Vermeulen R. A syntactic typology of topic, focus and contrast. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009.
- Neeleman, Van de Koot 2014 — Neeleman A., Van de Koot H. Word order and information structure. Ms. University College London. 2014.
- Neeleman, Vermeulen 2012 — Neeleman A., Vermeulen R. The syntactic expression of information structure. The syntax of topic, focus, and contrast: An interface-based approach. Neeleman A., Vermeulen R. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 1–38.
- Otoguro et al. 2003 — Otoguro R., Butt M., King T.H. Focus clitics and discourse information spreading. *Proceedings of the LFG'03 Conference*. Butt M., King T.H. (eds.). Stanford, CA: CSLI Publications, 2003. Pp. 367–386.
- Pesetsky 2017 — Pesetsky D. Complementizer-trace effects. *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. 2nd ed. Everaert M., van Riemsdijk H.C. (eds.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2017. Pp. 1–34.
- Rizzi 1990 — Rizzi L. Relativized minimality. Cambridge, MA: The MIT Press, 1990.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar: Handbook in generative syntax*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. Pp. 281–337.
- Ross 1967 — Ross J. R. Constraints on variables in syntax. Ph.D. diss. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 1967.
- Saito 2003 — Saito M. Scrambling and the Survive Principle. *MIT Working Papers in Linguistics*. 2003. Vol. 45. Pp. 137–158.

- Samuels 2009 — Samuels B.D. *The structure of phonological theory*. Harvard University, 2009.
- Svenonius 2004 — Svenonius P. *On the edge. Peripheries: Syntactic edges and their effects*. Adger D., de Cat C., Tsoulas G. (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. Pp. 259–287.
- Szabolcsi 2018 — Szabolcsi A. Two types of quantifier particles: Quantifier-phrase internal vs. heads on the clausal spine. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2018. Vol. 3. No. 1. Art. 108.
- Szendrői 2010 — Szendrői K. A flexible approach to discourse-related word order variations in the DP. *Lingua*. 2010. Vol. 120. No. 4. Pp. 864–878.
- Truckenbrodt 2007 — Truckenbrodt H. The syntax-phonology interface. *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1. No. 1–2. Pp. 1–16.
- Vallduví, Vilkuna 1998 — Vallduví E., Vilkuna M. On rheme and kontrast. The limits of syntax. Culicover P.W., McNally L. (eds.). Bingley: Emerald, 1998. Pp. 79–108.
- Vicente 2010 — Vicente L. On the syntax of adversative coordination. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. No. 2. Pp. 381–415.
- Wälchli 2024 — Wälchli B. The interplay of contrast markers ('but'), selectives ("topic markers") and word order in the fuzzy oppositional contrast domain. *Linguistic typology*. 2024. Vol. 28. No. 1. Pp. 53–99.
- Wurmbrand 2006 — Wurmbrand S. Verb clusters, verb raising, and restructuring. *The Blackwell companion to syntax*. Everaert M., van Riemsdijk H.C. (eds.). Oxford: Blackwell, 2006. Vol. 5. Pp. 229–343.
- Zubizarreta 1998 — Zubizarreta M.L. *Prosody, focus, and word order*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1998.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was received on 01.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Елизавета Павловна Дорофеева
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta Dorofeeva
Lomonosov Moscow State University

anrie.llnfld@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.36.88.002

МОДАЛЬНОСТЬ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНФИГУРАЦИИ: ГЛАГОЛ *ТРЯБВА* В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ^{*}

Е.Ю. Иванова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: Статья посвящена выявлению дифференциальных грамматических признаков, маркирующих разные виды модальности в конструкциях с болгарским глаголом долженствования *трябва* при последующей да-клаузе. Синтаксические модели, образуемые безличным глаголом *трябва*, анализируются с точки зрения степени их синтаксической прозрачности.

Ключевые слова: модальные глаголы, типы модальных значений, безличные глаголы, реструктурирование, подъем, болгарский язык

Для цитирования: Иванова Е.Ю. Модальность и синтаксические конфигурации: глагол *трябва* в болгарском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 2. С. 38–65.
doi:10.37632/PI.2025.36.88.002

MODALITY AND SYNTACTIC CONFIGURATIONS: THE VERB *TRYABVA* IN BULGARIAN^{**}

* Работа написана при поддержке проекта РНФ № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. Выражаю благодарность анонимным рецензентам за ценные конструктивные замечания.

** This research has been supported by the Russian Science Foundation, project 25-18-00222 “Control and Raising in the languages of Eurasia” realized at Pushkin State Russian Language Institute. I thank the anonymous reviewers for their constructive comments and useful input.

Elena Ivanova

Pushkin State Russian Language Institute / St. Petersburg University

Abstract: The article aims to identify relevant features that mark different types of modality in constructions with the Bulgarian modal verb *tryabva* followed by a *da* clause. Syntactic patterns formed with the impersonal verb *tryabva* are analysed in terms of their degree of syntactic transparency.

Keywords: modal verbs, types of modal meanings, impersonal verbs, restructuring, raising, Bulgarian

For citation: Ivanova E. Modality and syntactic configurations: The verb *tryabva* in Bulgarian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 2. Pp. 38–65. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.36.88.002

1. Введение

Безличный глагол *трябва* ('надо', 'нужно', 'должен', 'должно быть'¹) является основным глаголом долженствования в болгарском языке. Он способен выразить все виды долженствования и необходимости:

- **деонтическое долженствование**, связанное с обязанностями, возникающими в силу морально-этических принципов или правовых норм, см. примеры (1):

- (1) a. *Според инструкцията трябва да бъда и с двама ви*².
 ‘По инструкции, я должен находиться с вами обоими.’
- b. *Той твърди, че светът трябва да принадлежи или на нас, или на тях.*
 ‘Он утверждает, что мир должен принадлежать или нам, или им.’
- **динамическую** (обстоятельственную, circumstantial [Kratzer 1991; von Fintel 2006]) **необходимость**, определяемую внешними обстоятельствами (ср. алетическая необходимость [Булыгина, Шмелев 1997: 216–219; Митренина 2017; Zimmerling 2024, 2025]), как в примере (2a), а также — в широком понимании этого термина [von Fintel 2006] — связанную и с внутренними потребностями субъекта, как в (2b):

¹ В болгарском языке отсутствует вводно-модальный оборот с глаголом *трябва*, подобный рус. *должно быть*, см. пример (3а) и его перевод на русский язык.

² Все примеры, если не отмечено иное, взяты из Болгарского национального корпуса. О процедуре выборки см. далее.

- (2) a. *Трябва да предприемете по-решителни действия.*
 ‘Вам нужно предпринять более решительные действия.’
- b. *Първо трябва да чуя какво мислиши за него.*
 ‘Сначала я должен услышать, что ты думаешь о нем.’
- эпистемическое долженствование, связанное с оценкой степени достоверности ситуации (3). Эпистемическая необходимость, выражаемая глаголом *трябва*, отражает мнение говорящего о высокой степени вероятности осуществления действия [Ницолова 1984: 157–158]:
- (3) a. *Нещастнят, трябва да е бил нападнат ненадейно.*
 ‘Бедняга, на него, должно быть, напали неожиданно.’
- b. *Вече трябва да е по книжарниците.*
 ‘[Книга] Должна уже быть в книжных магазинах.’

В любом из этих употреблений безличный глагол *трябва* сочетается с т.н. да-конструкцией — формой, заменившей инфинитив в балканославянских языках (болгарском, македонском и некоторых сербских диалектах). Да-конструкция представляет собой линейно жесткое сочетание личных форм глагола со служебной модальной частицей, которая указывает на нефактивность последующей предикации или вводит ситуацию, не охарактеризованную во временном и модальном отношении [Ницолова 2008: 409–427; Иванова 2022; Коева 2023; Krapova 2023; Krapova 2025 и др.], поэтому для большинства зависимых клауз, вводимых посредством *да*, действуют те или иные запреты на набор возможных темпоральных форм.

Основная цель данной статьи — выявление грамматических особенностей моделей *трябва + да + Verb* при выражении разной модальной семантики. Хорошо известно, что модальные показатели, особенно те, которые отличаются высокой частотностью в конкретном исследуемом языке, часто представляют собой многозначные единицы, семантика которых может быть надежно уточнена лишь в контексте [Kratzer 1991; Булыгина, Шмелев 1997: 220–225]. В то же время такой богатый инвентарь модальных значений, который имеется у болгарского глагола *трябва*, не может не дать каких-либо грамматических подсказок, по крайней мере при сопоставлении эпистемических и неэпистемических значений.

Кроме того, конструкция *трябва + да + Verb* имеет некоторые варианты реализации, которые тоже могут быть связаны с выражением тех или иных модальных значений. В статье мы представим ряд наблюдений о связи формы и (модального) значения конструкции *трябва + да + Verb*, не претендуя на данном этапе на исчерпывающий анализ, требующий учета как семантических типов предикатов в *да*-форме, так и изучения коммуникативно-синтаксического интерфейса.

Основным материалом для исследования послужила выборка из Болгарского национального корпуса (БНК), а именно из подкорпусов художественных текстов и материалов СМИ, созданных после 1990 г.³ Всего в этой выборке зафиксировано 189256 вхождений глагола *трябва* с последующей *да*-конструкцией (с учетом включения клитик в указанную последовательность). Настоящее исследование велось на одном фрагменте этого материала в 10000 вхождений. Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 представлены семантические и синтаксические характеристики глагола *трябва*, описанные в болгаристической литературе. В разделе 3 на основе данных корпусной выборки проверяется ряд параметров, позволяющих дифференцировать конструкции разной семантики и разной степени синтаксической цельности. В разделе 4 обобщаются полученные результаты.

2. Безличный глагол *трябва* как основной предикат *долженствования* в болгарском языке

2.1. *Трябва* на фоне других модальных предикатов со значением *долженствования*

Помимо глагола *трябва*, являющегося основным модальным предикатом со значением необходимости и *долженствования*, в болгарском языке имеется еще ряд модальных лексем близкой семантики. Предикативы *нужно* и *необходимо* могут выступать как синонимы при неэпистемических употреблениях *трябва*, но характеризуются гораздо более низкой активностью в языке. Так, для сравнения, по данным открытой части БНК, запрос на сочетание с *да*-формой дает следующие результаты (дата посещения 15.11.2025):

³ Выражаю благодарность доц. Ивелине Стояновой (секция компьютерной лингвистики Института болгарского языка Болгарской академии наук) за осуществление выборки из основной (закрытой) части корпуса. Часть корпуса доступна онлайн: [Bulgarian National Corpus](#). О корпусе см. [Koeva et al. 2012].

<i>трябва да</i> — 351 031	<i>трябва ми_{DAT.1SG} да</i> — 16 ⁴
<i>нужно е да</i> — 279	<i>нужно ми_{DAT.1SG} е да</i> — 56
<i>необходимо е да</i> — 1581	<i>необходимо ми_{DAT.1SG} е да</i> — 67
‘нужно’	‘мне нужно’

Сопоставление с модальными лексемами *необходимо* и *нужно* в связи с их слабой употребительностью далее не проводится.

К предикатам с дифференцированными модальными значениями долженствования относятся:

дължен съм ‘должен, обязан’,

има ‘надо, придется’,

следва ‘следует’,

не бива ‘не надо’, ‘не следует’,

а также некоторые другие, см., например, [Ницолова 1984: 156–157].

Дължен съм имеет все лично-числовые формы, остальные глаголы являются безличными. Глагол *следва* стилистически ограничен официальными стилями речи. Предикат *не бива* в значении долженствования выступает лишь в отрицательной форме, хотя встречаются и его положительные модальные употребления, в основном в риторических вопросах с отрицательной семантикой, где *бива* чаще всего имеет значение деонтической допустимости, которая и ставится под сомнение: *Бива ли така?* ‘Разве так можно (допустимо)?’.

Как показывают приведенные выше русские модальные аналоги, каждый из глаголов, помимо *трябва*, имеет специфические семы (а *бива* — еще и ограничения на положительную декларативную форму), которые очерчивают относительно узкую сферу их употребления: предикат *дължен съм* имеет «обязывающее значение» [Кобозева, Лауфер 1991: 172; Градинарова 2008: 25]; в глаголе *има* доминирует семантика алетической (внешней обстоятельственной) предопределенности; *следва* и *не бива* специализируются на выражении деонтической (определяемой нормами) необходимости и недопустимости.

Таким образом, главным предикатом долженствования болгарского языка, не ограниченным ни семантически, ни стилистически, является глагол *трябва*.

⁴ См. об этом варианте модели с *трябва* в разделах 2.4., 3.1.

Существует, помимо того, личный глагол *трябвам* ‘быть необходимым, нужным’, выражающий значение внутренней необходимости: *Трябваш ми*. ‘Ты мне нужен (нужна)’. *Трябват ми помощници*. ‘Мне необходимы помощники’.

Личный глагол *трябвам* в данной статье не рассматривается, т.к. он лицензирует дативно-номинативную конструкцию, см. (4а–б). Подобно русскому предикату *быть нужным*, он тоже может вводить зависимую клаузу, присоединяемую в болгарском языке посредством того же союза *да*, как в примере (4а), но амбивалентности или омонимичности в такой структуре нет: подчиненная клауза при глаголе *трябвам* является целевой, она может встретиться и с семантически дифференцированным целевым союзом *за да* (4б).

- (4) а. *Трябват_{PRES.3PL} mi_{DAT.1SG} да си докарам_{PRES.1SG} дърва.*
 ‘[Волы] Нужны мне, чтобы привезти дрова.’
- б. *Трябват_{PRES.3PL} mi_{DAT.1SG}, за да работя_{PRES.1SG}.*
 ‘[Очки] Нужны мне, чтобы работать.’

2.2. Синтаксис глагола *трябва* в болгарских грамматических описаниях

В традиционных грамматических описаниях предложения с глаголом *трябва* с последующей *да*-формой относят к составным глагольным склоняемым, например, [ГСБКЕ 1983b: 128–134]. В рамках формальных подходов эти конструкции описываются, наоборот, как предложения с матричным предикатом *трябва*, вводящим зависимую комплементную *да*-клаузу [Пенчев 1998: 550–552, Коева 1995; Коева 2021: 24; Коева 2023].

Так, в [Коева 2023] доказывается, что *трябва*, как и другие безличные модальные предикаты (*може* ‘можно’, *следва*, а также (*не*) *бива*), вводит комплементное зависимое предложение. Синтаксическая роль подчиненной клаузы определяется как субъектная на основе допустимости местоименной субSTITУции: *[Това] трябва*. ‘Это нужно’ [Коева 2023: 149]. В качестве одного из доказательств биклаузальности данной структуры автор приводит возможность разных темпоральных характеристик главного и зависимого предиката. Так, для матричного *трябва* показана допустимость употребления в подчиненной предикации не только настоящего времени, как в примерах (1), (2), (3б) выше, но и перфектных (5а–б), плюсквамперфектных (5с) и имперфектных (5д) форм.

- (5) a. *Момчетата трябва да са готвили_{PERF.3PL}*
 ‘Мальчики должны были готовить.’
- b. *Камъните трябва да са се търкаляли_{PERF.3PL}*
 ‘Камни должны были перекатываться.’
- c. *Трябва да беше отишил_{PPERF.3SG} до кръчмата.*
 ‘Он, должно быть, ушел в кабак.’
- d. *Трябва да пишеше_{IMPERF.3SG} рецензии за всички филми.*
 ‘Похоже, он писал рецензии на все фильмы.’ [Коева 2023:148–149].

Различие в семантике этих конструкций автором не комментируется. Несколько забегая вперед, отметим, что указанные темпоральные вариации возможны в неодинаковой степени для разных модальных значений глагола *трябва*.

Приводимые доказательства биклаузальности данных построений и отсутствие семантической селекции аргумента со стороны матричного глагола [Коева 2023: 148], тем не менее, не считаются, по мнению автора, свидетельствами подъема аргумента, поскольку не наблюдается согласования между безличным матричным предикатом и аргументом и, кроме того, подлежащее зависимой клаузы может занимать и другие позиции, включая позицию внутри зависимой клаузы (6a–b). Перемещение подлежащего зависимой клаузы в начальную позицию сложного предложения, как в примере (6c), квалифицируется С. Коевой как результат топикализации, см. и [Коева 1995]. Ср. варианты для глагола *трябва*:

- (6) a. [Трябва [*аз* да готовя]].⁵
- b. [Трябва [да готовя *аз*]].
- c. [*Аз* трябва [да готовя]].
- ‘Я должен (должна) готовить.’ [Коева 2023:148–149]

⁵ Расположение подлежащего зависимой клаузы *аз* в предсоюзной позиции связано с тем, что болгарская частица-союз *да* имеет модальные и синтаксические характеристики, не совпадающие с обычными комплементайзерами. В частности, необходимость жесткого приглагольного расположения *да* позволяет выносить различные составляющие зависимой клаузы в позицию перед *да*.

В концепции И. Крыповой [Krapova 2025] на основе типологических и генеративных подходов к финитности и на фоне некоторых балканских и романских языков с близкими стратегиями замещения инфинитива предлагаются троичная классификация комплементных да-клауз в зависимости от их синтаксической структуры и семантической интерпретации: моноклаузальные (на уровне события, event-level), биклаузальные с контролем (на уровне ситуации, situation-level) и биклаузальные без контроля (на уровне пропозиции, propositional-level). Выделенные типы отражают разную степень синтаксической прозрачности и контроля над подлежащим аргументом.

Предложения с модальными глаголами (среди упомянутых в статье находим предикаты *трябва*, *мога* ‘мочь’, *може* ‘возможно’ [Krapova 2025: 32]), входят в группу моноклаузальных инфинитивоподобных конструкций, близких к реструктурирующим предикатам романских языков. Автор доказывает, что, хотя в болгарском языке не наблюдается сопоставимого с романскими языками явления подъема клитик (clitic climbing effect), болгарские аспектуальные и модальные глаголы демонстрируют эффекты синтаксической и семантической проницаемости (transparency effects), затрагивающие подлежащий аргумент [Krapova 2025: 32–33], см. и [Krapova, Cinque 2018].

В частности, субъект вложенной клаузы:

- должен оставаться невыраженным (т.е. не может быть заменен эксплицитной DP);
- должен быть строго кореферентен субъекту главной клаузы (частичный контроль недоступен⁶);
- не может принимать не-с-командуемые или расщепленные антецеденты (cannot take non-c-commanding or split antecedents) [Krapova 2025: 33].

Примеры, доказывающие эти положения, не содержат употреблений глагола *трябва*.

П. Осенова [2022: 71] бегло упоминает глагол *трябва* с эксплицитным подлежащим в ряду болгарских безличных глаголов подъема в контексте аналогии в английскими модальными глаголами.

⁶ Ср. ^{OK}Aз_i *трябва да тръгвам_i* ‘Я должен идти’ и *Aз_i *трябва да тръгваме_{i+1}* ‘*Я должен, чтобы мы шли’.

Таким образом, вопрос о статусе безличного глагола *трябва* как образующегоmono- или биклаузальную структуру пока далек от общего решения.

Более ясным представляется семантический спектр модальных значений, выражаемых глаголом *трябва*, и набор конструкций, им образуемых.

2.3. Семантика глагола *трябва* в болгарских грамматических описаниях

Болгарский глагол *трябва*, будучи наиболее распространенным в болгарском языке предикатом долженствования, регулярно возглавляет ряды модальных предикатов со значением необходимости во всех грамматических описаниях болгарского языка, однако отдельного и подробного научного описания до сих пор не получил (в отличие от глаголов со значением возможности, см., например, недавние работы [Русева 2022; Ганева 2023]). Тем не менее в последние десятилетия, в связи с активным изучением болгарского презумптива⁷ [Герджиков 1984; Алексова 2018; Алексова 2025: 19–24] и в целом средств выражения предположения [Търпоманова 2017; Иванова, Алексова 2018; Targomanova, Aleksova 2022], лексико-грамматический комплекс *трябва да* постулируется как более употребительный конкурент грамматическому презумптиву *ще* (*да*) — форме, возникшей на основе будущего и будущего предварительного, но семантически относящейся не к будущим, а к прошлым или настоящим ситуациям [Targomanova, Aleksova 2022: 375], см. пример из параллельного русско-болгарского подкорпуса НКРЯ:

- (7) *Судя по положению рук горилы, я понял, что это должен быть шар.*
 (А. Беляев. Хойти-Тойти. 1930).
 ‘По движението на ръцете на горилата разбрах, че това ще да е кълбо.’ (пер. З. Стайкова) [Иванова, Алексова 2018: 88]

В связи с этим появились и некоторые наблюдения, связанные с особенностями *трябва* в случае его презумптивного (в целом — предварительного) значения, т.е. значения эпистемической оценки. Во-первых, отмечается, что темпоральные возможности зависимой клаузы с эпистемическим *трябва* несколько шире, чем при его неэпистемических употреблениях.

⁷ Болгарский презумптив (наряду с конклюзивом [Алексова 2021]) является одним из грамматикализованных в этом языке показателей вероятностного суждения, маркирующих «“эпистемическую дистанцию”: говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может, так сказать, выступить ее гарантом» [Плунгян 2011: 467].

лениях. Если в последних наиболее обычным является настоящее время зависимой предикации, а иное редко, то при эпистемическом употреблении часто встречаются и другие временные формы. То есть, как отмечено в [Търпоманова 2017: 56], если при глаголе *трябва* после *да* использованы формы перфекта, плюсквамперфекта или имперфекта, то эпистемическая трактовка предложения выбирается как приоритетная.

Ср. примеры с формами перфекта и их толкование из [Търпоманова 2017: 56]⁸:

(8) а. необходимость

Трябва да е тръгнал_{PERF} в 5 ч. (за да стигне навреме).

‘Он должен выехать в 5 часов (чтобы добраться вовремя).’

б. предположение

Трябва да е тръгнал_{PERF} в 5 ч. (щом е стигнал в 8)

‘Он, должно быть, выехал в 5 часов (раз добрался в 8).’

Более сложным является различие модальных значений в случае настоящего времени зависимой предикации. См. возможность двойного прочтения в (9), где однозначность снимается только в контексте. Отмечено [там же], что при зависимом предикате в форме настоящего времени чаще выбирается неэпистемическая интерпретация, как в примере (9а):

(9) а. необходимость

Детето трябва да спи_{PRES}. (Утре ще става рано).

‘Ребенок должен спать. (Завтра рано вставать).’

б. предположение

Детето трябва да спи_{PRES}. (Не се чуваш шум от стаята му).

‘Ребенок, должно быть, спит. (Не слышно шума из его комнаты).’

Примеры и толкование Е. Тырпомановой [2017: 56].

Полезным наблюдением представляется замеченная тем же автором дистрибуция синонимичных глаголов *съм* и *бъда* ‘быть’ в конструкции с *трябва*: в то время как глагол *съм* может появиться как в неэпистеми-

⁸ В теоретической концепции эвиденциальности К. Алексовой, в (8б) использована форма конклюзива (а именно конклюзивного аориста) — разновидность умозаключительных эвиденциальных значений. Она омонимична индикативному перфекту (8а), об этом см., например, [Алексова 2025].

ческих, так и в эпистемических конструкциях (и последние значительно шире представлены), глагол *бъда* возможен только в неэпистемических контекстах.

Проверка материала подтверждает последнее предположение автора, см. 3.2. В то же время встает вопрос о причинах недопустимости *бъда* при эпистемическом *трябва*. В болгарском языке использование глагола *бъда*, синонимичного *съм*, в целом ограничено структурами, предполагающими ориентацию на будущее действие (императив, контексты будущего). Для грамматикализованного презумптива *ще* (*да*) + Verb ограничение на показатели будущности жесткое: он соотносится с любым временным планом, кроме будущего, поэтому глагол *бъда* при презумптивном показателе *ще да* не употребляется.

Модальный глагол *трябва*, в отличие от презумптива, в принципе, может выражать предположение, ориентированное и на будущую ситуацию тоже, и для него не должен был бы действовать семантический запрет на *бъда*. Причины данного ограничения могут быть связаны с движением эпистемического *трябва да* по шкале грамматикализации [Таргоманова, Aleksova 2022], но могут определяться и иными факторами, см. некоторые предположения в разделе 3.2.

Что касается различий конструкций с *трябва*, выражающих разные виды модальных неэпистемических значений, специальные исследования по данному вопросу, насколько нам известно, не проводились.⁹

2.4. Номинативная и дативная модель с безличным глаголом *трябва*

В болгарском языке имеются следующие (неравноценные статистически, как будет показано в 3.1) модели с безличным глаголом *трябва* и последующей да-формой.

1. Номинативная модель, когда субъект при *трябва* (собственно, субъект вложенной клаузы) выражен местоимением в именительном падеже, часто опускаемом (*pro*), или беспредложной именной группой, — как в примерах выше или в (10).

⁹ В работе А.А. Градинаровой [2008] отмечается, что глагол *трябва* является основным средством выражения деонтической необходимости. Однако автор понимает деонтическую необходимость широко, включая в нее, помимо собственно деонтического долженствования, обусловленного требованием соответствия нормам, также и необходимость, определяемую внешними обстоятельствами (алетическую), не проводя между ними различий.

2. Дативная модель, когда субъект (модального отношения) выражен дативной клитикой или сочетанием дативной клитики и предложной именной группы с предлогом *на*, см. (11).

- (10) *Тя_{NOM.3SG} трябва да се наспи_{PRES.3SG}.*
 ‘Она должна выспасться.’
- (11) *И защо my_{DAT.3SG} трябва да лъже_{PRES.3SG}?*
 ‘И зачем ему нужно лгать?’

В работе А. А. Градинаровой [2008], где анализируются конструкции долженствования в болгарском языке на фоне русского, утверждается, что модель, где субъект при безличном *трябва* выражен дативом, является «тривиальной», стандартной для болгарского языка, а конструкция с «именинительным падежом субъекта, кореферентного субъекту *да*-конструкции» предстает у автора как дополнительная модель, получившая определенное распространение в современном языке [Градинарова 2008: 28].

История становления деонтического *трябва* (см. раздел 3.1), как и наши данные, основанные на корпусной выборке, не подтверждают указанное наблюдение известного болгарского русиста. Наоборот, именно модель с номинативным субъектом используется в современном болгарском языке в подавляющем большинстве случаев. Болгаристическая литература, как было видно из предыдущих разделов, также основывает анализ исключительно на номинативной модели (независимо от того, считается ли подлежащий аргумент субъектом подчиненной предикации или субъектом при составном глагольном сказуемом).

Заметим, что в болгарском языке возможна и конструкция, полностью исключающая эксплицитное введение субъекта, а именно с безличной зависимой клаузой. Безличность зависимой предикации может быть связана с лексической безличностью (безличным глаголом) или с т. н. безличной формой личного глагола (форма 3 л. ед.ч. с возвратной частицей *се*), см. соответственно (12a) и (12b).

- (12) a. *Трябва да вали_{PRES.3SG}.*
 ‘Должен пойти дождь / Надо бы быть дождю.’
- b. *Трябва да се_{REFL} помисли_{PRES.3SG} за нова стратегия.*
 ‘Нужно подумать о новой стратегии.’

3. Конструкции с глаголом *трябва* в Болгарском национальном корпусе

3.1. Дативная модель на фоне номинативной

Модель с дативным выражением субъекта насчитывает всего 36 употреблений в общей выборке (0,36%), все — в контексте отрицания или риторического вопроса. Все эти 36 употреблений выражают значение отрицания внутренней необходимости. Дативом в этой конструкции маркирован (одушевленный) субъект этой необходимости:

- (13) *Хич не ти_{DAT.2SG} **трябва** да знаеш_{PRES.2SG}, чедо, какво може да се случи на тоя свет.*
 ‘И совсем тебе не нужно знать, деточка, что может случиться на этом свете’.
- (14) *На мен_{DAT.1SG} не ми_{DAT.1SG} **трябва** да купувам_{PRES.1SG} лиценз за това.*
 ‘Лично мне не нужно для этого покупать лицензию’.
- (15) *Не разбирам защо им_{DAT.3PL} **трябва** на хората да го правят_{PRES.3PL} на въпрос.*
 ‘Не понимаю, зачем людям нужно делать из этого проблему’.
- (16) *Не ми_{DAT.1SG} **трябва** да пишиш_{PRES.2SG} никакъв сценарий.*
 ‘Мне не нужно, чтобы ты писал какие-то сценарии (букв.: никакой сценарий’).
- (17) *Мерси, не ми_{DAT.1SG} **трябва** да ме водите_{PRES.2PL} по лаборатории и психиатрии.*
 ‘Спасибо, мне не нужно, чтобы вы меня водили по лабораториям и психиатриям’.

Дативная модель возможна не только при кореференции субъекта вложенной клаузы и дативного аргумента, как в примерах (13)–(15), но и с независимым субъектом подчиненного предиката (16)–(17). Отсутствие общего аргумента исключает анализ в терминах контроля и подъема.

Материал показывает, что употребление датива в конструкции с глаголом *трябва* и последующим комплементным предложением в болгарском языке крайне ограничено. То же значение внутренней необходимости, что и в дативной модели, более регулярно реализуется в конструкции, кото-

ную мы назвали «номинативной» — с эксплицитным или подразумеваемым субъектом действия, как в примере (18a) ниже. Тем не менее, поскольку номинативная структура многозначна, дативная модель может послужить удобным инструментом для выявления семантики внутренней необходимости: способность к этой трансформации без изменения модального значения показывает, что и в номинативной модели присутствует это толкование, см. (18a–b), в то время как трансформация (19a) в дативную модель (19b) ведет к изменению модальной интерпретации (переходу от внешней к внутренней модальности).

(18) а. *Aз_{NOM.1SG} **трябва** да зна_{PRES.1SG} всичко, което знаете вие.* <Тогава, когда-то ми е нужно на мене, а не по ваше усмотрение>.

б. *Трябва ми_{DAT.1SG} да зна_{PRES.1SG} всичко, което знаете вие.*

‘Мне нужно знать все, что знаете вы. <И тогда, когда нужно мне, а не по нашему усмотрению>.’ {a≈b}

(19) а. *Единственият човек, който_{NOM.3SG} **трябва** да знае_{PRES.3SG} всичко, е монархът.*

‘Единственный человек, который должен знать все, — это монарх.’

б. *Единственият човек, на който_{DAT.3SG} **му**_{DAT.3SG} **трябва** да знае_{PRES.3SG} всичко, е монархът.*

‘Единственный человек, которому нужно (который стремится) знать все, — это монарх.’

История формирования конструкций с безличным деонтическим *трябва* в болгарском языке, показывающая относительно давнее становление этой формы и этого значения вне связывания с дативом, тоже не дает оснований для признания дативной модели как основной. Согласно Г. Ганевой [2023: 166–171], закрепление глагола *тръбовати* в безличной форме для выражения значения (внешней) необходимости происходит в новоболгарский исторический период. Данный глагол фиксируется с отчетливым значением долженствования в новоболгарских дамаскинах: Троянском (XVII в.) и Свиштовском (XVIII в.), см. примеры (20a–b), при этом может встречаться и с номинативом (20a).¹⁰

¹⁰ Глоссирование примеров (20) — по Г. Ганевой.

- (20) а. *амí ты́ [чедо] ѿще не тръбѹшиe_{NEG.3SG.IMPERF} да излъзешь ... ТрД 243*
 [Ганева 2023: 168].

‘но тебе еще не следовало бы уходить’

- б. *Не тръбува_{NEG.3SG.PRES} вýну да пíешь, не тръбова_{NEG.3SG.PRES} да ядéшь*
мáсло... СвД 450 [Ганева 2023: 169].

‘Не надо вино пить, не надо есть масло...’

Глагол *тръбовати* (с инфинитивом или *да*-конструкцией) использовался и на более ранних этапах развития языка, но лишь в значении внутренней необходимости, в т.ч. с дативным субъектом. В новоболгарских памятниках, как показано Г. Ганевой, *трябва* со значением долженствования заменил глаголы *достоюти* и *подобати*, в безличной форме служившие вплоть до этого периода для выражения необходимости. Еще позже (лишь в позднем новоболгарском) глагол *трябва* развил значение эпистемической необходимости [Ганева 2023: 169].

3.2. Темпоральные характеристики зависимой клаузы и модальность

Таблица 1 показывает распределение временных форм¹¹ после *трябва да* по всему исследуемому фрагменту выборки. Таблица 2 демонстрирует дистрибуцию эпистемических и неэпистемических контекстов для временных форм перфекта, плюсквамперфекта и имперфекта после *трябва да* (о формах настоящего времени см. далее).

Таблица 1. Дистрибуция временных форм глагола после *трябва да*

Настоящее время	Перфект	Плюсквамперфект	Имперфект	Всего
9836 (98,36%)	146 (1,46%)	6 (0,06%)	12 (0,12%)	10000 (100%)

Таблица 2. Дистрибуция эпистемических и неэпистемических значений для форм перфекта, плюсквамперфекта и имперфекта после *трябва да*

	Перфект	Плюсквамперфект	Имперфект
Эпистемические значения	131 (89,7%)	5 (83,3%)	12 (100%)
Неэпистемические значения	15 (10,3%)	1 (16,7%)	0
Всего	146 (100%)	6 (100%)	12 (100%)

¹¹ Другие временные формы, кроме указанных в таблице 1, в болгарской *да*-конструкции и не могут быть употреблены, за редкими исключениями (см., например, [Иванова 2022]).

1. Формы **перфекта** после *трябва да* маркируют, как видно из таблицы 2, преимущественно эпистемическое употребление. Контексты с эпистемическим *трябва* с последующим перфектом (или аористом конклюзива, по [Алексова 2025]), как видно из примеров (21)–(23), довольно легко отчленяются от неэпистемического употребления *трябва* с индикативным перфектом (24): первые обычно, наряду с отсылкой к прошедшей ситуации, включены в контекст умозаключения, а вторые реализуют результативное значение перфекта.

- (21) Установи с чувство на вина, че *трябва да e спал_{PERF.3SG}* почти цяло денонощие.

‘С ощущением вины он установил, что проспал, видимо, почти целые сутки.’

- (22) Преживяването *трябва да e било_{PERF.3SG}* много силно?

‘Что, ощущения, похоже, были очень сильными?’

- (23) Картината <...> *трябва да e била_{PERF.3SG}* рисувана преди сто и петдесет години.

‘Картина <...> была написана, должно быть, сто пятьдесят лет назад.’

- (24) Значи до утре сутринта *трябва да съм измислил_{PERF.1SG}* нещо, с което да накарам Председателя да застане на страната на Фастълф.

‘Значит, к завтрашнему утру я должен буду придумать что-то, что заставит Председателя встать на сторону Фастальфа.’

2. Формы **плюсквамперфекта** после *да* в контексте модальных глаголов в целом в болгарском языке редки, и выборка (6 употреблений) это подтверждает. В пяти случаях представлено эпистемическое значение, как в (25)–(26):

- (25) Каквото и да бяха направили на него, за да се доберат до тук живи и въоръжени, все някак в бързането си *трябва да бяха допуснали_{P^{PERF.3PL}}* някоя грешка.

‘Что бы они ни сделали на нем [астероид], чтобы добраться сюда живыми и с оружием, все равно в спешке должны были допустить хоть какую-то ошибку.’

- (26) *Ликуването на борда на „Леонов“ трябва да се бе чуло_{PPERF.3SG} през празното пространство между двата кораба.*
 ‘Ликовение на борту «Леонова» слышалось, должно быть, на всем пустом пространстве между двумя [космическими] кораблями.’

3. Формы имперфекта в нашей выборке выглядят чуть более частотными (12 употреблений), но это связано лишь с формой имперфекта связочного глагола при эпистемических употреблениях, где он маркирует прошедший временной план, по отношению к которому делается предположение, см. (27). Имперфект полнозначных глаголов для современного болгарского языка в данной конструкции не характерен ни для каких значений *трябва*.

- (27) *Кафето трябва да бе_{IMPERF.3SG} наистина от най-добрите сортове, защото докато Бъйрнсон си наливаše в чашката на термоса, ароматът му взривообразно изпълни лабораторията.*
 ‘Кофе, должно быть, был наилучших сортов, потому что, пока Бьёрнсон наливал его себе в чашку термоса, аромат, как взрыв, наполнил лабораторию.’

4. Что же касается наиболее частотного времени в зависимой предикации — **настоящего**, оно составляет подавляющую часть употреблений в последовательности *трябва да + Verb*, см. таблицу 1. Для выявления дистрибуции эпистемических и неэпистемических контекстов были проанализированы отдельно три фрагмента из этой выборки: а) все контексты с формами настоящего времени *бъда* (в составе неглагольных предикатов), б) все контексты глагола-связки *съм* в 3 л. ед. ч. (в составе неглагольных предикатов), в) фрагмент в 300 контекстах с глагольными предикатами (полнозначными глаголами).

Формы настоящего времени глаголов *бъда* и *съм* составляют значительную часть общей выборки. Это связано: а) в неэпистемических контекстах — с широким употреблением причастных пассивов, б) в эпистемических — с предпочтением именных предикатов.

Распределение *бъда* и *съм* по модальным конструкциям показано в таблице 3.

Последовательность *трябва да + глагол бъда* (1122 вхождений) выражает только неэпистемические значения. Таким образом, наш материал подтверждает наблюдение Е. Тырпомановой [2017: 56] о блокировании *бъда* при выражении предположения.

Таблица 3. Дистрибуция эпистемических и неэпистемических употреблений *бъда* и *съм*

	<i>Бъда</i>	<i>Съм</i> (в форме 3 л. ед.ч.)
Эпистемические значения	0	84 (32,7%)
Неэпистемические значения	1122 (100%)	173 (67,3%)
Всего	1122 (100%)	257 (100%)

Подавляющая часть употреблений *бъда* — это конструкции причастного пассива (28), который в целом в болгарском языке более активен, чем в русском, в том числе от глаголов несовершенного вида, ср. пример (28b) с причастием несов. страд. прош. времени:

- (28) a. *Паниката задължително трябва да бъде избегната!*

‘Паники надо обязательно избежать!’

(букв.: ‘паника обязательно должна быть избегнута’.)

- b. *Потребността да се страхуваш трябва да бъде задоволявана.*

‘Потребность бояться должна удовлетворяться.’

Несмотря на полученные результаты, представляется, что нет оснований для семантических или жестких грамматических ограничений на формы *трябва да* + *бъда* для выражения эпистемических оценок. Обратимся к этому вопросу в конце раздела, после рассмотрения других глаголов в форме настоящего времени.

Связка *съм* (в 3 л. ед.ч. имеет форму *e*, зафиксировано 257 употреблений) используется при разных модальных значениях *трябва*. Основную часть составляют неэпистемические контексты (173 примера), эпистемические зафиксированы в 84 примерах. Таким образом, наши данные не подтверждают высказанное в [Търпоманова 2017: 56] предположение о том, что эпистемическая трактовка *съм* при неглагольных предикатах имеет значительный перевес перед неэпистемической. Возможно, если ограничить выборку только субстантивными предикатами (используемыми, как известно, в ситуации идентификации, где часто возникает и предзумтивное значение, как в примере (29)), то доля эпистемических контекстов может возрасти.

- (29) *Бях убеден, че това трябва да е същият човек.*

‘Я был уверен, что это наверняка тот же человек.’

В примерах (30)–(31) ниже представлены адъективные предикаты, иллюстрирующие обе трактовки. Разные контекстные показатели, которые существуют для снятия многозначности, требуют отдельного описания и в задачи нашего исследования не входили. Здесь мы лишь обратим внимание на распространенный контекст реального условия при эпистемических употреблениях, ср. союз *щом* ‘раз’ (30). Генерические субъекты и целевые придаточные, как в (31), наоборот, не способствуют эпистемической трактовке:

- (30) *Казах на човека: старче, щом са толкова скъпи тия яйца, трябва да са златни!*
 ‘Я сказал человеку: старик, раз яйца такие дорогие, они, наверное, из золота.’
- (31) *Човек трябва да е много уплашен, за да взема насериозно подобна възможност.*
 ‘Человек должен быть очень испуган, чтобы всерьез воспринимать такую возможность.’

Анализ выборки из 300 контекстов, содержащих **полнозначные глаголы настоящего времени** после *трябва да*, показал лишь 3 надежных эпистемических употребления, причем с глаголами неконтролируемого действия, ср. неэпистемическое и эпистемическое значение *трябва* с глаголом *успея* 1) ‘успеть’; 2) ‘удаться’:

- (32) *Награденият трябва да успее за 24 секунди да изложи същността на научното си изследване със седем прости думи.*
 ‘Награжденный должен успеть за 24 секунды изложить суть своего научного исследования в семи простых словах.’
- (33) *Работата трябва да успее, защото е добре замислена.*
 ‘Дело должно удастся, потому что задумано хорошо.’

Этот низкий результат для эпистемических контекстов в конструкции с полнозначными глаголами после *трябва да* позволяет лучше понять и отсутствие глаголов *бъда* в эпистемических контекстах. Налицо тенденция к исключению *трябва да* из средств выражения предположения, относимого к будущему. Возможно, это связано с разветвленной системой будущих времен болгарского языка, — системой, самой по себе модализованной.

В болгарском языке имеются, помимо простого будущего, формы будущего в прошедшем и будущего предварительного, которые вполне активно функционируют в языке, а также более редко встречающееся будущее предварительное в прошедшем и их эвиденциальные формы. Наиболее частотная из этих форм — будущее в прошедшем — вообще редко используется в своем темпоральном значении, а выражает модальную семантику [ГСБКЕ 1983а: 346–348; Ницолова 2008: 312], в том числе для обозначения неуверенности при обращенности к будущим действиям [ГСБКЕ 1983а: 347], как в (34b):

- (34) a. *Щях да намеря_{PFUT.1SG}, непременно щях да намеря_{PFUT.1SG} сили и начини, за да я върна към нормален живот* (П. Вежинов), пример из [Ницолова 2008: 312].

‘Я должен был, непременно должен был найти силы и способы, чтобы вернуть ее к нормальной жизни.’

- b. *Нали утре щешие да си_{PFUT.2SG} на концерт в Бургас?* (Интернет)
‘Ты вроде завтра должен быть на концерте в Бургасе?’

При этой разветвленности системы будущих времен и морфологической сложности самих временных форм будущего в болгарском языке, такое средство выражения предположения, как многозначное *трябва*, не может выдержать конкуренции с иными, более отчетливыми способами выражения предположения, прежде всего лексическими. Выбор лексических средств (эпистемических глаголов, вводно-модальных слов) позволяет сохранить семантику всех сложных вариантов будущего, которые в одной форме могут сочетать несколько глагольных категорий и которые сами нагружены модальными оттенками.

3.3. Семантическая интерпретация формы будущего времени в контексте модального *трябва*

До сих пор шла речь о темпоральных характеристиках зависимой предикации. Разумеется, представляют интерес и возможные модально-временные формы самого глагола *трябва*. Исследуемая выборка (10000 употреблений) была намеренно ограничена только словоформой *трябва*, поскольку высокочастотные формы имперфекта *трябваше* и разнообразные модально-временные формы с причастием *трябвало* (перфектные, конклюзивные, пересказывательные, кондициональные) требуют отдельного

исследования. Поставленное ограничение, тем не менее, позволило охватить выборкой ценный для семантического анализа грамматический контекст — формы простого будущего *ще трябва*. Будущий временной план, как мы уже отмечали выше, показывает нестандартную реакцию на предзумптивные показатели. С какими последствиями включается в будущий временной план эпистемическое *трябва*? Реагирует ли особым образом на формы будущего времени неэпистемическое *трябва*?

В исследуемом фрагменте зафиксировано 1100 вхождений (11%) *трябва* в форме будущего времени *ще трябва*. Это аналитическая положительная форма простого будущего времени. Форм отрицательного будущего времени (в болгарском оно регулярно образуется с иным показателем — *няма да*) не зафиксировано, хотя представлены 3 неэпистемических употребления, где отрицательное будущее образовано с помощью простого отрицания: *не ще трябва*. Не отмечены и формы иных, сложных будущих времен.

Как показывает материал, в неэпистемических употреблениях форма будущего времени *ще трябва* используется либо для подчеркивания долженствования, как в контексте настойчивого убеждения (35), либо чаще — для выражения оттенка вынужденности (36)–(41). В любом из этих вариантов интенсификация долженствования связана с воздействием внешних факторов (динамическая, обстоятельственная модальность), чаще всего непредвиденных, меняющих запланированную ситуацию, см. примеры (37)–(42), где эти факторы прямо указаны в контексте.

(35) *Татенце, ще трябва ти да му обясниш. На мен може да не повярва.*

‘Папочка, именно ты должен ему объяснить. Мне он может не поверить.’

(36) „*Лео ще трябва да се погрижи сам за себе си*“ — осъзна той.

‘Лео придется самому позаботиться о себе, осознал он.’

(37) *От какво още ще трябва да се откажа?*

‘От чего еще ему придется отказаться?’

(38) *Ако взимате пари на гише от електронен ПОС-терминал на друга банка, ще трябва да се разделите с 3 долара.*

‘Если вы снимаете деньги в электронном POS-терминале другого банка, вам придется расстаться с 3 долларами.’

(39) *Но при това положение догодина ще трябва да се направи преоценка и да се предприемат съответните мерки.*

‘Но при этом положении в следующем году нужно будет (придется) провести переоценку и предпринять соответствующие меры.’

(40) *Изглежда, че българските политици ще трябва да се готовят за състезание при най-неблагоприятни условия.*

‘Похоже, болгарским политикам придется готовиться к выборной гонке в самых неблагоприятных условиях.’

(41) *Няма как, скочили сме във водата и ще трябва да плуваме.*

‘Ничего не поделаешь, мы прыгнули в воду, и придется плыть.’

(42) *Комисията за защита на конкуренцията ще трябва да се произнесе дали приватизацията на пловдивския стъкларски завод „Дружба“ от „Барек овърсийз лимитид“ не противоречи на Закона за защита на конкуренцията.*

‘Комиссии по защите конкуренции необходимо будет решить, не противоречит ли приватизация пловдивского стекольного завода «Дружба» компанией «Барек оверсиз лимитед» Закону о защите конкуренции.’

Итак, в контексте будущего времени у глагола *трябва* интерпретация долженствования обычно несколько трансформируется: форма будущего времени сигнализирует о наличии дополнительных внешних факторов, и необходимость становится вынужденностью.

При выражении необходимости, определяемой внутренними потребностями субъекта, форма будущего может указывать на более отдаленную необходимость (43b), но чаще меняет интерпретацию на наличие внешних обстоятельств, трансформирующих внутреннюю необходимость во внешнюю (43c). Ср. настоящее время в (43a) и две разные трактовки формы будущего в (43b) и (43c):

(43) а. *Аз трябва да помисля върху това, което ми разказахте.*

‘Я должен подумать над тем, что вы мне рассказали.’

б. *Ще трябва да помисля по въпроса.*

‘Мне нужно будет подумать над этим вопросом.’

c. За съжаление разполагаме с твърде малко хартия за тази цел. Затова ще *трябва* да помислим за нещо друго.

‘К сожалению, у нас в распоряжении слишком мало бумаги для этой цели. Поэтому мы должны будем (=нам придется) подумать о чем-то другом.’

Что касается эпистемического *трябва*, то присоединение частицы *ще* к глаголу *трябва* с предположительным значением в единичных случаях фиксируется в материале, но, как представляется, частица *ще* здесь — лишь презумтивный показатель, дублирующий значение эпистемической оценки,ср. и сам грамматический презумптив *ще* (*да*), где именно *ще* является основным носителем данного эвиденциального значения. См. пример (44), где комплекс *ще трябва* (*да*) выражает предположение по отношению к уже прошедшей ситуации:

(44) ... *за разлика от изминалите три години, ръководството ѝ най-неочаквано прекрати проправителствената си риторика <...> Тогава, в навечерието на разпускането на парламента, левицата ще трябва да е изградила убедителен образ на яростна опозиция.*

‘... в отличие от прошедших трех лет, ее [партии] руководство самым неожиданным образом прекратило проправительственную риторику <...> [Именно] Тогда, накануне роспуска парламента, левое крыло, **видимо**, и сформировало убедительный образ яростной оппозиции.’

4. Обобщение

1. Представленные реализации безличного глагола *трябва* с последующей *да*-конструкцией различны с точки зрения степени реструктурирования клаузы и реализаций признаков контроля или подъема. Эпистемические употребления, как было показано, демонстрируют наличие самостоятельного времени у вложенной предикации, не имеют селективных ограничений на подлежащий аргумент, допускают пассивные трансформации, см., например, (За), поэтому могут быть признаны наиболее близкими к структурам с подъемом подлежащего аргумента.

Модели со значением внутренней необходимости типа (2b) налагают селективные ограничения на номинативный аргумент (признак, характерный для предложений с контролем), но, ввиду жестких ограничений на

время вложенной предикации, они сближаются с моноклаузальными структурами. Дативная модель с семантикой внутренней необходимости (раздел 3.1) тоже имеет селективные ограничения на дативный аргумент при глаголе *трябва* и при этом допускает наличие независимого субъекта вложенной клаузы, который не кореферентен дативному аргументу, как в примерах (16)–(17). Отсутствие общего аргумента не позволяет применение к ним анализа в терминах контроля и подъема.

При остальных неэпистемических употреблениях нет семантических ограничений на общий аргумент и допускаются пассивные трансформации, однако независимости временной референции в да-клаузе не наблюдается (см. низкую частотность любых времен, кроме настоящего). Отмеченные в [Пенчев 1998: 551–552] рекурсивные запреты тоже свидетельствуют, что данные конструкции, видимо, имеют реструктурированный характер. Положительные реакции на некоторые диагностики подъема в реструктурированных предложениях могут проистекать из большей синтаксической прозрачности клаузы: диагностики подъема выполняются в конструкциях с фазовыми и модальными глаголами «так же тривиально, как при лицензировании подлежащего в простой клаuze, не осложненной модальными и фазовыми предикатами» [Лютикова 2022: 42].

2. Поиск дифференциальных грамматических признаков, маркирующих разные виды модальности в исследуемых конструкциях, показывает, что наиболее отчетливо конструкции противопоставлены по наличию/отсутствию эпистемической оценки. Разнообразный набор темпоральных вариаций при эпистемических употреблениях, наряду с другими грамматическими особенностями, такими как отсутствие «нормальной» интерпретации формы будущего времени у матричного глагола (показатель *ще* при эпистемическом *трябва* лишь интенсифицирует презумптивность, а не указывает на будущее действие, см. (44)), несочетаемость с глаголом *бъда* и некоторые статистические закономерности (см. 3.2), достаточно надежно дифференцируют эпистемические контексты от иных модальностей.

Другие модальные употребления *трябва* показывают меньше различий по грамматическим признакам, хотя ряд возможных диагностик был отмечен. Наиболее очевидным в рамках неэпистемических употреблений является отличие по оппозиции *внешняя vs внутренняя необходимость*: лишь последняя допускает, помимо номинативной, и дативную модель, т.е. вариант с реализацией субъекта внутренней необходимости в виде дативной местоименной клитики, ср. ситуацию в русском языке, где в рамках да-

тивно-предикативных модальных структур возможно выражение отнюдь не только внутренней необходимости [Zimmerling 2025].

В качестве следующего этапа исследования предполагается анализ влияния модально-временных форм глагола *трябва* на семантическую интерпретацию модели. Дополнительные дифференциальные признаки может показать поведение отрицания в исследуемых конструкциях при разных типах модальных употреблений и возможная дистрибуция семантических типов вложенного предиката. Наконец, представляет интерес семантическая соотнесенность болгарских моделей с *трябва* и русских предикатов долженствования.

Список условных сокращений

DAT — дательный падеж; IMPERF — имперфект; NEG — отрицательная частица; NOM — именительный падеж; PERF — перфект; PFUT — будущее в прошедшем; PL — множественное число; PPERF — плюсквамперфект; PRES — настоящее время; REFL — частица рефлексива; SG — единственное число.

Список источников / References

- Алексова 2018 — Алексова К. Парадигмата на презумптива в съвременния български език (върху материали от интернет) [Aleksova K. The presumptive paradigm in contemporary Bulgarian (on Internet data)]. *Zeszyty Cyrylo-Metodińskie*. 2018. Vol. 7. Pp. 8–24.
- Алексова 2021 — Алексова К. Семантична и формална съпоставка на презумптива и конклузива в съвременния български език [Aleksova K. Semantic and formal comparison between presumptive and conclusive forms in modern Bulgarian language]. *Studia Philologica Universitatis Velicotarnovensis*. 2021. Vol. 40 (1). Pp. 71–86.
- Алексова 2025 — Алексова К.С. Эвиденциальная система болгарского языка // Мокиенко В.М., Манёрова К.В. (ред.) LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Избранные доклады. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2025. С. 12–33. [Aleksova K.S. Evidentiality in Bulgarian. LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi. Izbrannye doklady. Mokienko V.M., Manerova K.V. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2025. Pp. 12–33.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. На примере русской грамматики. М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira. Na primere russkoi grammatiki [Linguistic conceptualization of the world. On the material of Russian grammar]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997.]
- Ганева 2023 — Ганева Г. Модални значения възможност и вероятност в българската езикова история. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2023. [Ganeva G. Modalni znachenia vazmozhnost i veroyatnost v balgarskata ezikova istoria [Modal notions of possibility and probability in the history of Bulgarian language]. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 2023.]

- Герджиков 1984 — Герджиков Г. Преизказването на глаголното действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984. [Gerdzhikov G. Preizkazvaneto na glagolnoto deystvie v balgarskia ezik [Renarration of the verb action in Bulgarian]. Sofia: Nauka i izkustvo, 1984.]
- Градинарова 2008 — Градинарова А. К проблеме описания болгарских функциональных эквивалентов русских конструкций, выражающих значения деонтической модальности // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Вып. 6. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2008. С. 24–38. [Gradinarova A. On the problem of describing Bulgarian functional equivalents of Russian constructions expressing deontic modality. Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov. Issue 6. Shumen: Konstantin Preslavski University Press, 2008. Pp. 24–38]
- ГСБКЕ 1983а — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София: Българска академия на науките, 1983. [Gramatika na savremennia balgarski knizhoven ezik. T. 2. Morfologia [Grammar of the modern Bulgarian literary language. Vol. 2. Morphology]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1983.]
- ГСБКЕ 1983б — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София: Българска академия на науките, 1983. [Gramatika na savremennia balgarski knizhoven ezik. T. 3. Sintaksis [Grammar of the modern Bulgarian literary language. Vol. 3. Syntax]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1983.]
- Иванова 2022 — Иванова Е.Ю. Балканославянская ирреальность в зеркале русского языка (южнославянские да-формы и их русские параллели). М.: Издательский дом ЯСК, 2022. [Ivanova E.Yu. Balkanoslavyanskaya irreal'nost' v zerkale russkogo yazyka (yuzhno-slavyanskie da-formy i ikh russkie parallel) [Balkan Slavic irreality as viewed from the standpoint of Russian (South Slavic da forms and their Russian parallels]. Moscow: Publishing house YaSK, 2022.]
- Иванова, Алексова 2018 — Иванова Е.Ю., Алексова К.С. Презумтивные формы в русско-болгарском параллельном корпусе // Русистика в современном мире: Двенадцатый международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико-Тырново, Болгария 11–14 октября 2018 г. С. 86–89. [Ivanova E.Yu., Aleksova K.S. Presumptive forms in the Russian-Bulgarian parallel corpus. Rusistika v sovremennom mire: Dvenadtsaty mezhdunarodnyi simpozium. Doklady i soobshcheniya. Veliko-Tyrnovo, Bolgariya 11–14 oktyabrya 2018 g. Pp. 86–89.]
- Кобозева, Лауфер 1991 — Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 169–175. [Kobozeva I. M., Laufer N. I. The semantics of modal predicates of obligation. Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 169–175.]
- Коева 2021 — Коева С. Към типологичен анализ на комплементността в български // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 2021). Т. 2. София: Издателство на Българската академия на науките «Проф. Марин Дринов», 2021. С. 13–27. [Koeva S. Towards a typological analysis of Bulgarian complements. Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsia na Instituta za balgarski ezik «Prof. Lyubomir Andreychin» (Sofia, 2021). Vol. 2. Sofia: Prof. Marin Drinov Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, 2021. Pp. 13–27.]
- Коева 2023 — Коева С. Частите на речта като части на изречението, или дали винаги глаголите заемат отделна синтактична позиция // Български език. Приложение. 2023 (70). С. 143–157. [Koeva S. Parts of speech as clause constituents, or Do verbs always occupy a separate syntactic position. Balgarski ezik. Supplement. 2023 (70). Pp. 143–157.]

- Лютикова 2022 — Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 5. С. 27–45. [Lyutikova E.A. Does Russian attest syntactic raising? Part 1: Infinitival clauses. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Issue 5. Pp. 27–45.]
- Митренина 2017 — Митренина О.В. Дативно-инфinitивная конструкция в русском языке как предложная группа // Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.) Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 64–70. [Mitrenina O.V. Russian dative-infinitive construction as prepositional phrase. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Issue 4. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V. (eds.). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2017. Pp. 64–70.]
- Ницолова 1984 — Ницолова Р. Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език. София: Народна просвета, 1984. [Nitsolova R. Pragmatichen aspekt na izrechenieto v balgarskia knizhoven ezik [Pragmatic aspect of the sentence in Bulgarian literary language]. Sofia: Narodna prosveta, 1984.]
- Ницолова 2008 — Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. [Nitsolova R. Bulgarska gramatika. Morfologia [Bulgarian grammar: Morphology]. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 2008.]
- Пенчев 1998 — Пенчев Й. Синтаксис // Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. (ред.). Съвременен български език. Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис. София: Изток-Запад, 1998. С. 498–655. [Penchev Y. Syntax. Savremeneni balgarski ezik. Fonetika. Leksikologija. Slovoobrazuvane. Morfologija. Sintaksis. Boyadzhiev T., Kutzarov I., Penchev Y. (eds.). Sofia: Iztok-Zapad, 1998. Pp. 498–655.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГТУ, 2011. [Plungian V.A. Vvedenie v grammaticeskuyu semantiku: grammaticeskie znacheniya i grammaticeskie sistemy yazykov mira [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.]
- Русева 2022 — Русева И. Модалното значение възможност и изразяването му в съвременния български език. Автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научна степен «доктор». Пловдив, 2022. [Ruseva I. Modalnoto znachenie vazmozhnost i izrazyavaneto mu v savremennia balgarski ezik [The modal meaning of possibility and its expressions in contemporary Bulgarian language]. Summary of doctor's dissertation. Plovdiv, 2022.]
- Търпоманова 2017 — Търпоманова Е. Лексикални, граматични и синтактични средства за изразяване на предположение в българския език // Търпоманова Е. Алексова К. (ред.) Надмощие и приспособяване. Сборник доклади от Международната научна конференция на Факултета по славянски филологии. Том 2. Езиковедски четения. София: Факултет по славянски филологии, Софийски университет «Св. Климент Охридски», 2017. С. 52–59. [Tarpomanova E. Lexical, grammatical and syntactic means for expressing presumption in Bulgarian. Nadmoshtie i prisposobyavane. Sbornik dokladi ot Mezhdunarodnata nauchna konferentsia na Fakulteta po slavyanski filologii. Vol. 2. Ezikovedski chetenia. Tarpomanova E. Aleksova K. (eds.). Sofia: Faculty of Slavic Studies, St. Kliment Ohridski University, 2017. Pp. 52–59.]
- Koeva 1995 — Koeva S. A Minimalist view on NP-raising. *Contrastive linguistics*. 1995. No. 4/5. Pp. 5–9.
- Koeva et al. 2012 — Koeva S., Stoyanova I., Leseva S., Dekova R., Dimitrova T., Tarpomanova E. The Bulgarian National Corpus: Theory and practice in corpus design. *Journal of Language Modelling*. 2012. 0(1), Pp. 65–110.

- Krapova 2023 — Krapova I. Complementizers and particles inside and outside of the left periphery: The case of Bulgarian revisited. *Clausal complementation in South Slavic*. Wiemer B., Sonnenhauser B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2023. Pp. 211–269.
- Krapova 2025 — Krapova I. Finiteness and the subjunctive: the case of Bulgarian da constructions from a comparative perspective. *Papers of the Institute for Bulgarian Language*. 2025. Vol. 38. Pp. 7–42.
- Krapova, Cinque 2018 — Krapova I., Cinque G. Universal constraints on Balkanisms. *Balkan Syntax and (Universal) Principles of Grammar*. Krapova I., Joseph B. (eds.). Trends in Linguistics Studies and Monographs 315. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2018. Pp. 151–185.
- Kratzer 1991 — Kratzer A. Modality. *Handbuch Semantik*. von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). Berlin: De Gruyter, 1991. Pp. 639–650.
- Tarpomanova, Aleksova 2022 — Tarpomanova E., Aleksova K. Presumptive. *Глаголати. Balkan Verb Typology*. Sofia: St. Kliment Ohridski Univ. Press, 2022. Pp. 372–394. <https://digital.libsu.uni-sofia.bg/en/v/35973>.
- von Fintel 2006 — von Fintel K. Modality and language. *Encyclopedia of philosophy*. Borchert D. M. (ed.). Second edition. Vol. 10. Detroit: MacMillan Reference USA, 2006. P. 20–27. off-print: <https://web.mit.edu/fintel/fintel-2006-modality.pdf>.
- Zimmerling 2024 — Zimmerling A. Microsyntax meets macrosyntax: Russian neg-words revisited. *Russian Linguistics*. 2024. Vol. 48 (6). Pp. 1–34. <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09290-7>.
- Zimmerling 2025 — Zimmerling A. Alethic modals and dative-infinitive structures // Дискурс. Предложение. Слово (сб. статей к юбилею И.М. Кобозевой). М.: Буки-Веди, 2025. С. 146–153. [Diskurs. Predlozhenie. Slovo (sb. statei k yubileyu I.M. Kobozzevoi). Moscow: Buki-Vedi, 2025. Pp. 146–153.]

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was received on 30.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Елена Юрьевна Иванова

доктор филологических наук; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина / Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Ivanova

Dr. Phil. Hab.; Pushkin State Russian Language Institute / St. Petersburg University

eli2403@yandex.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.30.58.003

КОНСТРУКЦИИ ПОДЪЕМА С ГЛАГОЛАМИ ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ^{*}

Г.И. Кустова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Аннотация. В статье обсуждается значение и морфосинтаксические характеристики русских конструкций подъема с глаголами восприятия видеть/увидеть и причастиями: *Я увидел его предельно уставшим; Увидели его выходящим из отеля; Она видела его однажды плачущим.* Сопоставляются конструкции подъема (*Отец увидел сына упавшим на землю*) и конструкции с сентенциальными актантами (*Отец увидел, как сын упал на землю*).

Ключевые слова: глаголы восприятия, пропозициональные установки, подъем аргумента, причастие

Для цитирования: Кустова Г.И. Конструкции подъема с глаголами восприятия в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 2. С. 66–88. doi:10.37632/PI.2025.30.58.003

RAISING CONSTRUCTIONS WITH VERBS OF PERCEPTION IN RUSSIAN^{**}

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

** This research has been supported by the Russian Science Foundation, project 25-18-00222 “Control and Raising in the languages of Eurasia” realized at Pushkin State Russian Language Institute.

*Galina Kustova
Pushkin State Russian Language Institute /
Vinogradov Russian Language Institute RAS*

Abstract: This paper discusses the meaning and morphosyntax of the Russian the raising construction with verbs of perception *videt'/uvidet'* ('to see') and participles: *Ya uvidel yego predel'no ustavshim* ('I saw him extremely tired'); *Uvideli yego vykhodyashchim iz otelya* ('They saw him leaving the hotel'); *Ona videla yego odnazhdy plachushchim* ('She saw him crying once'). The raising constructions (*Otets uvidel soyego syna upavshim na zemlyu* 'The father saw his son fall to the ground') are compared with sentential argument (*Otets uvidel, kak syn upal na zemlyu* 'The father saw his son fall to the ground').

Keywords: verbs of perception, propositional attitudes, argument raising, participle

For citation: Kustova G. Raising constructions with verbs of perception in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 2. Pp. 66–88. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.30.58.003

1. Введение. Конструкции с сентенциальными актантами и конструкции подъема

Вопрос о том, существует ли в русском языке явление подъема аргумента зависимой клаузы в том виде, в каком оно описано, например, для английского языка (ср. [Postal 1974], ср. также типологию конструкций контроля и подъема [Polinsky, Potsdam 2006; Potsdam, Polinsky 2012]), является дискуссионным, ср. [Летучий, Виклова 2020; Лютикова 2022a].

При этом целый ряд авторов (ср. [Летучий, Виклова 2020; Лютикова 2022a; 2022b; Циммерлинг 2025; Zimmerling 2025]) рассматривают конструкции с малыми клаузами вида (1a), (1b) как конструкции подъема аргумента, где «подлежащее или дополнение матричного предиката не является его семантическим аргументом, а извлекается из зависимой клаузы /.../ и перемещается в главную клаузу, занимая в ней позиции подлежащего и дополнения и получая соответствующие этим позициям характеристики (например, морфологический падеж)» [Циммерлинг 2025: 38]:

- (1) a. *Схема оказалась ненадежной.*
- b. *Мы всегда считали это предложение сомнительным.*

Действительно, для таких предложений легко восстанавливаются исходные финитные конструкции:

(2) а. *Оказалось, что схема ненадежная.*

б. *Мы всегда считали, что это предложение сомнительно.*

Пары вида (1а–2а) — (1б–2б) удовлетворяют всем признакам, которые в литературе рассматриваются как квалификационные для конструкций подъема, — отсутствие тематических связей аргумента зависимой клаузы с матричным предикатом, лицензирование падежа, доступность пассивной парофразы с тем же истинностным значением, ср.: *Это предложение всегда считалось сомнительным*), доступность узкой сферы действия и др. [Лютикова 2022а: 29–36; Лютикова 2022б: 63–65; Циммерлинг 2025: 38–40]. Далее мы будем называть такие конструкции конструкциями подъема (КП).

Как и в любом языковом явлении, в конструкциях подъема может быть выделено прототипическое ядро, ср. обсуждение в рамках функциональной типологии [Serdobolskaya 2008; Сердобольская и др. 2016]. Ядром для русских конструкций подъема из малой клаузы можно считать предложения с предикатами *показаться* или *оказаться*, ср.:

(3) а. *Чиновник казался бескорыстным — Казалось, что чиновник бескорыстен.*

б. *Чиновник оказался замешанным в скандале — Оказалось, что чиновник замешан в скандале.*

С другой стороны, есть конструкции периферийные, у которых обнаруживаются те или иные отклонения от прототипа. К таковым относится конструкция подъема с перцептивными глаголами и причастиями, которую мы будем рассматривать в данной работе:

(4) *Она видела его однажды плачущим.*

[Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Эта конструкция не является прототипической сразу по нескольким параметрам.

Во-первых, сами перцептивные глаголы — достаточно неоднородный класс: в рамках этого класса различаются глаголы активного и пассивного

восприятия (*смотреть vs видеть*), встречаются глаголы с семантическими приращениями (ср. *заметить*, *различить* и под.).

Во-вторых, мы будем рассматривать конструкции с причастиями. Прототипическими можно считать конструкции с прилагательными [Лютикова 2022b: 65]. К ним примыкают страдательные причастия. Дальше от прототипа находятся конструкции с действительными причастиями, которые соотносятся с финитными формами глаголов (ср. [Babby 1973; Лютикова 2022b]).

В связи с причастиями возникает вопрос о выборе формы времени (прош. *vs* наст.), а он, в свою очередь, связан с вопросом об относительном и абсолютном времени, который традиционно рассматривается на материале придаточных либо причастий-определений (необособленных и обособленных, ср. [Сай 2017]), но не конструкций подъема.

Все перечисленные проблемы требуют специального исследования и в рамках данной работы не могут быть рассмотрены сколько-нибудь подробно.

Мы ограничиваем материал конструкциями с основными глаголами **пассивного восприятия** — «*видеть/увидеть + причастие*». В качестве фона будут привлекаться также конструкции с прилагательными.

Попутно отметим, что глаголы активного восприятия не допускают (*смотреть*) или с трудом допускают (*слушать*) подъем аргумента. У глагола *смотреть* это можно было бы объяснить неподходящей моделью управления (*смотреть на X*), которая не отвечает требованиям конструкции подъема, однако и глагол *слушать* в КП почти не участвует, ср.:

- (а) придаточное: *Гости слушали, как паренек играет на гитаре / Взрослые с умилением слушали, как ребенок читает стишок;*
 - (б) причастный оборот (реальные контексты из НКРЯ): *Слушали паренька, играющего на гитаре / Хозяева слушали ее толковые речи с умилением, как взрослые слушают ребенка, читающего стишок;*
- но не КП:
- (в) **Слушали паренька играющим на гитаре / Слушали ее толковые речи с умилением, как *взрослые слушают ребенка читающим стишок.*

В НКРЯ нам до сих пор удалось обнаружить только два примера с глаголом активного восприятия *слушать*, которые, во-первых, не относятся к современному языку и могут считаться устаревшими, во-вторых, включают не финитную форму, а форму деепричастия, т.е. не могут служить «образцом», ср.:

- (5) *Слушая его рассуждающим об иностранной политике, — пишет, например, о нем Мицкевич, — или о политике своей страны, можно было принять его за мужа, постаревшего в общественных делах и ежедневно читающего прения всех парламентов.* [Н. Тихонов. Учиться у Пушкина // «Народное творчество», 1937]

Финитная форма в современном языке, по-видимому, не употребляется в КП, ср.: *?Они слушали Пушкина рассуждающим об иностранной политике и удивлялись его мудрости.* При этом глагол пассивного восприятия слышать такую конструкцию вполне допускает: *Однажды они слышали Пушкина рассуждающим об иностранной политике и очень удивились.* Ср. также реальный пример из НКРЯ:

- (6) а. *Единственный человек, который может сказать тебе: «Ты не можешь», — это ты сам. Если ты слышишь эти слова доносящимися откуда-то из глубины твоего мозга, отключи звук.* [vk (15.01.2015)]
 б. *слышишь, как доносятся...*

Е.А. Лютикова отмечала, что далеко «не любое глагольное сказуемое может трансформироваться в причастное сказуемое малой клаузы», ср.: *Я считаю, что Борис приехал vs ?Я считаю Бориса приехавшим* [Лютикова 2022b: 66].

Верно и обратное: далеко не любой конструкции подъема можно однозначно сопоставить семантически и коммуникативно эквивалентную исходную конструкцию с сентенциальным актантом (далее — КСА) — этому могут мешать коммуникативные и семантические особенности КСА. Кроме того, конструкция *видеть X-а каким* может функционировать как своего рода фигура речи, используемая для усиления риторического эффекта: фраза *Мы никогда не видели его смеющимся* выражает идею ‘Он мрачный человек’; фраза *Он видит своих детей только спящими* подразумевает, что X очень много работает и поздно возвращается домой. Такие фразы функционируют как своего рода устойчивые обороты и не предполагают «возведения» к исходной КСА типа *Он всегда видит, что дети спят*.

Хотя КСА и КП вербализуют одну и ту же денотативную ситуацию, они, разумеется, не эквивалентны. Помимо грамматических ограничений КП имеет также семантическую, коммуникативную и референциальную специализацию, ради чего она и используется говорящими.

Видеть и *увидеть* можно считать наиболее нейтральными глаголами зрительного восприятия. Однако даже в этом простейшем случае исходные КСА с глаголами восприятия достаточно разнообразны и неоднородны и обнаруживают множество параметров, которые так или иначе влияют на возможность преобразования и его результат. Отметим только два из значимых параметров — (1) значение глагола и (2) способ присоединения придаточного.

Во-первых, глаголы *видеть/увидеть* имеют сложную систему значений, которые представляют собой шкалу (континуум) переходов от перцептивного значения к ментальному ('понимать, осознавать'). В данной статье мы, разумеется, не можем учесть все оттенки этих значений и потому вынуждены ограничиться более грубой схемой из трех ступеней (фаз) данного перехода:

- исходное значение = собственно восприятие ('воспринимать зренiem'), ср.:
- (7) *Однажды ночью я увидел, как она прошла по опушке леса.* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]
- гибридное значение (восприятие плюс результат ментального анализа зрительной информации), ср.:
- (8) а. *Я обмер от страха. Я вытаращенными глазами смотрел на масло, которое плюхнулось в горячий чай. Потом я оглянулся по сторонам. Но никто из гостей не заметил происшествия. Только одна Леля увидела, что случилось.* [М.М. Зощенко. Лёля и Минька (1939)]
- б. *И если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет, наблюдатель мог бы видеть, что лицо прокуратора с воспаленными последними бессонницами и вином глазами выражает нетерпение.* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]
- ментальное значение ('понимать, осознавать'), ср.:
- (9) а. *Ты все уже прочертил в своем воображении и твердо знаешь, как эти стриты идут, откуда — куда, но попав в реальный Нью-Йорк, ты вдруг видишь, что ошибался.* [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]

- b. *Эту фразу я заготовил заранее. Именно так мне хотелось начать.*
*/.../ А теперь я **вижу**, что это начало **никуда не годится**.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Нас будут интересовать исходное и гибридное значения, которые мы для простоты объединяем (надо заметить, что они не всегда легко различимы, поскольку какая-то доля ментального анализа — хотя бы на уровне идентификации воспринимаемых объектов — присутствует в любой ситуации восприятия). Ментальное значение не рассматривается, т.к. такие предложения трудно преобразовать в КП с причастием, ср.:

- (10) a. *И мать замолчала, увидела, что отец принял категорическое решение.* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]
- b. **Мать увидела отца принявшим категорическое решение.*
- (11) a. *Когда ты видишь, что наставник рассчитывает на тебя, гораздо легче демонстрировать на поле свои лучшие качества.* [Советский спорт, 09.03.2012]
- b. ?*Когда ты видишь наставника рассчитывающим на тебя...*

Возможно, это связано с тем, что ментальное *видеть* имеет значение, близкое к *понимать*, а фактивные глаголы не участвуют в КП (особый статус имеют конструкции вида *помнил/знал его молодым*, которых мы здесь не будем касаться, т.к. это увело бы нас слишком далеко в сторону). При этом прилагательные и близкие к ним пассивные причастия, как кажется, вполне совместимы с ментальным *видеть*: *Когда видишь ребенка несчастным / Когда видишь привычный мир разрушенным...* Не исключено, что здесь происходит обратный переход к перцептивному значению, усиление акцента на воспринимаемых признаках.

Во-вторых, есть несколько разных конструкций с глаголами восприятия — (а) с союзом *как*, (б) с союзом *что* (в контексте отрицания и др. модализованных контекстах *видеть* (но не *увидеть*) употребляется также с союзом *чтобы*: *Раньше Клим никогда, наверное, не видел, чтобы человек так сильно багровел лицом* [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч» (2001)]), (с) с косвенным вопросом / косвенным восклицанием.

(12) *Видеть:*

- a. *Недавно ехала в парижском метро и видела, как девушка подпиливает себе ногти.* [benedicte. Запись LiveJournal (2004)]
- b. *Пассажир видит, что все автомобили удаляются от него.* [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7–9 кл. (2003)]
- c. *Надо было видеть, как он пытался сохранить спокойствие.* [«Экран и сцена», 2004.05.06]

(13) *Увидеть:*

- a. *Я боялась взглянуть на маму. Но увидела, как она схватилась за ручку кресла.* [Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]
- b. *Проснувшись же, увидел, что возле его подворья стоят две большие грузовые машины и одна легковая* [Алексей Слаповский. Не сбылась моя мечта (1999)]
- c. *Ты видишь, что там происходит?*

Косвенный вопрос (*Мы видели, куда он спрятал клад / с кем он разговаривал / кто вышел из кабинета*), по понятным причинам, не поддается преобразованию подъема.

Для косвенного восклицания, где относительное местоимение в зависимой клаузе, по существу, выражает значение высокой степени (которое в КП можно выразить другими средствами), подъем возможен:

(14) а. *Неловко было видеть отца таким — жалким, пришибленным, со слезящимися глазами.* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]

(14a) скорее соотносится не с (14b), а с косвенным восклицанием (14c):

(14) б. *Неловко было видеть, что отец жалкий и пришибленный.*
с. *Неловко было видеть, какой он жалкий и пришибленный.*

Случай косвенного восклицания мы не рассматриваем, т.к. он актуален, по-видимому, только для конструкций с прилагательными.

В случае союзной исходной конструкции иногда один из вариантов исключается в силу тех или иных ограничений:

- (15) а. *Он увидел Ахмада лежавшим навзничь далеко от того места, где оставил.* [Валентин Никитин. Время сладкого янтака (главы из романа) // «Дальний Восток», 2019]
- б. *Увидел, что Ахмад лежит далеко от того места, где...*
- с. **Увидел, как Ахмад лежит далеко от того места, где...*

В других случаях не всегда можно однозначно установить исходную конструкцию (допустимы обе конструкции):

- (16) а. *Когда я вновь приехал, наконец, в дом моего друга, я увидел его сходившим с крыльца.* [А.Н. Будищев. На палубе (1913)]
- б. ...*я увидел, как он сходит с крыльца / ...я увидел, что он сходит с крыльца.*

Вопрос о том, влияет ли тип союза на результат преобразования, достаточно сложен, и в этой работе мы не будем его обсуждать.

В заключение отметим еще одну трудную (иногда неразрешимую) проблему — разграничение собственно причастий и от причастных прилагательных. Не только страдательные причастия в КП практически неотличимы от прилагательных:

- (17) *Никогда я не видел его таким разъяренным.* [А.А. Образцов. Сад ветра (1980–1995)] ≈ *сердитым*

но и действительные причастия часто близки к прилагательным (причины этого сдвига обсуждаются ниже):

- (18) *Теперь коллеги Асаада — сирийские специалисты, которые было потеряли всякую надежду увидеть пальмирские колонны уцелевшими, в радостном возбуждении ждут, когда, наконец, смогут их осмотреть.* [Vesti.ru, 28.03.2016] ≈ *увидеть колонны целыми*

Основные параметры, которые мы сможем рассмотреть в рамках данной статьи, — вид глагола и вид и время причастия.

Мы будем различать следующие онтологические типы ситуации Р, которая обозначается придаточным в КСА или причастием в КП:

Событие — точечная ситуация, обозначаемая глаголом СВ:

- (19) *И рыбаки, в испуге собравшиеся на берегу, увидели, как взлетела вверх над водой большая рыбина, перевернулась в воздухе и тяжело плюхнулась обратно в озеро.* [Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971)]

Процесс — глагол НСВ. Процесс мы понимаем в широком смысле — как динамическую ситуацию, которая разворачивается на интервале и является наблюдаемой (т.е. может происходить на глазах у наблюдателя,ср.: *воздушный шар летит; свеча горит; дерево падает*), в том числе это может быть действие человека (*видел, как он поднимался по лестнице* → *видел его поднимающимся по лестнице*); для процесса как динамической ситуации, в отличие от состояния, принципиально наличие границ (начала и конца), интервала наблюдения:

- (12) б'. *Пассажир видит, что все автомобили удаляются = видит автомобили удаляющимися*

Существует также другой тип процессов — ненаблюдаемые процессы типа *Листья желтеют* (так наз. тенденции, см. [Падучева 2004: 31, 189]), когда наблюдатель видит в разные моменты наблюдения разные состояния и, сравнивая их, констатирует наличие изменения, однако само изменение не является непосредственно наблюдаемым. Такие процессы в КП интерпретируются как состояния (*Видел его умирающим* = ‘Х видел У-а, который был при смерти’ = ‘в момент, когда У был при смерти’, а не ‘наблюдал процесс умирания’).

Состояние — в нашем материале это не только состояния человека (*видел ее рассстроенной*), но и состояния неодушевленного объекта:

- (20) *Смышленая Кошка обыкновенно уходила, когда видела, что удочки смотаны.* [Юрий Кашкин. Рассказы о животных / Благодарность // «Ковчег», 2014] = *когда видела удочки смотанными*

- (21) *Мне привычнее видеть задние фонари включенными.* [Большой Воронежский автофорум. Модели и тест-драйв: Новая ЛАДА ВЕСТА (2015)] = ...что фонари включены

— обозначается не только причастиями в перфектном значении или прилагательными (*Увидев площадь пустою, царь остался недовольным. Ему нужны были зрители* [П.И. Ковалевский. Иоанн Грозный (1900–1910)]), но и глаголами СВ, ср. *Мы видели, что он устал — Мы впервые видели его таким уставшим — таким усталым*. Условно будем называть это значение перфектным состоянием — понимая под этим результат произошедшего ранее / накопленного изменения (оговоримся, что термин перфектное состояние употребляется в литературе в разных значениях. Например, Е.В. Падучева применяла этот термин к особому аспектуальному значению глаголов НСВ типа *понимает* = ‘понял и теперь находится в соответствующем состоянии’; аналогичным образом устроен глагол *видеть* = ‘увидел и теперь видит’ [Падучева 1993: 111]).

2. Конструкции подъема с глаголом **УВИДЕТЬ**

Увидеть в исходной конструкции с сентенциальным актантом может присоединять завершенные ситуации, которые целиком, от начала до конца, происходят на глазах у наблюдателя (события), однако трансформации подъема такие конструкции не поддаются:

- (22) а. *Мила открыла тетрадку, и я увидел, как она вздрогнула.*
[Виталий Губарев. Тroe на острове (1950–1960)]

б. ?*Я увидел Милу вздрогнувшей.*

- (23) а. *Потом увидел, как вспыхнул свет у Ланкина.*
[Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]

б. ?*Я увидел свет вспыхнувшим.*

- (24) а. *Направляясь к входной двери, Скворцов с удивлением увидел, как из окна вывалился стул, ударился о землю, перевернулся и рассыпался.* [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

б. ?*Скворцов увидел стул вывалившимся из окна и ударившимся о землю.*

При этом КП «**увидеть Y-а + причастие СВ**» встречаются, но в них описывается ситуация, когда наблюдатель видит не изменение (событие), а перфектное состояние — интервал результата:

- (25) *Войдя в каюту, я увидел их склонившимися над большим белым листом.* [А.И. Минеев. Пять лет на острове Врангеля (1936)] = ‘увидел склоненными’
- (26) *Небритые рожи уголовников казались теперь почти не страшными, не то, что полчаса назад, когда он увидел их столпившимися на краю нар.* [Г.Г. Демидов. Оборванный дуэт (1973)]
 ≠ ‘увидел, как столпились’
 = ‘увидел, что все находятся в месте L’.
- (27) *В какой-то момент, обернувшись, отец увидел своего сына упавшим на землю.* [Комсомольская правда, 01.01.2012]
 ≠ ‘увидел, как упал’
 = ‘увидел, что лежит в результате падения; увидел сына лежащим на земле’

при этом КСА с глаголом СВ в придаточном, ср. (28):

- (28) *Через оптический прицел он увидел, как упал, разметав руки, толстый офицер.* [Б.Л. Горбатов. О силе примера, о боевой дружбе (1941)]
 — означает, что X видел событие Р целиком, т.е. видел, как Y стоял, затем падал и упал.
- (29) *Вслед за однокурсницами я заглянул в щель и увидел приезжую звезду вальяжно развалившейся в парикмахерском кресле.* [Независимая газета, 25.06.1999]
 ≠ ‘видел, как приезжая звезда села в кресло’
 = ‘увидел приезжую звезду сидящей в кресле’

Причастия СВ, допустимые в КП, в отличие от причастий типа *вспыхнувший*, способны обозначать перфектное состояние. Глаголы изменения состояния, в том числе эмоционального (*устал, огорчился, испугался*), в СВ имеют перфектное значение, и их причастия семантически эквивалентны прилагательным:

- (30) а. *Я попросил разрешения проводить о. Филарета. Я увидел его предельно уставшим и больным.* [«Наша страна» (Аргентина), 2006]
- б. ... *увидел его усталым и больным*
- (31) а. «*Я устал, но завтра вы вновь увидите меня отдохнувшим /.../*», — сказал политик на прощанье радиослушателям. [Vesti.ru, 07.05.2002]
- б. ... *увидите меня бодрым*

Таким образом, конструкции «*X увидел Y-а + причастие СВ*» не описывают изменение, происходящее с *Y*-ом, — причастие соответствует статической ситуации *P*: *Y* сидит / лежит / находится в месте *L*. А изменение произошло с наблюдателем *X*: он прибыл в место *L* и/или начал воспринимать ситуацию *P* в месте *L* (обернулся, оглянулся, посмотрел — и увидел).

Конструкция «**увидеть Y-а + причастие НСВ**» обозначает наблюдение ситуации (процесса), который имеет место на некотором интервале:

- (32) *Что делал Шацкий ночью, никто не знал, а утром, когда Карташев проснулся, он увидел его спавшим рядом с ним на диване.* [Н.Г. Гарин-Михайловский. Студенты (1895)]
- (33) *Когда я вновь приехал, наконец, в дом моего друга, я увидел его сходившим с крыльца.* [А.Н. Будищев. На палубе (1913)]
- (34) *Сдълаевъ съ сотню шаговъ, Сухумовъ подошелъ къ окну управляющаго и увидѣлъ его ужинавшімъ.* [Н.А. Лейкин. В родном углу (1905)]

Ситуация, вводимая глаголом *увидел* [прош. вр.] (в отличие от *увидит*), локализована в прошлом, и у говорящего есть выбор между абсолютным временем причастия [прош.] и относительным [наст.]. Как показывает материал, в текстах реализуются обе стратегии, ср. примеры с причастиями наст. времени:

- (35) *Олег с Валентином Ивановичем Филатовым поехали к нему. И увидели его выходящим из отеля.* [Игорь Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]
- (36) *Лишь через несколько дней он увидел ее беседующей с дородным седовласым джентльменом, курившим сигару.* [Николай Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013]

Итак, несмотря на форму СВ перцептивного глагола и независимо от вида причастия, конструкция «увидеть Y-а + причаст.» описывает неизменяющуюся ситуацию — либо состояние, либо гомогенный процесс, который в смысле отсутствия качественных изменений похож на состояние.

Особенно показательным является пример (37) с сочиненными причастиями:

- (37) *Долматовский, не послушавший совета, встал с раскладушки и увидел хозяина стоящим между двумя военными и повторяющим слово «недоразумение»...* [В.О. Авченко. Фадеев (2017)]

Оба эти процесса синхронны и локализованы на одном и том же интервале. Ср. пример (38a), где соответствующая КП (38b) неграмматична, если причастия обозначают следующие друг за другом события:

- (38) а. *Я поднес горящую спичку поближе, чтобы лучше рассмотреть его [лягушонка]. И тут я увидел, как он поднял переднюю лапку и прикрыл ею свой выпуклый глаз со стороны огня.* [Николай Пеньков. Была пора (2002) // «Наш современник», 15.06.2002]
- б. **Я увидел его поднявшим лапку и прикрывшим ею глаз со стороны огня.*

Предложение (38b) допустимо, если причастия имеют стативную интерпретацию: лягушонок сидит с поднятой лапкой и прикрывает ею глаз.

Тем более невозможна такая конструкция (последовательность событий), если у причастий разные субъекты:

- (39) а. *Словно в замедленном кино, Гуров увидел, как распахнулась дверка «шестерки» и из машины выбрался мужчина.* [Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001)]
- б. **Увидел дверь распахнувшейся и мужчину вылезшим из машины.*

Таким образом, конструкция подъема при глаголе восприятия непригодна для нарратива, т.е. для передачи цепочки последовательных событий, — она фиксирует только неизменную (не изменяющуюся на интервале наблюдения) ситуацию: гомогенный процесс или состояние. Материал КП с глаголом НСВ *видеть*, к рассмотрению которого мы обратимся в следующем разделе, подтверждает это наблюдение.

3. Конструкции подъема с глаголом *ВИДЕТЬ*

У глагола *видеть* придется различать несколько аспектуальных значений:

- актуальное восприятие единичной ситуации (синхронная точка отсчета (см. [Падучева 1996: 12–15, 42]: *видеть* обозначает состояние экспериенцера, воспринимающего актуальную [непосредственно наблюдаемую] ситуацию):

(40) а. *В бинокль я видел, как он выходил из чащи.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

- общефактическое (ретроспективная точка отсчета: в более поздний момент $t-2$ нарратор описывает событие, которое он наблюдал в более ранний момент $t-1$):
- б. *Травкин вначале не заметил отсутствия Бражникова /.../. О Бражникове ему, задыхаясь в быстром беге, сообщил Аниканов. Он видел, как Бражников упал, выбегая из сарая.* [Э.Г. Казакевич. Звезда (1946)]
- многократное (итеративное/узуальное):

(41) *Каждый день он видел, как сосед гуляет с собакой.*

- абстрактное:

(42) *Человеческий глаз видит предметы перевернутыми / не видит, как движутся звезды.*

Если наблюдаемое событие представлено как фрагмент последовательного повествования, звено в нарративной цепочке, ср. (40a–b), оно практически не поддается преобразованию в конструкцию подъема:

(43) а. *?В бинокль я видел его выходившим из чащи.*

б. *?Он видел Бражникова падающим/упавшим.*

Тем более это невозможно, если следующие во времени друг за другом события перечисляются в одной клаузе:

- (44) а. Часовой, который *видел*, как Азамат отвязал коня и ускакал на нём, не почёл за нужное скрывать. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]
- б. **Видел Азамата отвязавшим коня и ускакавшим на нем.*

Поскольку *видеть* и *увидеть* считаются видовой парой (особого типа, ср. [Падучева 1993: 111]), они должны вести себя сходным образом, т.к. отличаются только аспектуальной характеристикой: *видеть P* в исходном значении соответствует актуальному восприятию ситуации P; *увидеть P* — началу актуального восприятия. Однако способность *видеть* обозначать актуальное восприятие обнаруживается только в КСА. В КП происходит аспектуальная специализация *видеть* — актуальное значение в чистом виде не реализуется, а семантическая парадигма сужается до общефактического/многократного и абстрактного значений.

3.1. Актуальное значение

Глагол НСВ *видеть* в конструкции подъема неохотно употребляется в значении актуального восприятия. В корпусе встретились единичные примеры, причем наблюдаемыми в них являются статические ситуации — причастия в приводимых примерах эквивалентны прилагательным:

- (45) Сначала появилась моя жена. Она была измотана. Впервые в жизни я *видел ее такой уставшей*. [vk (10.07.2015)]
- (46) Степаша, понурившись, сидел в уголке дивана, и мне было странно *видеть его*, во-первых, неподвижным, а во-вторых — *молчащим*. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

Оба эти примера не являются безупречными: в (45) искажающим фактором является наречие *впервые*, которое смешает *видел* в сторону общефактического значения; (46) — это вообще особая конструкция, где *видеть* находится в сфере действия оценочного предикатива; в такой конструкции возможны и процессы (ср.: *Студентам странно было видеть профессора прыгающим через скакалку*), однако это нельзя считать свойством самого предиката *видеть*, здесь значителен вклад оценочного *странно*: *Странно видеть, что профессор прыгает через скакалку ≈ Странно, что профессор прыгает через скакалку* (ср.: *?В бинокль они видели профессора прыгающим через скакалку*).

3.2. Общефактическое и многократное значение

Типичным для *видеть* в КП является общефактическое значение (*Однажды видела его смеющимся/плачущим*), а также многократное (*Редко видела его смеющимся/плачущим*), которое часто неотличимо от общефактического.

Как и в КП-*увидеть*, в КП-*видеть* причастия не обозначают точечных ситуаций, а обозначают процесс или состояние.

В КП-*видеть*, обозначающих наблюдаемый процесс/действие, употребляются причастия НСВ в прош. времени:

(47) *Некоторые отвечали, что видели его мчавшимся, как буря, на чертовском сивом коне.* [Василий Ян. Чингиз-хан (1939)] = *видели, как мчится*

(48) *Очень скоро попечительницы стали рассказывать о том, что их преподавательница одновременно появляется в различных местах пансиона. Одни видели ее находившейся в классе, а другие поднимавшейся в тоже самое время по лестнице.* [Шевцов Никита. Отчего умерла Екатерина? // Труд-7, 03.07.2003]

или (чаще) в наст. времени (мы не можем отвлекаться на аспектологический экскурс, отметим лишь, что состояния находиться, лежать, спать в таких конструкциях неотличимы от гомогенных процессов типа *плакать*, ср.: *видели плачущим/лежащим/спящим*, ср. *проплакал/пролежал/проспал два часа*):

(49) *Она видела его с содранными погонами, видела его лежащим ночью на койке, видела его спину во время прогулки по тюремному двору...* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

(50) *Целый год, проведённый на стройке. Год, вычеркнутый из нормальной жизни, год... когда видишь детей только спящими в кроватях...* [vk (03.10.2015)]

Причастия СВ, как и в КП с *увидеть*, обозначают перфектное состояние и, как уже говорилось, практически не отличаются от прилагательных, ср. (51) и (52):

(51) *Только однажды видел Олег Касымова вышедшим из себя.*
= *разъяренным, в яности*

- (52) *Я никогда не видел Милу такой сердитой.* [Виталий Губарев. Трое на острове (1950–1960)]

Ср. также:

- (53) *А сосед владельца «Опеля» подтвердил, что видел автомашину припаркованной на своем обычном месте, без повреждений.* [Новый регион 2, 18.05.2009] = *стоящей на парковке*

В постоянной ситуации употребляется причастие наст. времени, которое выражает значение постоянного признака, как прилагательное:

- (54) *Дети с дислексией видят буквы прыгающими, из-за чего при чтении часто прикрывают один глаз рукой.* [Виталий Котов. Как дочь директора Эрмитажа Мария Пиотровская борется с дислексией? (21.08.2017)]

Таким образом, КП фиксируют ситуацию, представленную причастием, только в виде интервала, на котором не происходит никаких изменений (наблюдатель видит одну и ту же «картинку»), но не в виде точечного события. В НКРЯ не встретилось ни одного примера, где бы причастие СВ при глаголе восприятия обозначало точечную ситуацию. В сложном предложении (КСА) такие примеры встречаются (см. выше).

4. Обсуждение

Из рассмотренного выше материала можно сделать следующие выводы.

1. Основным значением *видеть* в конструкциях подъема является **общефактическое** (и аналогичное ему многократное). В аспектологии общефактическое значение НСВ считается близким (даже синонимичным) конкретно-фактическому значению СВ. Однако их можно считать синонимичными только в том смысле, что такие СВ и НСВ могут относиться к одному и тому же событию в прошлом, ср.: *Где вы покупали апельсины?* ≈ *Где вы купили апельсины?*. Однако с другой точки зрения они являются скорее антонимичными, т.к. это событие описывается совершенно по-разному: общефактическое НСВ описывает событие как отвлеченное от потока событий (ср. термин «**обобщенно-фактическое**»), выделенное в каком-то отношении (*Вы читали «Войну и мир» / прыгали с парашютом / видели когда-нибудь северное сияние?*), тогда как конкретно-фактическое СВ концептуализирует как раз конкретную единичную ситуацию. И это противопос-

тавление хорошо иллюстрируется поведением *увидеть* и *видеть* в конструкции подъема.

Увидеть фиксирует момент начала восприятия ситуации, т.е. предполагает непосредственное наблюдение, синхронную точку отсчета [Падучева 1996: 12–15]; таким образом, субъект глагола *увидеть* — это наблюдатель в собственном смысле. Общефактическое *видел* предполагает ретроспективную точку отсчета; субъекта *видеть* правильнее было бы назвать «обозреватель». Обозреватель не передает содержание наблюдения, он актуализирует информацию, которая хранится у него в памяти. Он выбирает (скорее даже — выделяет) событие из ряда других событий, а для этого должны быть основания.

Выше мы уже приводили примеры, в которых конструкцию с сентенциальным актантом на конструкцию с подъемом заменить не удается, см. (22), (23), (24).

Если событие встроено в нарративную цепочку, оно практически не поддается преобразованию в конструкцию подъема, поскольку никак не выделено в ряду других событий этой цепочки. Рассмотрим фрагмент повествования:

- (55) Чурилин *встал*. Теперь я его не боялся. Я *видел*, как Чурилин *снимает ремень*. Я не сообразил, что это значит. Думал, что он поправляет гимнастерку. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]

Очевидно, что здесь неестественно было бы заменить сентенциальную конструкцию на КП: Чурилин *встал*. Теперь я его не боялся. [?]Я *видел* Чурилина *снимающим* ремень.

Конструкция подъема хорошо применима только к единичным событиям как механизм выделения, придания значимости, повышения статуса. Ситуация Р в КП с общефактическим *видел* — это не рядовое событие, не звено в нарративной цепочке, а нечто важное, то, что запомнилось нарратору, бросилось в глаза или даже поразило воображение. КП не сводится к восприятию; это осмысление, осознание значения ситуации Р, каким-то образом выделенной из потока событий. Таким образом, не только общефактическое *видел*, благодаря аспектуальному значению, приобретает статус обобщенного факта, — такой статус приобретает и сама ситуация Р.

Например, предложение:

- (56) Я *видел* Чурилина *снимающим* пальто с вешалки.

в изолированном виде звучит неестественно, но если это показания свидетеля после кражи пальто, то оно вполне уместно, т.к. сообщает о важном факте и позволяет сделать предположение (возможно, он и украл пальто).

2. Между НСВ *видеть* и СВ *увидеть* в конструкции подъема существует своего рода «разделение труда», распределение функций. Общефактическое *видеть* выделяет событие из общего потока. И даже в значении актуального наблюдения, ср. (45), (46), *видел* сдвинуто к общефактическому значению. Общефактическое *видеть* передает не непосредственное восприятие, а знание, воспоминание. Это информация, которая уже имеется в сознании повествователя, а глагол *видеть* указывает, что источником этой информации было восприятие.

Увидеть, наоборот, обозначает актуально воспринимаемую ситуацию, фиксирует момент, когда ситуация Р попала в поле зрения.

В отличие от случаев видовой синонимии типа *Где вы купили/покупали апельсины, видеть vs увидеть* не синонимичны, а скорее противопоставлены. Конструкции с НСВ *видеть* описывают репрезентативное событие — точнее, концептуализируют событие Р как репрезентативное, позволяющее составить общее представление о чем-л., сделать какие-то выводы:

(57) =

- (4) *Она видела его однажды плачущим.* = ‘выяснилось, что он способен плакать’

Такие «репрезентативные» события похожи на описание постоянных ситуаций, которые выступают как характеристики мира:

- (58) *А когда их [детей] воспитывать, если, работая по 12 часов в день, вы будете видеть их только спящими.* [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)]

Чтобы описать актуальную ситуацию, необходимо употребить глагол СВ *увидеть*:

- (59) *Она заглянула в комнату и увидела его плачущим.* = ‘в этот момент он плакал’

3. Если причастие СВ способно обозначать только точечное событие (*вздрогнувший, вспыхнувший*), КП с таким причастием неграмматична

(**увидел ее вздрогнувшей*); если причастие СВ можно интерпретировать как перфектное состояние, КП возможна (*увидел его упавшим*; *видел автомашину припаркованной*).

С другой стороны, конструкции подъема с СВ *увидеть* и НСВ *видеть* во многом сходны — они репрезентируют ситуацию Р либо как интервал процесса (*увидели его выходящим из отеля* — *видела его однажды плачущим*), либо как состояние (*увидел его предельно уставшим* и *больным* — только однажды *видел Олег Касымова вышедшим из себя*), см. таблицу 1.

Таблица 1. Онтологические типы ситуации Р и способы их выражения (глагол/причастие; СВ/НСВ) в конструкциях с сентенциальным актантом и в конструкциях подъема

	P = глагол	УВИДЕТЬ, КАК/ЧТО Р (ГЛАГОЛ)		P = прич.	УВИДЕТЬ Y-а КАКИМ (=ПРИЧ.)
Событие	СВ	Увидел, как она <i>вздрогнула</i>	—	СВ	— <i>*Увидел ее вздрогнувшей</i>
	СВ	Увидел, как офицер <i>упал</i>	Состояние	СВ	Оглянулся и увидел офицера <i>упавшим</i> (=лежащим на земле)
Процесс	НСВ	Увидел, что он <i>спускается по лестнице</i>	Процесс	НСВ	Увидел его <i>спускающимся по лестнице</i>
Событие	СВ	Увидел, как <i>смутилась</i> под его окриком Анфиса	Состояние	СВ акт. / пассив	Увидел Анфису <i>смущенной/покрасневшей</i>
		ВИДЕТЬ, КАК/ЧТО Р (ГЛАГОЛ)			ВИДЕТЬ Y-а КАКИМ (=ПРИЧ.)
Событие	СВ	Часовой видел, как Азамат <i>отвязал коня и ускакал</i>	—	СВ	— <i>*Видел Азамата отвязавшим коня / ускакавшим</i>
Процесс	НСВ	Видела, как он <i>плакал</i>	Процесс	НСВ	Видела его <i>плачущим</i>
Состояние	Прич. СВ пасс.	Видел, что машина <i>припаркована на обычном месте</i>	Состояние	СВ пасс.	Видел машину <i>припаркованной на обычном месте</i>

Таким образом, у конструкции подъема как более редуцированной более узкий диапазон возможностей по сравнению с сентенциальной конструкцией. Причастия СВ в конструкции подъема утрачивают способность обозначать точечную ситуацию и обозначают только наблюдаемый интервал (*увидел сына упавшим на землю*=‘лежащим на земле’), что объясняется, по-видимому, смещением причастий в сторону прилагательных.

4. В КП, в отличие от КСА, не допускается неопределенный субъект:

- (60) *Кто-то видел, что в самолет поднимались подозрительные лица и грузили ящики в хвостовую часть.* [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)]
- (61) *Кто-то видел ?подозрительных лиц поднимавшихся в самолет.*

С конкретно-референтным субъектом такая конструкция возможна, ср. пример (48): *Одни видели ее находившейся в классе, а другие поднимавшейся в то же самое время по лестнице.*

Список источников / References

- Летучий, Виклова 2020 — Летучий А.Б., Виклова А.В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 31–60. [Letučij A.B., Viklova A.V. Pod'em i smežnye javlenija v russkom jazyke (preimuščestvenno na materiale povedenija mestoimenij) [Raising and related phenomena in the Russian language (primarily based on the behavior of pronouns)]. Voprosy jazykoznanija. 2020. No. 2. Pp. 31–60.]
- Лютикова 2022а — Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022а. № 5. С. 27–45. [Lyutikova E.A. Does Russian Attest Syntactic Raising? Part 1: Infinitival Clauses. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, 2022. No. 5. Pp. 27–45.]
- Лютикова 2022б — Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы, Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2022, 6, 58–74. [Ljutikova E.A. Est' li sintaksičeskij pod'em v russkom jazyke? Čast' 2: Malye klauzy [Does Russian Attest Syntactic Raising? Part 2: Small clauses]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2022. No. 6. Pp. 58–74.]
- Падучева 1993 — Падучева Е.В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: perfectные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 111–120. [Paducheva E.V. K aspektual'nym svoystvam mental'nykh glagolov: perfektnyye vidovyye pary [Aspectual features of mental verbs: perfect aspectual pairs]. Logical Analysis of Language. Mental Acts. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 111–120.]
- Падучева 1996 — Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: «Языки русской культуры», 1996. [Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya [Semantic investigations]. Moscow: «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1996.]
- Падучева 2004 — Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. [Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: JaSK Publ., 2004.]
- Сай 2017 — Сай С.С. Действительные причастия // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб: Нестор-История, 2017. С. 463–524. [Say S.S. Active participles. Materialy k korpusnoj grammatike russkogo jazyka. Issue II. Sintaksicheskiye konstruktsii i grammaticheskiye kategorii. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 463–524.]

- Сердобольская и др. 2016 — Сердобольская Н.В., Аркадьев П.М., Шкапа М.В. К типологии подъема и смежных явлений: неканоническое маркирование актантов в актантных и обстоятельственных предложениях // Rhema. Рема. 2016. № 1. С. 74–91. [Serdobol'skaya N.V., Arkad'yev P.M., Shkapa M.V. On the typology of raising and related phenomena: non-canonical argument marking in complemental and circumstantial sentences. Rhema Рема. 2016, No. 1. Pp. 74–91.]
- Циммерлинг 2025 — Циммерлинг А.В. Конструкции с подъемом аргумента в русском языке // Горбунова Л.И., Буров Э.И. (ред.). Русская грамматика: полипарадигмальность как методологический принцип современных научных исследований. Материалы IX международного симпозиума. Иркутск: ИГУ, 2025. С. 38–45. [Zimmerling A.V. Raising constructions in Russian. Russkaja grammatika: poliparadigmal'nost' kak metodologicheskij princip sovremennyh nauchnyh issledovanij. Gorbunova L.I., Burov E.I. (eds.). Materialy IX mezhdunarodnogo simpoziuma. Irkutsk: Irkutsk State University, 2025. Pp. 38–45.]
- Polinsky, Potsdam 2006 — Polinsky M., Potsdam E. Expanding the scope of control and raising, Syntax, 2006. V. 9. No. 2. Pp. 171–192.
- Postal 1974 — Postal P.M. On raising: one rule of English grammar and its theoretical implications (Current Studies in Linguistics series, 5). Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Potsdam, Polinsky 2012 —Potsdam E., Polinsky M. Backward raising. Syntax. 2012. V. 15. No. 1. Pp. 75–108.
- Serdobolskaya 2008 — Serdobolskaya N. Towards the typology of raising. Arkhipov A., Epps P. (eds.). New Challenges in Typology. Vol. 2. Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 269–295.
- Zimmerling 2025 — Zimmerling A. To seem or not to seem // Studi Slavisitici. 2025. XXII, 2. In press.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was received on 28.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Галина Ивановна Кустова

доктор филологических наук; Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Galina Kustova

Dr. Phil. Hab.; Vinogradov Russian Language Institute RAS / Pushkin State Russian Language Institute

galinak03@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.52.82.004

К ОПИСАНИЮ УСЛОВИЙ СЕМАНТИЧЕСКОГО СВЯЗЫВАНИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ^{*}

Д.А. Паромонова

МГУ имени М.В. Ломоносова /

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Аннотация: В данной работе рассматриваются контексты семантического связывания анафорических местоимений 1/2 лица в русском языке. Для английского и ряда других языков был разработан соответствующий формальный анализ, описывающий свойства так называемых фальшивых индексикалов. Это местоимения 1/2 лица, которые функционируют как связанные переменные в предложении, хотя обычно эти местоимения явно отсылают к говорящему/слушающему и не должны иметь связанной интерпретации (Partee 1989). Теоретической литературы, изучающей русские местоимения в рамках теории фальшивых индексикалов, по-видимому, не существует, поэтому вклад данного экспериментального исследования заключается в предоставлении новых данных о возможности связанного прочтения русских местоимений и возможных причинах этого явления в русском языке. Основываясь на анализе А. Кратцер (2009), мы предполагаем, что нулевые местоимения связаны во всех типах предложений, в то время как выраженные местоимения связаны только в сентенциальных аргументах и функционируют схожим образом с логофорическими местоимениями, порождающимися с неозначенным признаком LOG. Притяжательные местоимения никогда не могут быть антецедентом семантического связывания, поскольку они не могут передать свои характеристики матричному предикату.

Ключевые слова: семантическое связывание, экспериментальное исследование, фокусные конструкции, личные местоимения, фальшивые индексикалы, логофорические местоимения, согласование

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии» (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина).

Для цитирования: Парамонова Д.А. К описанию условий семантического связывания личных местоимений в русском языке: экспериментальное исследование // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 2. С. 89–121. doi:10.37632/PI.2025.52.82.004

TOWARDS A DESCRIPTION OF SEMANTIC BINDING OF PERSONAL PRONOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: AN EXPERIMENTAL STUDY^{*}

Daria Paramonova

Lomonosov Moscow State University / Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: This paper focuses on the contexts of semantic binding of anaphoric pronouns of the 1st/2nd person in Russian. For English and a number of languages, a corresponding formal analysis has been formulated, describing the properties of the Fake Indexicals. They are the 1st/2nd person pronouns that function as bound variables in a sentence, although usually these pronouns clearly refer to the speaker/listener and should not have a bound interpretation [Partee 1989]. There seems to be no theoretical literature studying Russian pronouns within the framework of Fake Indexicals theory, thus the contribution of this experimental research is the novel data concerning the possibility for Russian pronouns to have bound reading and the reasons behind that. Null pronouns are bound in all types of clauses, while overt pronouns are only bound in sentential clauses and act similar to logophoric pronouns beginning with the unvalued LOG-feature. Possessive pronouns can never be the antecedent because they cannot transmit their features to the matrix predicate.

Keywords: semantic binding, experimental research, focus constructions, personal pronouns, Fake Indexicals, logophoric pronouns, agreement

For citation: Paramonova D. Towards a description of semantic binding of personal pronouns in the Russian language: An experimental study. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 2. Pp. 89–121. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.52.82.004

* This research has been supported by the Russian Science Foundation, project 25-18-00222 “Control and Raising in the languages of Eurasia” realized at Pushkin State Russian Language Institute.

1. Введение

В настоящем исследовании анализируются контексты семантического связывания личных и притяжательных местоимений 1/2 лица в русском языке. Для английского и ряда других языков был сформулирован формальный анализ, описывающий свойства так называемых «фальшивых индексикалов». Это местоимения 1/2 лица, которые в предложении функционируют как связанные переменные, хотя обычно эти местоимения однозначно отсылают к говорящему/слушающему и не должны иметь связанной интерпретации [Partee 1989]:

- (1) *Only I handed in my homework.*

‘Только я сдал мою работу.’

= никакой другой *x* не сдал мою работу (кореферентное прочтение)
= никакой другой *x* не сдал работу *x'*а (связанное или *sloppy*¹ прочтение)

В рамках исследования выдвигается гипотеза о наличии у русских местоимений 1/2 лица семантически связанной интерпретации (т. н. *sloppy* прочтения, характерного для фальшивых индексикалов) в определенных контекстах: в той же клаузе, что и антецедент, в сентенциальном аргументе, в относительной клаузе и в той же ИГ, что и антецедент. Для проверки наличия такой интерпретации в интересующих нас контекстах был проведен эксперимент с носителями русского языка. Проанализировав его результаты, мы можем говорить об условиях семантического связывания личных и притяжательных местоимений в русском языке, а также описать их дистрибуцию с точки зрения теории связывания.

Главная трудность и специфика изучаемой темы заключается в когнитивной сложности анализируемых примеров и в отсутствии достаточно подробного формального описания свойств личных и притяжательных местоимений в русском языке.

¹ Sloppy прочтение (от англ. *sloppy reading*, «неряшливое» прочтение) — свойство интерпретации, наблюдаемое при VP-эллипсисе, когда референт местоимения в эллидиированной глагольной группе не совпадает с референтом антецедента в предшествующей глагольной группе. В фокусных конструкциях такое прочтение выражается в совпадении референта местоимения с референтом его антецедента в каждом из контекстов множества отрицаемых альтернатив. Противопоставляется *strict* («строгому») прочтению.

В результате анализа результатов эксперимента удалось установить контексты семантического связывания личных местоимений 1/2 лица в русском языке. Вместе с этим было предложено возможное направление формального анализа наблюдаемых контрастов.

Текст статьи включает 4 раздела. В разделе 2 обсуждается литература по теме и предлагаются теоретические описания личных и притяжательных местоимений в русском языке с точки зрения теории связывания и подробно рассматривается основной анализ «фальшивых индексикалов», который актуален для настоящего исследования.

В разделе 3 детально описаны этапы подготовки эксперимента и теоретические основания, на которые мы опирались при отборе зависимых параметров, стимульных предложений и филлеров, а также представлены результаты эксперимента: отобранные контексты, где согласно суждениям носителей возникает семантическое связывание личных и притяжательных местоимений 1/2 лица, и анализ данных контекстов с учетом уже существующих подходов к описанию «фальшивых индексикалов».

В разделе 4 обсуждается возможное направление формального анализа наблюдаемых контрастов и высказывается идея о синтаксической природе выраженных местоимений в русском языке с учетом их дистрибуции относительно семантического связывания.

2. Основные положения теории связывания и подходы к анализу фальшивых индексикалов, актуальные для исследования

Настоящий раздел представляет теоретическую базу исследования. В разделе 2.1 вводятся основные понятия теории связывания, необходимые для дальнейшего анализа. В разделе 2.2 описывается дистрибуция и синтаксические свойства личных и притяжательных местоимений в русском языке. В разделе 2.3 рассматривается ключевой для нашей работы анализ фальшивых индексикалов, предложенный А. Кратцер (2009), который предлагает формальный аппарат для интерпретации экспериментальных результатов.

2.1. Синтаксическое связывание, семантическое связывание и кореференция

Büring (2005) различает два типа связывания — синтаксическое и семантическое — и кореференцию. Синтаксическое связывание определяется

двумя условиями — с-командование и коиндексация. Семантическое связывание — это связывание переменных, выраженных местоимениями. Кореференция подразумевает коиндексацию и возникает в достаточно ограниченном количестве контекстов (примеры 2, 3 из Bach, Partee 1980). При этом кореференция и семантическое связывание могут возникать в контекстах, где нет условий для синтаксического связывания, ср. (4–5); в качестве общего термина для них используется термин *анафорические отношения*.

- (2) То же местоимение возникает в нескольких местах в предложении:
He said that he was OK.
‘Он сказал, что он в порядке.’
- (3) Местоимение возникает вместе с ИГ, к которой оно отсылает:
John said that he was OK.
‘Джон сказал, что он в порядке.’
- (4) Кореференция возможна в контекстах, где ИГ не с-командует местоимением [Reinhart 1983]:
The man who traveled with her, denied that Rosa met the shah.
‘Мужчина, который путешествовал с ней, отрицал, что Роза встретила шаха.’
- (5) Семантическое связывание возможно в контекстах, где ИГ не с-командует местоимением [Barker 2012]:
Each student’s advisor paid his gambling debts for him.
‘Консультант каждого студента заплатил его игровые долги за него.’

В качестве примера семантического связывания рассмотрим предложение:

- (6) *No woman doubts that she is OK.*
‘Ни одна женщина не сомневается, что она в порядке.’

Для описания разницы между кореференцией и семантическим связыванием вернемся к примеру с кореференцией (3). При замене местоимения на ИГ, с которой оно коиндексировано, предложение является осмысленным, хоть и неграмматичным (это связано с нарушением принципа С теории связывания: референциальные выражения всегда должны быть свободны):

(3') *John said that John was OK.*

‘Джон сказал, что Джон был в порядке.’

Это ожидаемо, ведь *John* и *he* в предложении (3) кореферентны, то есть оба относятся к одному и тому же индивиду, Джону. Другими словами, они имеют один и тот же денотат (при заданной индексации). Таким образом, для сохранения осмысленности предложения типа (3') выражения должны быть взаимозаменяемы с сохранением условий истинности, что мы и наблюдаем. Однако такая замена невозможна в примере (6):

(6') *#No woman doubts that no woman is OK.*

‘Ни одна женщина не сомневается, что ни одна женщина в порядке.’

Вывод состоит в том, что *she* в (6) не означает то же самое, что и по *woman*, и поэтому не может быть проанализирована как местоимение, кореферентное своему антецеденту. В первую очередь заметим, что ИГ по *woman* не относится к какому-либо индивиду, поэтому ни одно местоимение не может быть кореферентно ей. Это семантическое свойство кванторных именных групп, которое выходит за рамки нашего исследования и не будет дополнительно рассматриваться в настоящей работе.

В настоящем исследовании мы сконцентрируем внимание на так называемых «фальшивых индексикалах». Это местоимения 1/2 лица, которые в предложении функционируют как связанные переменные, хотя обычно они однозначно отсылают к говорящему/слушающему (то есть кореферентны) и не должны иметь связанной интерпретации (7) [Partee 1989].

(7) *Only I handed in my homework.*

‘Только я сдал мою работу.’

= никакой другой *x* не сдал мою работу (кореферентное прочтение)

= никакой другой *x* не сдал работу *x'* (связанное или *sloppy* прочтение)

Прежде чем описать свойства соответствующих местоимений в русском языке и установить, могут ли они функционировать как фальшивые индексикалы, опишем свойства их связывания, а также обратимся к существующим анализам на материале английского (и ряда других германских языков) и подробнее обсудим контексты, в которых у местоимений 1/2 лица возникает связанная интерпретация.

2.2. Связывание личных и притяжательных местоимений в русском языке²

Рассмотрим дистрибуцию личных и притяжательных местоимений в русском языке и докажем, что в отношении принципов теории связывания и размера локальной области они функционируют как прonomиналы. Уточним принципы теории связывания, которые необходимо при этом учитывать:

(8) Принципы Теории Связывания:

Принцип А: Анафор связан в своей локальной области

Принцип В: Прономинал свободен в своей локальной области

Принцип С: Референциальное выражение всегда свободно

Для русского языка локальной областью для прonomиналов является любая (в том числе нефинитная) клауза (9a), а для анафора *себя* — финитная клауза (9b) [Лютикова 2015]. Несколько иначе ведет себя анафора *друг друга*, локальной областью которого является минимальная составляющая (именная группа или клауза), содержащая *друг друга* и подлежащее (9c) ⇒ анафора *друг друга* более локален. Примеры в (10) демонстрируют поведение прonomиналов и анафоров в составе ИГ. ИГ является локальной областью для прonomинала (и возможно анафора), если она содержит подлежащее.

- (9) a. *Петя_i попросил Васю_j [PRO_j налить ему_{i,*j,k} чаю]*.
 b. *Петя_i попросил Васю_i [PRO_i налить себе_{i,i} чаю]*.
 c. *Мы_i попросили гостей_j [PRO_j налить друг другу_{i,j} чаю]*.
- (10) a. *Преподаватели_i читали жалобы студентов_j на них_{i,*j}*.
 b. *Преподаватели_i читали жалобы студентов_i на себя_{i,i}*.
 c. *Преподаватели_i читали жалобы студентов_j друг на друга_{i,j}*.

Кроме того, в русском языке одним из свойств связывания является субъектная ориентация: связывателем рефлексива в русском языке может

² Мы благодарим анонимного рецензента за уточнение, что доступные конфигурации коиндексации в примерах из настоящего подраздела могут быть оценены носителями как неверные. Это указание дает основания для постулирования двух идиолектов русского языка, в которых суждения о приемлемости относительно данных примеров распределены по-разному. Вместе с этим рецензент справедливо замечает, что альтернативные суждения о приемлемости совпадают с данными польского языка [Witkoś, Łęska 2020].

быть только подлежащее. Отсюда следует, что дополнение не может быть антецедентом анафора, но может быть антецедентом прономинала (ситуация в (9), где дополнение связывает анафор, объясняется наличием коиндексированного PRO при объектном контроле):

- (11) а. *Петя_i показал Васе_j себя_{i,*j} на фотографии.*
 б. *Петя_i показал Васе_j его (самого)_{*i,j} на фотографии.*

Необходимо определить дистрибуцию личных местоимений 1/2 лица в русском языке. Хочется предположить, что она такая же, как и у местоимений 3 лица, то есть они функционируют как прономиналы, следовательно должны быть свободны в своей локальной области, связывателем является подлежащее (именной группы, клаузы), локальной областью является минимальная составляющая (именная группа или клауз), содержащая само местоимение и подлежащее. Проверим нашу гипотезу на примерах и выявим локальную область для личных местоимений 1/2 лица в русском языке.

Пример (12a) демонстрирует недопустимость синтаксического связывания местоимения 1/2 лица в пределах клаузы, содержащей данное местоимение и подлежащее. Пример (12b) демонстрирует допустимость коиндексированного подлежащему местоимения 1/2 лица во вложенной клаузе при объектном контроле (связывание происходит с подлежащем главной клаузы ⇒ местоимение свободно в пределах вложенной клаузы). Пример (12c) в свою очередь демонстрирует недопустимость объекта главной клаузы в качестве антецедента местоимения 1/2 лица: при объектном контроле во вложенной клаузе присутствует PRO-местоимение, с которым осуществляется связывание ⇒ местоимение 1/2 лица связано в пределах вложенной клаузы, что приводит к неграмматичности. Наконец, примеры (12d) и (12e) демонстрируют, что местоимения 1/2 лица всегда связываются подлежащим (в том числе ИГ, если она содержит подлежащее и данное местоимение). Это сближает местоимения 1/2 лица с прономиналами. Их локальной областью является любая минимальная составляющая (ИГ или клауза), содержащая данное местоимение и подлежащее.

- (12) а. **Я_i показал Васе меня_i на фотографии.*
 **Ты_i показал Васе тебя_i на фотографии.*

- b. *Я_i попросил Васю_j налить мне_i чаю.*
Ты_i попросил Васю_j налить тебе_i чаю.
- c. **Вася_i попросил меня_j налить мне_j чаю.*
**Вася_i попросил тебя_j налить тебе_j чаю.*
- d. *Я_i читал жалобы студентов_j на меня_i.*
Ты_i читал жалобы студентов_j на тебя_i.
- e. **Студенты_i читали мои_j жалобы на меня_j.*
**Студенты_i читали твои_j жалобы на тебя_j.*

Помимо притяжательных местоимений необходимо обсудить дистрибуцию посессивного рефлексива *свой*, функционирует в соответствии с принципом А теории связывания. Как указывает [Rappaport 1986], локальной областью для рефлексива является минимальная финитная клауза, содержащая его. То же самое верно и для посессивного рефлексива в русском языке [Гращенков, Гращенкова 2006].

В позиции объекта финитного глагола, *свой* не может иметь антецедента вне вложенной клаузы (13a), но в инфинитивных клаузах (13b) *свой* может быть коиндексирован с обоими подлежащими: и матричной, и вложенной клаузы.

- (13) a. *Ваня_i знает, <что Володя_j любит [свою_{*i,j} сестру]>.*
 b. *Профессор_i попросил ассистента_j <PRO прочитать [свой_{i,j} доклад]>.*

Потенциальными антецедентами рефлексива *свой* могут быть не только номинативные подлежащие. При их отсутствии, *свой* также может быть связан объектом при экспериенциальных предикатах (*experiencer predicates* или *psych-predicates*, [Georgopoulos 1991]). В (14) одному из аргументов экспериенциального предиката может быть лицензирован именительный падеж (если точнее, Теме: *Маша* в (14a) и *своя кошка* в (14b)). В таком случае экспериенцер (в позиции объекта) не может связывать посессивный рефлексив в (14b) (примеры на основе примеров из вышеупомянутой статьи Гращенков, Гращенкова 2006: 2).

- (14) a. *Маша_i раздражает свою_i кошку.*
 b. **Машу_i раздражает своя_i кошка.*

Следующие примеры, построенные на основе контекстов из той же работы, демонстрируют контексты, в которых экспериенциальный предикат не может проецировать внешний аргумент. В таких случаях экспериенциальный объект (в дативе в 15а и в аккузативе в 15с по модели примеров из [Гращенков, Гращенкова 2006: 3]) может связывать посессивный рефлексив, расположенный в более низкой позиции.

- (15) a. *Mаше_i* жаль *свою_i* кошку.
 b. **Машу_i* жаль *своей_i* кошке.
 c. *Машу_i* тошнит от *своего_i* брата.
 d. **От Машу_i* тошнит *своего_i* брата.

Референциальные свойства притяжательного местоимения *его* похожи на свойства прономиналов в отношении принципа В теории связывания. Однако у этого местоимения есть несколько особенностей.

Притяжательное местоимение *его* не может иметь антецедента во вложенной клаузе и может быть коиндексировано только с подлежащим матричной клаузы (или другой ИГ, находящейся в матричной клаuze):

- (16) *Миша_i* знает, <что *Петя_j* любит [его_{i,k,*j} подругу]>.

В примере (17) *его* вложено в инфинитивную клаузу, но вновь допускает связывание только с подлежащим матричной клаузы.

- (17) Учитель_i попросил старосту_j <PRO_j читать его_{i,k,*j} отчет>.

Рассмотрим примеры с ИГ. В (18а) *его* не может быть связано подлежащим клаузы. В (18б) наличие выраженного спецификатора *мой* позволяет местоимению *его* быть связанным подлежащим *Петя*. Это позволяет сделать вывод о том, что локальной областью посессивного местоимения 3 лица, как и прономинала, является минимальная составляющая, содержащая данное местоимение и подлежащее.

- (18) а. *Петя_i* прочитал отзывы на его_{j,*i} работу.
 б. *Петя_i* прочитал мой отзыв на его_{i,j} работу.

Для притяжательных местоимений 1/2 лица мы наблюдаем ту же дистрибуцию, что и для местоимений 3 лица. Находясь во вложенной клаузе они допускают связывание только с подлежащим матричной клаузы; на-

ходясь в составе ИГ, они могут связываться с подлежащим клаузы только при условии наличия спецификатора у той ИГ, в которой они находятся:

- (19) a. **Я_i* показал *Vасe_j* мою_i фотографию.
 **Ты_i* показал *Vасe* твою_i фотографию.
- b. *Я_i* попросил *Vасю_j* [PRO_j принести мою_i фотографию].
 Ты_i попросил *Vасю_j* [PRO_j принести твою_i фотографию].
- c. **Vася_i* попросил меня_j [PRO_j принести мою_j фотографию].
 **Vася_i* попросил тебя_j [PRO_j принести твою_j фотографию].
- d. **Я_i* прочитал отзывы на мою_i работу.
 **Ты_i* прочитал отзывы на твою_i работу.
- e. *Я_i* прочитал твои отзывы на мою_i работу.
 Ты_i прочитал мои отзывы на твою_i работу.
- f. **Ты* прочитал мои отзывы на мою_i работу.
 **Я* прочитал твои отзывы на твою_i работу.

Таким образом, личные и притяжательные местоимения 1/2 лица в русском языке функционируют как прономиналы. Продублируем актуальные для них обобщения:

- должны быть свободны в своей локальной области;
- связывателем является подлежащее (ИГ или клаузы);
- для личных и притяжательных местоимений 1/2 лица локальной областью является минимальная составляющая (ИГ или клауза), содержащая местоимение и подлежащее.

Результатом данного обзора являются три ключевые закономерности, которые были учтены при проектировании экспериментального исследования: 1) тип местоимения-связывателя (аргументное vs притяжательное), 2) тип связываемого местоимения (личное аргументное, притяжательное, нулевое), и 3) условие с-командования между связывателем и связываемым. Именно эти параметры легли в основу формирования экспериментальных условий (см. раздел 3.2.1).

Важный теоретический сюжет, актуальный для нашего исследования, — это связывание нулевых местоимений. Русский известен как язык без про-

дропа [Franks 1995, Fehrmann, Junghanns 2008].³ Однако во многих вложенных клаузах допустимо (но необязательно) нулевое местоимение на месте подлежащего (20).

- (20) *Петя_i сказал, что (он_i) придет.*

Существующие подходы к связыванию нулевых местоимений в русском языке [Livitz 2014, Tsedryk 2012] предполагают наличие особых синтаксических отношений между нулевым местоимением и его антецедентом в предложениях типа (21), допускающих контроль нулевого местоимения. Когда клауза вложена под глагол «сказать» или предикат пропозициональной установки (*attitude verb*), отношение между нулевым местоимением и его антецедентом должно быть строго локальным:

- (21) *Петя_i думает, что это правильно, что *(он_i) не будет работать официантом.*

Ливиц (2014) отмечает, что, в отличие от выраженных местоимений, нулевые местоимения являются референциально зависимыми. Они могут отсылать только к субъекту (или, как мы увидим далее, к косвенному дополнению в дательном падеже) матричной клаузы, когда как выраженные местоимения более свободны в отношении референции и могут отсылать к другим индивидам:

- (22) a. *Маша_i сказала, что она_j придет.*
 b. **Маша_i сказала, что ___j придет.*⁴

В той же работе Ливиц верно замечает, что нулевые местоимения во вложенных клаузах должны быть (i) с-командуемы своим антецедентом и (ii) иметь антецедент в ближайшей клаузе над ними. Условие (i) запрещает конфигурации вроде (23), где нулевое местоимение не с-командуется своим антецедентом, ИГ *президента*.

³ Однако можно отметить работы [Gribanova 2013, 2017], где дается противоположная точка зрения.

⁴ Стоит уточнить, что нами рассматриваются только т.н. *out-of-the-blue* примеры без левого контекста, а случаи эллипсиса вроде (i) выносятся за рамки исследования.

(i) — *А Лена_j придет?*
 — *Маша_i говорит, что ___j придет.*

- (23) **[Дочь президента_j] объявила, [что ___j выступит с докладом].*
 [Litz 2014: 72]

Антецедентом нулевого местоимения может быть адресат — косвенное дополнение матричной клаузы, стоящее в дательном или винительном падеже:

- (24) a. *Маша сказала Петe_j, чтобы ___j приходил завтра.*
 b. *Маша уговаривала Петю_j, чтобы ___j приходил завтра.*

В отличие от тех нулевых местоимений, которые ориентированы на субъекта, нулевые местоимения, ориентированные на адресата, встречаются только в клаузах с сослагательным наклонением [Shushurin 2018]. В остальном они демонстрируют те же свойства: требуют с-командующего антецедента и строгой локальности:

- (25) a. **Петя сказал отцу_j, чтобы было объявлено, чтобы ___j больше не приезжал.*
 b. **Петя сказал отцу Маши_j, чтобы ___j не приходила.*

Кроме того, в статье [Shushurin 2018] утверждается, что нулевое местоимение функционирует как связанная переменная, так как контексты вроде (26) допускают только *slippery* прочтение (см. 6). В настоящем исследовании мы проверяем это экспериментально и сравниваем с аналогичными контекстами, где местоимение во вложенной клаuze выражено.

- (26) a. *Маша_j сказала, что ___j придет, и Петя тоже.*
 b. *Я сказал своему отцу_j, чтобы ___j приходил, и Маша тоже.*

Есть и другие контексты, где возникают невыраженные местоимения во вложенных клаузах. В частности, это контексты с сентенциальными альянктами (27) и относительными клаузами (28). В эксперимент были включены стимульные предложения с нулевыми местоимениями во вложенных клаузах при глаголе *сказать* и в относительных клаузах с местоимением *который*.

- (27) *Марина_i будет завтра уволена, [потому что (она_i) отсутствует на работе].*
 (28) *Марина_i разбила вазу, [которую (она_i) купила накануне].*
 [Shushurin 2018: 5]

2.2. Подход к описанию фальшивых индексикалов через (не)специфицированность признаков и согласование: анализ А. Кратцер (2009)

Анализ А. Кратцер (2009) позволяет формально объяснить способность местоимений 1/2 лица, которые обычно являются референтными и указывают на участников акта речи, функционировать как связанные переменные (фальшивые индексикалы). Для решения этой проблемы А. Кратцер предлагает специальный механизм согласования и передачи признаков. Применение этого формального аппарата к данным русского языка позволяет интерпретировать полученные экспериментальные данные о возможности связанного прочтения русских местоимений и строить гипотезы о причинах наблюдавшихся контрастов между нулевыми и выраженнымими местоимениями.

В Kratzer (2009) утверждается, что в естественном языке функционируют две стратегии семантического связывания переменных, которые в свою очередь формируют два типа местоимений. Первый тип включает в себя местоимения с дефектным набором признаков: локальные фальшивые индексикалы, рефлексивы, относительные местоимения и PRO. Они получают недостающие признаки от глагольных функциональных вершин, несущих стандартный связывающий их λ -оператор. Местоимения второго типа, включающие дистантные фальшивые индексикалы, появляются с полностью специфицированным набором признаков и интерпретируются с помощью λ -операторов, меняющихся в зависимости от контекста.

Рассмотрим механизм реализации первого, интересующего нас типа местоимений на следующем примере:

(29) *Only you prepared a handout for our first appointment.*

‘Только ты приготовил хендаут на нашу первую встречу.’

Для (29) мы хотим аккомодировать следующее прочтение: ты единственный x , который подготовил раздаточный материал на первую встречу меня и x . При такой интерпретации *our* функционирует как связанная переменная, но не может унаследовать признак 1-го лица через непрерывную цепочку согласований, начинающуюся с *you*. В таком случае оно должно иметь этот признак с самого начала. В данном случае посессивное местоимение *our* должно появиться со следующим набором признаков: [N {[sum], [1st], [n]}] и в дальнейшем к нему добавляется признак [plural] до семантической интерпретации. Во время морфонологического спелл-аута

признак [2nd] переносится с v, который содержит антецедент местоимения (семантика признаков представлена в (30)). В результате мы получаем следующий набор признаков: [Num [plural] [2nd][D[N {[sum], [1st], [n]}]]]. Во время лексической вставки на основе данного набора признаков выбирается местоимение *our*.

- (30) $[[[sum]]]^{\text{g,c}} = \lambda x \lambda y. x \oplus y$
 $[[[1st]]]^{\text{g,c}} = \text{говорящий}(-\text{ие}) \text{ в с}$
 именные числовые признаки: $[1]_N, [2]_N, [3]_N \dots$
 $[[[n]]]^{\text{g,c}} = g(n)$
 $[[[plural]]]^{\text{g,c}} = \lambda x. x \text{ состоит из двух и более атомов. } x$
 $[[[2st]]]^{\text{g,c}} = \text{слушающий}(-\text{ие}) \text{ в с}$

Анализ А. Кратцер предлагает новую теорию референтных и связанных местоимений, в которой семантические признаки местоимений определяют их облик в начале синтаксической деривации. Связанные местоимения могут быть внешне неотличимыми от референтных местоимений. Или же они могут представлять собой так называемые «минимальные местоимения», которые порождаются неспецифицированными, а затем получают свое поверхностное представление с помощью переноса признаков с функциональных вершин, содержащих их «связывателя». Единообразная идея о структурном единстве разнородного класса связанных местоимений может быть воплощена в анализе, если мы откажемся от традиционной идеи, что элементы, связывающие местоимения, содержатся в антецедентных DP, а не в функциональных вершинах.⁵

⁵ Альтернативный подход, предложен в работе [Bassi 2021]. В этой теории местоимения порождаются как «минимальные» элементы без φ-признаков, которые получают их в результате постсинтаксической операции, обращающейся к фактическим признакам индивида, сопоставленного с индексом местоимения в данном контексте оценивания. Этот механизм позволяет единообразно описывать как обычные связанные употребления, так и фальшивые индексикалы, включая сложные случаи в относительных придаточных.

Кроме того, на материале русского языка был предложен критический анализ теории И. Басси. В работе [Tiskin 2024] рассматриваются синтаксические аргументы Басси в пользу постсинтаксического механизма выбора признаков для фальшивых индексикалов в относительных придаточных английского языка. Автор показывает, что для русского языка эти аргументы не являются убедительными, и предлагает альтернативный, более традиционный синтаксический анализ таких конструкций, не требующий допущений о структуре относительных клауз. При этом сама идея постсинтаксического «копирования» признаков признается перспективной для анализа других феноменов, например, связанных употреблений полных именных групп (референциальных выражений).

3. Экспериментальная часть

В настоящем исследовании определяется, как в русском языке синтаксически устроены контексты, допускающие семантическое связывание личных и притяжательных местоимений 1/2 лица. Для диагностики таких контекстов был разработан эксперимент. Задание, которое выполняли участники эксперимента, представляло собой выбор допустимых интерпретаций для данного предложения. Изначально респонденту предлагается предложение и несколько интерпретаций, далее ему необходимо определить, какие из них данное предложение может иметь. Ожидается, что респонденты руководствуются исключительно своей языковой интуицией. Зависимым параметром данного эксперимента является соответственно наличие/отсутствие связанной интерпретации у каждого типа контекстов.

3.1. Участники эксперимента

Шестьдесят три носителя русского языка приняло участие в эксперименте (54 женщины). Респонденты привлекались к участию в эксперименте через социальные сети. Возраст респондентов варьируется от 18 до 60 (информация о возрасте была указана в интервалах, то есть 18–25, 25–30 и т.д.), наиболее частотным является возраст от 18 до 25 лет (55 респондентов). Все участники дали информированное согласие и не имели представления о цели и вопросе исследования. Эксперименты проводились в соответствии с Хельсинкской декларацией и существующими международными нормами, касающимися этики в исследованиях. Участники выполняли задание удаленно на платформе Google Forms. Участникам предъявлялись все предложения сразу; время, отведенное на ответ, не ограничивалось. В итоге учитывались данные, собранные у 60 респондентов, так как результаты трех испытуемых были признаны несостоительными (значительное количество ошибок в филлерах >50%).

3.2. Материалы и процедура проведения эксперимента

В этом разделе обсуждается экспериментальный материал для исследуемого феномена. В первую очередь мы приведем обзор экспериментальных факторов и стимулов. Далее следует обсуждение филлеров и тренировочных предложений. Для уравновешивания экспериментальных списков использовался метод латинского квадрата.

3.2.1. Отбор независимых параметров

В первую очередь были отобраны конфигурации связывания разных типов местоимений 1/2 лица (личных, посессивных, нулевых). Учитывая свойства данных местоимений отбирались контексты, в которых местоимение может быть коиндексировано со своим антецедентом (не нарушается принцип В теории связывания) и в которых мы можем предположить наличие связанной интерпретации (контексты с предшествованием и с-командованием). Это был первый независимый параметр, который мы учитывали в нашем эксперименте. Таким образом были отобраны следующие контексты связывания:

- связывание посессивных местоимений аргументными
- связывание аргументных местоимений аргументными
- связывание нулевых аргументных местоимений (возможно только
- аргументными местоимениями в позиции подлежащего или косвенного дополнения-адресата в дательном падеже, в настоящем исследовании последние контексты не рассматривались)
- связывание аргументных местоимений посессивными

В качестве второго независимого параметра было выбрано расположение связанного местоимения относительно антецедентного. Всего было выделено четыре значения данного параметра:

- связанное местоимение располагается **в той же клаузе**
- связанное местоимение располагается **в относительной клаузе**
- связанное местоимение располагается **в сентенциальном дополнении**
- связанное местоимение располагается **в той же ИГ**

При этом очевидно, что синтаксическое связывание личных и притяжательных местоимений недопустимо (как мы определили выше, они имеют дистрибуцию, аналогичную прономиналам или близкую к ней, а значит не могут быть связаны в своей локальной области — клаузе или минимальной составляющей, содержащей подлежащее и прономинал, соответственно). В связи с этим те контексты, где связанное местоимение находится в той же клаузе, что и антецедент в позиции подлежащего, были либо изменены, как в случае со связыванием посессивных местоимений аргументными (вместо подлежащего в качестве антецедента было взято прямое дополнение), либо не учитывались, как в случае со связыванием аргументных местоимений аргументными. Очевидно, что связанное местоимение может располагаться в той же именной группе, только если это

связанное аргументное местоимение с посессивным антецедентом. Таким образом, количество условий в эксперименте составило 11, поскольку не все значения факторов комбинируются.

3.2.2. Отбор стимульных предложений

При составлении лексикализаций мы брали за основу предложения, демонстрирующие связывание личных местоимений, из работ [Partee 1989; Kratzer 2009], упомянутых выше. Они были переведены на русский язык и приведены к единообразному облику: единственный фокусный оператор, который присутствовал в стимульных предложениях — это *только*. Данный оператор вслед за классическими работами по фальшивым индексикациям [Partee 1989] был выбран как стандартный способ создания контекста, в котором возникают условия для семантического связывания. Другие фокусные контексты, например, вида *я единственныи, кто...* остались за пределами исследования, так как представляют собой семантически и синтаксически более сложные конструкции с фокусом. Так как условий получилось достаточно большое количество, было решено ввести всего две лексикализации на каждое условие, иначе эксперимент имел бы слишком высокую когнитивную сложность для респондентов и его результаты были бы несостоительными.

В таблице 1 представлены экспериментальные условия и примеры контекстов на каждое из этих условий. Стоит также заметить, что на каждую из лексикализаций приходится по 4 стимульных примера, с местоимениями 1/2 лица единственного/множественного числа соответственно, при этом в каждый из списков входило только две из них.

Таблица 1. Условия эксперимента на семантическое связывание

Условие	Контексты связывания	Расположение связанного местоимения	Пример
1–3	связывание посессивных местоимений аргументными	в той же клаузе – в относительной клаузе – в сентенциальном дополнении	<i>Только меня бьют мои дети.</i> <i>Только ты ешь то, что готовят твои дети.</i> <i>Только мы сказали, что наши дети гуляют.</i>
4–5	связывание аргументных местоимений аргументными	в относительной клаузе – в сентенциальном дополнении	<i>Только вы едите то, что вы готовите.</i> <i>Только я сказал, что я гуляю.</i>

Условие	Контексты связывания	Расположение связанного местоимения	Пример
6–7	связывание нулевых аргументных местоимений	в относительной клаузе – в сентенциальном дополнении	<i>Только ты ешь то, что готовишь. Только мы сказали, что придем.</i>
8–11	связывание аргументных местоимений посессивными	в той же клаузе – в относительной клаузе – в сентенциальном дополнении – в той же ИГ	<i>Только ваши родители вас поддер-живают. Только мои дети едят то, что я готовлю. Только твои родители сказали, что ты готовишь суп. Только наши истории о нас все слу-шают.</i>

В примерах (31–32) представлены интерпретации стимульных и филлерных предложений, предложенные респондентам. Респонденты могли выбрать как кореферентную (31a), так и связанную интерпретацию (31b) одновременно, то же верно и для филлеров в (32):

(31) *Только я сказал, что мои дети гуляют.*

- a. Другие люди не говорили, что мои дети гуляют.
- b. Другие люди не говорили, что их дети гуляют.
- c. Ни одна из вышеперечисленных интерпретаций не подходит.

(32) *Маша рассматривала ее отражение в зеркале.*

- a. Маша рассматривала свое отражение в зеркале.
- b. Маша рассматривала отражение другой девушки в зеркале.
- c. Ни одна из вышеперечисленных интерпретаций не подходит.

3.2.3. Отбор филлеров и тренировочных предложений

Чтобы убедиться в том, что респонденты понимают специфику связанных интерпретаций и их идиолект соответствует стандарту в отношении синтаксического связывания, был подготовлен ряд филлеров. Соотношение филлеров и стимульных предложений составило 1 к 1, чтобы не перегружать респондентов чрезмерным количеством экспериментальных контекстов. В качестве филлеров были выбраны предложения трех типов: на семантическое связывание рефлексива, на взаимную сферу действия кванторов и на недопустимость синтаксической связанности прономиналов. Приведем примеры филлеров каждого типа:

- (33) Примеры на семантическое связывание рефлексива
(возможна исключительно связанная интерпретация):

Петя любит свою сестру, и Маша тоже.

= Маша тоже любит свою сестру.

Петя принесет себе поесть, и Маша тоже.

= Маша тоже принесет себе поесть.

- (34) Примеры на взаимную сферу действия кванторов:

Некоторые мужчины любят всех женщин.

= есть такие мужчины, которые любят всех женщин ($\exists > \forall$)

= для каждой женщины есть такие мужчины, которые ее любят ($\forall > \exists$)

Каждый студент решил две задачи.

= было две такие задачи, которые решили все студенты ($\exists > \forall$)

= у каждого студента было две задачи, которые он не решил ($\forall > \exists$)

- (35) Примеры на недопустимость синтаксической связанности прономиналов:

Петя подготовил ему одежду.

= Петя подготовил одежду какому-то другому мужчине.

Маша рассматривала ее отражение в зеркале.

= Маша рассматривала отражение какой-то другой женщины в зеркале.

Как выяснилось, примеры на взаимную сферу действия кванторов (34) представляют особую сложность для носителей, поэтому значительная часть респондентов не смогла справиться с осмыслением обеих возможных интерпретаций. Было принято решение учитывать ответы респондента при условии, что он осознает хотя бы одно из двух возможных прочтений. Тренировочные предложения не отличались от филлеров и представляли собой выбор возможных интерпретаций для аналогичных контекстов.

3.3. Результаты эксперимента и обработка данных

Результаты эксперимента представлены в таблице 2, где указана доля каждой интерпретации при каждом условии (примеры экспериментальных контекстов и филлеров представлены в приложении вместе с распределением стимулов по экспериментальным листам). Максимальное количество вхождений положительного значения зависимой переменной (то есть связанной интерпретации стимульных предложений; мы отбираем те контексты, в которых русские местоимения ведут себя как фальшивые индек-

сикалы, то есть семантически связаны) составляет 120 (60 респондентов по 2 лексикализации на каждое условие $\Rightarrow 60 \times 2 = 120$). Сумма долей не всегда равна единице, поскольку отдельные ответы респондентов были противоречивы (при этом успешное выполнение фильтров не позволяло отсеять их ответы полностью).

Таблица 2. Результаты эксперимента

связыватель-связываемое-локальность-наличие с-командования	Только кореферентная интерпретация	Только связанная интерпретация	Обе интерпретации
А-П-в той же клаузе-нет с-командования	0,33	0,34	0,31
А-П-в относит. клаузе-есть с-командование	0,28	0,32	0,4
А-П-в сентенц. доп.-есть с-командование	0,09	0,49	0,42
А-А-в относит. клаузе-есть с-командование	0,36	0,21	0,42
А-А-в сентенц. доп.-есть с-командование	0,1	0,5	0,4
А-Н-в относит. клаузе-есть с-командование	0,175	0,51	0,28
А-Н-в сентенц. доп.-есть с-командование	0,06	0,69	0,24
П-А-в той же клаузе-нет с-командования	0,34	0,14	0,34
П-А-в относит. клаузе-нет с-командования	0,4	0,2	0,32
П-А-в сентенц. доп.-нет с-командования	0,43	0,19	0,325
П-А-в той же ИГ-нет с-командования	0,45	0,17	0,28

Кроме того, мы выделили последовательных респондентов (то есть таких респондентов, которые выбирали последовательно связанные или кореферентные интерпретации для обеих лексикализаций) и проанализировали их ответы. Они представлены в таблице 3, демонстрирующей более яркие контрасты, чем изначальная таблица. В дальнейшем при формулировании основных выводов мы будем ориентироваться на доли ответов последовательных респондентов в большей степени.

Таблица 3. Результаты эксперимента (последовательные респонденты)

связыватель-связываемое-локальность-наличие с-командования	Последовательно кореферентная интерпретация	Последовательно связанная интерпретация	Последовательно обе интерпретации
А-П-в той же клаузе-нет с-командования	0,35	0,28	0,13
А-П-в относит. клаузе-есть с-командование	0,23	0,3	0,27
А-П-в сентенц. доп.-есть с-командование	0,08	0,57	0,27
А-А-в относит. клаузе-есть с-командование	0,3	0,15	0,27
А-А-в сентенц. доп.-есть с-командование	0,12	0,57	0,23
А-Н-в относит. клаузе-есть с-командование	0,12	0,53	0,1
А-Н-в сентенц. доп.-есть с-командование	0,03	0,8	0,08
П-А-в той же клаузе-нет с-командования	0,4	0,13	0,17
П-А-в относит. клаузе-нет с-командования	0,35	0,18	0,22
П-А-в сентенц. доп.-нет с-командования	0,45	0,2	0,17
П-А-в той же ИГ-нет с-командования	0,42	0,13	0,12

Один из основных наблюдаемых контрастов касается типа клаузы, в которой располагается связываемое местоимение (см. таблицу 4). Сентенциальное дополнение (при наличии с-командования между антецедентом и связанным местоимением) оказывается значительно более проницаемым для связывания, чем относительная клауза.

Таблица 4. Зависимость интерпретации от различных факторов: тип клаузы, в которой располагается местоимение

	Только кореферентная интерпретация	Только связанная интерпретация	Обе интерпретации
относительная клауза	0,28	0,34	0,37
сентенциальное дополнение	0,09	0,56	0,35

	Последовательно кореферентная интерпретация	Последовательно связанная интерпретация	Последовательно обе интерпретации
относительная клауза	0,22	0,33	0,21
сентенциальное дополнение	0,08	0,64	0,19

В таблице 5 представлены доли разных интерпретаций в зависимости от типа связанного местоимения. Из нее становится очевидным (особенно из фрагмента с последовательными респондентами) факт наличия связанной интерпретации у нулевых местоимений (доля связанных интерпретаций для них выше, чем для аргументных или посессивных местоимений).

Таблица 5. Зависимость интерпретации от различных факторов: тип связываемого местоимения

связыватель — аргументное местоимение	Только кореферентная интерпретация	Только связанная интерпретация	Обе интерпретации
	Последовательно кореферентная интерпретация	Последовательно связанная интерпретация	
посессивное	0,27	0,38	0,36
аргументное	0,23	0,35	0,41
нулевое	0,12	0,6	0,26
	Последовательно кореферентная интерпретация	Последовательно связанная интерпретация	Последовательно обе интерпретации
посессивное	0,22	0,38	0,22
аргументное	0,21	0,36	0,25
нулевое	0,075	0,67	0,09

В таблице 6 представлены доли разных интерпретаций в зависимости от типа связывателя (здесь можно сравнивать только контексты со связыванием аргументных местоимений, так как все остальные типы связываемых местоимений имеют по одной конфигурации в зависимости от типа связывателя). При связывании аргументных местоимений посессивными кореферентное прочтение возникает значительно чаще связанного, поэтому в данном случае есть основание утверждать, что посессивные местоимения не могут связывать аргументные (это можно в том числе объяс-

нить отсутствием с-командования, играющим значительную роль при выборе интерпретации, см. ниже). В случае с конфигурацией «аргументное местоимение связывает аргументное» сложно говорить о наличии связывания ввиду отсутствия статистически значимых различий между долями различных интерпретаций.

Таблица 6. Зависимость интерпретации от различных факторов: тип связывающего местоимения

связываемое — аргументное местоимение	Только кореферентная интерпретация	Только связанная интерпретация	Обе интерпретации
посессивное	0,41	0,175	0,32
аргументное	0,23	0,35	0,41
	Последовательно кореферентная интерпретация	Последовательно связанная интерпретация	Последовательно обе интерпретации
посессивное	0,4	0,16	0,17
аргументное	0,21	0,36	0,25

Наконец рассмотрим, как влияет фактор наличия с-командования на возникновение связанной интерпретации. Данные представлены в таблице 7. Вновь обратим наше внимание на «последовательный» фрагмент таблицы, где наблюдается значительный контраст в доле кореферентных и связанных прочтений в зависимости от наличия с-командования. Оно оказывает влияние на возникновение семантического связывания, так как при его отсутствии доля связанных интерпретаций значительно меньше.

Таблица 7. Зависимость интерпретации от различных факторов: наличие с-командования

	Только кореферентная интерпретация	Только связанная интерпретация	Обе интерпретации
есть с-командование	0,18	0,45	0,36
нет с-командования	0,39	0,21	0,32
	Последовательно кореферентная интерпретация	Последовательно связанная интерпретация	Последовательно обе интерпретации
есть с-командование	0,21	0,53	0,225
нет с-командования	0,39	0,19	0,16

Зависимость интерпретаций от значений факторов была статистически проверена с помощью критерия χ^2 (критерия Пирсона). Во всех описанных случаях присутствует зависимость между значениями фактора и возникновением связанной/кореферентной интерпретации (значения статистики χ^2 , посчитанной для таблиц сопряженности, превышает критическое значение для соответствующего уровня значимости и степеней свободы, см. Промежуточные выводы).

3.4. Промежуточные выводы

Учитывая результаты эксперимента, мы можем сделать следующие промежуточные выводы:

- 1) Семантическое связывание ведет себя по-разному в зависимости от типа клаузы, в которой располагается связанное местоимение. Сентенциальные дополнения являются значительно более проницаемыми для связывания, чем относительные клаузы, но только в контекстах, где антецедент с-командует связываемым местоимением (Критерий χ^2 , $p < 0,01$ (1, 228)).
- 2) Семантическое связывание скорее возникает в контекстах с нулевыми местоимениями, связывание выраженных местоимений скорее наблюдается в сентенциальных аргументах, но не в относительных клаузах (Критерий χ^2 , $p < 0,01$ (1, 157)).
- 3) Посессивные местоимения скорее не могут связывать аргументные вне зависимости от локальности или типа клаузы, в которой находится связываемое местоимение (Критерий χ^2 , $p < 0,01$ (1, 139)).
- 4) В контекстах с с-командованием значительно чаще возникает связанная интерпретация, чем в контекстах без него (Критерий χ^2 , $p < 0,01$ (1, 402)).
- 5) Контексты связывания аргументных местоимений посессивными являются наиболее сложными для анализа и чаще других кажутся носителям неинтерпретируемыми.

4. Возможное направление анализа

Данный раздел посвящен интерпретации экспериментальных данных, представленных в разделе 3. Мы рассматриваем основные выявленные контрасти (связанные *vs* кореферентные прочтения в зависимости от типа клаузы и типа местоимения) и предлагаем возможные направления их формального анализа в рамках существующих теоретических подходов к связыванию и, в частности, к фальшивым индексикалам.

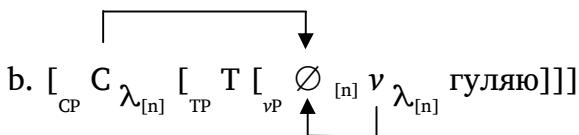
4.1. Контрасты, наблюдаемые в контекстах с нулевыми и выраженнымными местоимениями

Как следует из экспериментальных выводов нулевые местоимения и выраженные местоимения скорее семантически связаны, когда они являются подлежащими сентенциального аргумента при глаголе *сказать*. При этом в относительных клаузах нулевые местоимения допускают семантическое связывание, а выраженные личные местоимения по большей части имеют кореферентную интерпретацию.

Вслед за А. Кратцер (2009) мы предполагаем, что связывание возможно только в тех случаях, когда присутствует согласовательная цепочка⁶ от матричного предиката до местоимения через С (36). Ключевой для нашего анализа является идея о том, что нулевые местоимения (*pro*) в русском языке, в отличие от выраженных, порождаются с дефектным набором ф-признаков и неспецифицированным D-признаком [Shushurin 2018; Holmberg, Sheehan 2010]. Их признаки должны быть валидированы строго локально извне. В контекстах нашего эксперимента таким источником является комплементайзер (С) вложенной клаузы, который сам получает индекс через согласование с матричным предикатом.

Рассмотрим детально, как эта идея может применяться к примеру (36), который иллюстрирует связывание нулевого местоимения в сентенциальном дополнении.

(36) а. Только я сказал, что Ø гуляю.

Механизм можно описать следующим образом: матричный предикат в своей расширенной проекции (например, в vP) несет индекс, связанный с его субъектом. Комплементайзер (С) вложенной клаузы вступает в согласовательное отношение с этим матричным предикатом и наследует его индекс (i). Нулевое местоимение (*pro*) в подлежащкой позиции вложенной

⁶ Стоит отметить, что «согласование» у Кратцер не является согласованием в привычном минималистском понимании (т.е. операцией AGREE). Во-первых, оно не является локальным: такое «согласование» может игнорировать сильные острова и пропускать более близкие вершины. Во-вторых, оно контриклично. Мы благодарим анонимного рецензента за соответствующее указание.

клаузы обязательно получает свои ф-признаки и референциальный индекс от локально с-командующего им С, тем самым становясь связанный переменной. Этот анализ напрямую соотносится с экспериментальными результатами: высокая приемлемость связанного прочтения для нулевых местоимений объясняется их фундаментальной зависимостью от внешнего источника признаков, который в конфигурациях нашего эксперимента естественным образом оказывается их семантическим связывателем.

Ситуация с выраженным местоимениями сложнее. Тот факт, что они допускают связанное прочтение в сентенциальных дополнениях, но не в относительных клаузах, требует более тонкого объяснения, чем простое противопоставление «референциальное *vs* связанное». Мы предполагаем, что выраженные местоимения в русском языке не являются изначально референциальными в данных контекстах, но их способность выступать в качестве связанной переменной ограничена типом синтаксического окружения. В частности, ключевую роль может играть природа самой вложенной клаузы и возможность установления цепочки согласования, описанной выше.

Основное направление анализа учитывает, что русские нулевые местоимения порождаются как минимальные местоимения с неозначенными ф-признаками и неозначенным D-признаком [Shushurin 2018], см. также [Holmberg, Sheehan 2010]. В тех же работах высказывается идея о том, что выраженные местоимения референциальны: их D-признак ингерентно означен.

Согласно результатам эксперимента нулевые местоимения семантически связаны, поэтому их D-признак получает значение через С вложенной клаузы. Вершина С приобретает это значение от матричной проекции *vP* (ее ф-признаки, в свою очередь, получают значение от вложенного глагола через предикацию).

Выраженные личные местоимения, по всей видимости, бывают как референциальными в относительных клаузах, так и связанными в сентенциальном аргументе при предикате *сказать*.

4.2. Возможный анализ через логофоричность

Результаты эксперимента показали, что выраженные личные местоимения могут быть связаны, ровно как и нулевые. Из этого следует, что у выраженных местоимений не может быть всегда означенный D-признак, иначе

они не могли бы быть связанными. Следовательно, должен быть другой признак, различающий нулевые местоимения и выраженные личные местоимения. В качестве такого признака мы предлагаем считать признак логофоричности.

Выраженные личные местоимения могут быть функционировать особым образом в логофорических контекстах в русском языке [Schlenker 1999]: их признаки могут быть проверены только предикатом пропозициональной установки (*знать, думать, считать* и т.п.).

При таком понимании с точки зрения синтаксиса русские выраженные аргументные местоимения могут порождаться с неозначенным *log*-признаком (= *iLOG*). Он может быть означен только предикатом пропозициональной установки, который содержит индекс связывателя и несет соответствующий интерпретируемый признак (= $1[[i]LOG]$ в (37)).

(37) а. *Только я сказал, что я гуляю.*

б. *Только я сказал-1[iLOG] [что я₁ [иLOG] гуляю]*

Такая теория требует дальнейшей проверки, но на данном этапе является наиболее осмысленным объяснением доступности связанной интерпретации выраженных местоимений в контекстах с сентенциальным аргументом.

4.3. Притяжательные местоимения в качестве антецедента

Согласно результатам эксперимента в контекстах с притяжательными местоимениями в качестве антецедентов личных местоимений связанной интерпретации не возникает (38).

(38) а. *Только мои родители едят то, что я готовлю.*

≠ нет других родителей *x*, которые едят то, что *x* готовит.

б. *Только мои родители сказали, что я гуляю.*

≠ нет других родителей *x*, которые сказали, что *x* гуляет.

В таких контекстах матричная *vP* не согласуется с притяжательным местоимением, поэтому она не может передать D-признак через С подлежащему вложенной клаузы, поэтому связанная интерпретация не возникает даже в контексте с предикатом *сказать*, демонстрирующим свойства предикатов пропозициональной установки.

4.4. Перспективы исследования

Настоящее исследование дает частичный ответ, на вопрос о том, каковы условия связывания личных местоимений в русском языке. Однако, часть контекстов осталось за пределами данной статьи. Это открывает перспективу для дальнейших исследований. Так, стоит проверить контексты с другими предикатами пропозициональной установки и выраженными местоимениями во вложенной клаузе. Это позволит уточнить синтаксический статус выраженных местоимений в русском языке по сравнению с нулевыми *pro*. Кроме того, необходимо проверить другие фокусные конструкции, такие как конструкция с фокусной лексемой *единственный* и относительное клаузой:

- (39) a. *Мы единственные, кто говорит, что наши дети гуляют.*
b. *Мы единственные, кто говорят, что наши дети гуляют.*
c. *Мы единственные, кто говорим, что наши дети гуляют.*

5. Заключение

В настоящем экспериментальном исследовании мы сосредоточились на определении контекстов, в которых возникает семантическое связывание местоимений 1/2 лица в русском языке. В результате обработки экспериментальных данных удалось установить, что связанная интерпретация возникает в контекстах, где мишень связывания находится в относительной клаузе и сентенциальном аргументе при глаголе *сказать*. При этом нулевые местоимения функционируют как связанные переменные как в относительных клаузах, так и в сентенциальном аргументе; в то время как выраженные местоимения связаны только в сентенциальном аргументе. На данном этапе мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что выраженные местоимения 1/2 лица в русском языке могут демонстрировать свойства логофоров. Притяжательные местоимения, в свою очередь, никогда не функционируют как антецеденты семантического связывания, так как не могут передавать свои признаки матричному предикату. Таким образом, настоящее исследование расширяет типологию феномена фальшивых индексикалов в языках мира и объясняет наблюдаемые в русском языке контрасты в рамках теории семантического связывания через передачу признаков.

Список источников / References

- Гращенков, Гращенкова 2006 — Гращенков П.В., Гращенкова А.А. Possessive Reflexives in Russian // Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL). 2006. Vol. 15. Pp. 107–120. [Graschenkov P.V., Graschenkova A.A. Possessive Reflexives in Russian. Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL). 2006. Vol. 15. Pp. 107–120.]
- Лютикова 2015 — Лютикова Е.А. Общий синтаксис: материалы к курсу для бакалаврской программы отделения Теоретической и Прикладной лингвистики. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. [Lyutikova E.A. Obshchij sintaksis: materialy k kursu dlya bakalavrskoj programmy otdeleniya Teoreticheskoy i Prikladnoj lingvistiki [General syntax: materials for the course for the bachelor's program of the Department of Theoretical and Applied Linguistics]. Moscow: Lomonosov State University, 2015.]
- Тискин 2024 — Тискин Д.Б. Некоторые модификации к теории связанных употреблений индексальных выражений И. Басси // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Т. 7, вып. 1. С. 107–123. [Tiskin D. Some modifications to Bassi's theory of fake indexicals. Typology of Morphosyntactic Parameters. 2024. Vol. 7, iss. 1. Pp. 107–123.]
- Bach, Partee 1980 — Bach E., Partee B. Anaphora and semantic structure. Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H. Partee. Oxford: Blackwell Publishing, 1980. Pp. 122–152.
- Barker 2012 — Barker C. Quantificational Binding Does Not Require C-Command. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43, No. 4. Pp. 614–633.
- Bassi 2021 — Bassi I. Fake Features and Valuation From Context: PhD dissertation. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 2021.
- Büring 2005 — Büring D. Binding Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Fehrman, Junghanns 2008 — Fehrman D., Junghanns U. Subjects and Scales. Richards M., Malchukov A.L. (eds.). Scales. Leipzig: Universitätsverlag Leipzig, 2008. Pp. 189–220.
- Franks 1995 — Franks S. Parameters of Slavic Morphosyntax. New York: Oxford University Press, 1995.
- Georgopoulos 1991 — Georgopoulos C. Syntactic Variables: Resumptive Pronouns and A' Binding in Palauan. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1991. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 27).
- Gribanova 2015 — Gribanova V. Verb-stranding verb phrase ellipsis and the structure of the Russian verbal complex. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2013. Vol. 31, No. 1. Pp. 91–136.
- Gribanova 2017 — Gribanova V. Head movement and ellipsis in the expression of Russian polarity focus. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2017. Vol. 35, No. 4. Pp. 1079–1121.
- Holmberg, Sheenan 2010 — Holmberg A., Sheehan M. Control into finite clauses in partial null-subject languages. Biberauer T., Holmberg A., Roberts I., Sheehan M. (eds.). Parametric Variation: Null Subjects in Minimalist Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 125–152.
- Kratzer 2009 — Kratzer A. Making a Pronoun: Fake Indexicals as Windows into the Properties of Pronouns. *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40, No. 2. Pp. 187–237.
- Livitz 2014 — Livitz I. Deriving Silence through Dependent Reference: Focus on Pronouns: PhD dissertation. New York: New York University, 2014.
- Partee 1989 — Partee B. Binding Implicit Variables in Quantified Contexts. Papers from the 25th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1989. Vol. 25, Part 2. Pp. 342–365.
- Rappaport 1986 — Rappaport G.C. On Anaphor Binding in Russian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 1986. Vol. 4, No. 1. Pp. 97–120.

- Reinhart 1983 — Reinhart T. Anaphora and Semantic Interpretation. London: Croom Helm, 1983.
- Schlenker 1999 — Schlenker P. Propositional attitudes and indexicality: a cross-categorial approach: PhD dissertation. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1999.
- Shushurin 2018 — Shushurin P. Null pronouns in Russian embedded clauses. Patel-Grosz P., Grosz P.G., Zobel S. (eds.). Pronouns in Embedded Contexts at the Syntax-Semantics Interface. Cham: Springer, 2018. Pp. 145–169. (Studies in Linguistics and Philosophy. Vol. 99).
- Tsedryk 2012 — Tsedryk E. Finite control in Russian as movement: subject extraction, feature deficiency and parametric variation: Manuscript. Halifax: Saint Mary's University, 2012.

Приложение

Список стимульных предложений и их распределение по спискам:

А-Н (сентенциальное дополнение)

Только мы сказали, что придем.	1 5 11
Только ты сказал, что работаешь.	1 5 9
Только ты сказал, что придешь.	2 6 8
Только я сказал, что работаю.	2 6 10
Только я сказал, что приду.	3 7 9
Только вы сказали, что работаете.	3 7 11
Только вы сказали, что придетe.	4 10
Только мы сказали, что работаем.	4 8

П-А (та же клауза)

Только ваши родители вас поддерживают.	1 5 11
Только наши дети нас ценят.	1 5 9
Только наши родители нас поддерживают.	2 6
Только твои дети тебя ценят.	2 6 10
Только твои родители тебя поддерживают.	3 7 9
Только мои дети меня ценят.	3 7 11
Только мои родители меня поддерживают.	4 8 10
Только ваши дети вас ценят.	4 8

П-А (отн. клауза)

Только мои родители едят то, что я готовлю.	1 5 9 11
Только ваши дети рисуют то, что вы придумываете.	1 5 9
Только ваши родители едят то, что вы готовите.	2 6
Только наши дети рисуют то, что мы придумываем.	2 6 10

Только наши родители едят то, что мы готовим.	3 7
Только твои дети рисуют то, что ты придумываешь.	3 7 11
Только твои родители едят то, что ты готовишь.	4 8 10
Только мои дети рисуют то, что я придумываю.	4 8

П-А (сентенциальное дополнение)

Только твои родители сказали, что ты готовишь суп.	1 5 9 11
Только мои дети сказали, что я вожу машину.	1 5 9
Только мои родители сказали, что я готовлю суп.	2 6 10
Только ваши дети сказали, что вы водите машину.	2 6 10
Только ваши родители сказали, что вы готовите суп.	3 7
Только наши дети сказали, что мы водим машину.	3 7 11
Только наши родители сказали, что мы готовим суп.	4 8
Только твои дети сказали, что ты водишь машину.	4 8

П-А (та же ИГ)

Только наши истории о нас все слушают.	1 5 9
Только твои рассказы о тебе все понимают.	1 5 9
Только твои истории о тебе все слушают.	2 6 10
Только мои рассказы обо мне все понимают.	2 6 10
Только мои истории обо мне все слушают.	3 7 11
Только ваши рассказы о вас все понимают.	3 7 11
Только ваши истории о вас все слушают.	4 8
Только наши рассказы о нас все понимают.	4 8

Список филлеров:

- 1) Петя любит свою сестру, и Маша тоже.
- 2) Маша рассматривала ее отражение в зеркале.
- 3) Только Петя умыл свое лицо.
- 4) Маша постелила ей постель.
- 5) Петя подготовил ему одежду.
- 6) Маша увидела ее на фотографии.
- 7) Только Петя налил себе чай.
- 8) Некоторые мужчины любят всех женщин.
- 9) Некоторые студенты восхищаются всеми преподавателями.
- 10) Маша думает, что кто-то любит каждого моего друга, и Петя тоже.

- 11) Каждый студент решил две задачи.
- 12) Кто-то посещал все семинары.
- 13) Каждый выпускник не сдал один экзамен.
- 14) Петя принесет себе поесть, и Маша тоже.
- 15) Только Маша позвонила своей маме.
- 16) Петя забрал свои вещи, и Маша тоже.
- 17) Петя попросил Машу налить себе чаю.
- 18) Только Петя убрал свою комнату.
- 19) Маша готовит ей ужин.
- 20) Петя хочет, чтобы все были счастливы, и Маша тоже.
- 21) Петя моет его кружку.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was received on 17.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Дарья Александровна Парамонова

МГУ имени М.В. Ломоносова / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Daria Paramonova

Lomonosov Moscow State University / Pushkin State Russian Language Institute

dashparamonova@yandex.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.22.57.005

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ЭРГАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЗАПАДНЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Л.В. Хохлова

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Типологическая эволюция индоарийских языков демонстрирует многочисленные отклонения от подлинно эргативной модели не только в формальных морфо-синтаксических признаках эргативности (маркировании синтаксических примитивов и правилах глагольного согласования), но и в грамматической семантике эргативных конструкций. В западных новых индоарийских языках (НИА) отсутствует оппозиция агентивных — фактитивных глаголов, присущая эргативным языкам, стратегии синтаксического кодирования не мотивированы непосредственно ролевыми характеристиками актантов, в результате допускается наличие нескольких диатез у одного предиката. Эргативное оформление агенса определяется исключительно морфо-синтаксической структурой предложения и не связано с семантикой актантов, поэтому эргативный агенс может относиться к референту, не контролирующему ситуацию в отличие от последовательно эргативных языков, где основной принцип оформления предикатных актантов: «одна роль — один падеж».

Ключевые слова: типологическая эволюция западных индоарийских языков, морфо-синтаксические характеристики эргативности, грамматическая семантика эргативных конструкций

Для цитирования: Хохлова Л.В. Особенности грамматической семантики эргативных конструкций в западных индоарийских языках // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 2. С. 122–138. doi:10.37632/PI.2025.22.57.005

GRAMMATICAL SEMANTICS OF ERGATIVE CONSTRUCTIONS
IN WESTERN INDO-ARYAN LANGUAGES

*Liudmila Khokhlova
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: The typological evolution of Indo-Aryan languages demonstrates numerous deviations from the truly ergative model not only in the formal morpho-syntactic features of ergativity (marking of syntactic primitives and verbal agreement), but also in the grammatical semantics. There is no opposition of agentive/factitive verbs typical for ergative languages and no semantic motivation for the strategy of encoding the role characteristics of actants, which precludes the presence of multiple diatheses for a single predicate. Nominal marking does not correspond to the principle “one role — one case”. An ergative agent may point to a referent that is not in control of the situation.

Keywords: typological evolution of Indo-Aryan languages, morpho-syntactic features of ergativity, grammatical semantics of ergative constructions

For citation: Khokhlova L. Grammatical semantics of ergative constructions in Western Indo-Aryan languages. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 2. Pp. 122–138. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.22.57.005

1. Введение

Проблемы типологической эволюции от номинативно-аккузативного к эргативному типу изучались на материале полинезийских языков [Нохера 1969; Clark 1973, 1976; Chung 1978], языков карибской семьи [Franchetto 1990; Derbyshire 1991; Gildea 1992; Dixon 1994: 187–192], неоарамейских [Noorlander 2020], индоиранских [Anderson 1977; Pireiko 1979; Payne 1980; Bubenik 1998; Butt 2001; Comrie 1979; Klaiman 1978, 1987; Peterson 1998; Pray 1976; Stroński 2011; Stump 1983; Trask 1979] и других языковых семей. Индоарийские языки сохранили документированную историю на протяжении по крайней мере двух тысячелетий. Письменные памятники позволяют проследить процесс эргативизации языков номинативно-аккузативного строя и последующее возвращение к номинативно-аккузативной модели¹.

Эргативизация языков номинативного строя противоречит теории об одностороннем типологическом развитии Г.А. Климова: классные — активные — эргативные — номинативные языки. [Климов 2009: 191]. До-

¹ Ниже для номинативно-аккузативной стратегии используется сокращенный термин «номинативная».

казательством отсутствия подлинной эргативности в таких западных индоарийских языках, как западный хинди и восточный панджаби Г.А. Климов считал, во-первых, «расщепленную эргативность» (сфера действия эргативных конструкций ограничена перфективными видо-временными формами), во-вторых, отсутствие у эргативного послелога косвенно-объектной функции, в частности, функции инструменталиса, в-третьих, наличие категории залога, невозможной в эргативных языках.

Большинство исследований, посвященных проблемам происхождения, развития и современного состояния эргативной конструкции в индоарийских языках, основывается на формальных морфо-синтаксических признаках эргативности: маркировании S, A, O и правилах глагольного согласования [Anderson 1977, 1988; Bloch 1965; Kliman 1978, 1987; Masica 1991 и др.].

Ниже будут рассмотрены отклонения от эталонной эргативной модели не только в маркировании синтаксических примитивов, но и в грамматической семантике эргативных построений. Эргативные конструкции новоиндийских языков сопоставляются с близкими к эталонной модели эргативными построениями в языках среднедагестанского стандарта (СДС)².

2. Типологическая эволюция стратегий синтаксического кодирования в западных новоиндийских языках

Говоря об отсутствии подлинной эргативности в западных индоарийских языках, Г.А. Климов анализировал системы современных языков, которые представляют собой результат обратного движения от эргативного к номинативному типу [Khokhlova 2001]. Пиком проявления эргативности следует считать модель, сложившуюся в апабхрамша, где отсутствовала залоговая оппозиция, а эргативный субъект оформлялся инструменталисом [Bubenik 1998]:

- (1) *to mant-iṇa tālauḍi khaddh-u...*
 тогда министр-INSTR яд_талапута.M.SG есть-PAST.M.SG
 ‘Тогда министр принял яд талапута.’ [Somaprabha’s Kumārapālaprati-bodha 48.2-3, цитируется по Bubenik 1998: 110]

На ранних этапах эргативизации не только отсутствовал пассивный залог, в некоторых западных индоарийских языках обнаруживались такие

² Термин вводится в работе А.Е. Кибрика [Кибрик 2005: 7].

следы синтаксической эргативности, как эргативный тип кореферентных опущений [Хохлова 1923: 119–130], ср. апабхрамша (2), где ($O_1 = A_2$) и раджастхани 15 в. (3), где ($O_1 = S_2$):

- (2) *rā-em...* *pes-ia* *kiṁkara* (O_1) *pur-e*
 радиа-INSTR посыпать-PAST слуга город-LOC
ghar-e (A_2) *avalō-iu* *uvavan-e*
 дом-LOC искать-PAST парк-LOC
 ‘Раджа послал слуг в город, (слуги) искали в (каждом) доме и в парке.’
 [Puśpadanta, Harivamśapurāna 83.6.6-7, цитируется по Bubenik 1998:
 158]
- (3) *śrenīk* *si^ñhāsan-i* *baith-au* *vidyā* *parh-ai*
 Шреник трон-LOC сидеть-PP.M.SG знание учить-PRES.3.SG
ghaṇī vāri *vidyā* (O_1) *kah-i* *puṇ* (S_2) *āv-ai* *nahī*
 много_раз знание говорить-PAST.F но приходить-PRES.3.SG NEG
 ‘Раджа Шреник, воссевший на трон, учит мантры, много раз (он)
 манtry произнес, но [они] не запоминаются.’ [R.G. 1969: 15]

В 15–16 вв. в большинстве западных НИА инструменталис перестает маркировать агенс переходного действия и эргативная стратегия синтаксического кодирования сменяется нейтральной ($S = O = A$), ср. раджастхани 16 в., где одинаково маркируются А (4), S (5) и О (6):

- (4) *kumār* (A) *lakuṭ-ai* *te* (O) *tim* *haṇ(y)-ā*
 царевич.M.SG.NOM дубинка-INSTR они.NOM.PL так бить-PAST.M.PL
 ‘Царевич так побил их дубинкой.’ [R.G. 1969: 39]
- (5) *ākās-i* *ūṛ-iu* *kumār* (S)
 небо-LOC лететь-PAST.M.SG царевич.M.SG.NOM
 ‘Царевич полетел к небу.’ [R.G. 1969: 36]
- (6) *kumār* (O) *dekh-ī* *veśyā-īⁿ* ... *pūch-īuⁿ*
 царевич.M.SG.NOM видеть-CV куртизанка-INSTR.SG спрашивать-PAST.NEUT.SG
 ‘Увидев царевича, куртизанка спросила.’ [R.G. 1969: 37]

Позже во всех западных НИА появляется послелог, маркирующий одушевленный и определенный прямой объект. В хинди, панджаби маратхи возникает также послелог, маркирующий эргативный агенс, ср. хинди (7):

- (7) *rām ne sītā ko dekh-ā*
 Рам ERG Сита ACC видеть-PAST.M.SG
 ‘Рам увидел Ситу.’

В гуджарати и раджастрхани отсутствует эргативный послелог, при этом в гуджарати сохраняется инструментальное маркирование эргативного агента (8), в раджастрхани эргативный агент маркируется отлично от номинативного только у существительных во множественном числе и местоимений.

- (8) *amār-ā senāpati-e tār-ā dhaṇī-n-ī katal*
 наш-М.OBL.SG полководец-INSTR твой-М.OBL.SG муж-GEN-F убийство.F
kar-ī nāñkh-ī
 делать-CV бросать-PAST.F
 ‘Наш полководец убил твоего мужа.’ [Савельева 1965: 58]³

В современных западных НИА представлены четыре стратегии синтаксического кодирования: эргативная ($S=O \neq A$), контрастивная ($S \neq O \neq A$), нейтральная ($S=O=A$) и номинативная ($S=A \neq O$).

Таблица 1 Стратегии синтаксического кодирования в западных НИА

язык	имя существительное	местоимение
хинди	эргативная, контрастивная	эргативная, контрастивная
гуджарати	эргативная, контрастивная	эргативная, контрастивная
панджаби	эргативная, контрастивная	эргативная, контрастивная, номинативная
марвари	эргативная, нейтральная, контрастивная	эргативная, контрастивная, номинативная

Существуют противоположные мнения по поводу взаимного структурного обособления при маркировании субъекта переходного действия и косвенного объекта (в частности, инструмента и адресата). По мнению Г.А. Климова, различное выражение эргативного агента и инструмента было шагом к номинативизации языковой структуры [Климов 2009]. Т.Я. Елизаренкова, напротив, считала одним из условий, необходимых и достаточных для того, чтобы трактовать конструкцию как эргативную, наличие

³ Подробнее об эволюции именного маркирования и глагольного согласования в западных НИА см. [Хохлова 2007: 151–186; Khokhlova 2001: 159–184; Khokhlova 2016: 165–200].

противопоставления эргативного падежа и инструментального или любого другого косвенного падежа, способного выступать как падеж деяния [Елизаренкова 1967: 116]. Таким образом, с позиций Г.А. Климова, гуджарати более эргативен, чем хинди и панджаби, по мнению Т.Я. Елизаренковой — хинди и панджаби более эргативны, чем гуджарати.

Сходных с Т.Я. Елизаренковой взглядов придерживался В. Бубеник [Bubenik 1996: 175–176], который полагал, что подлинное развитие эргативной конструкции происходит в новоиндийский период, когда возникает отдельный послелог эргативности.

Для ответа на вопрос, является ли противопоставление эргативного и инструментального или другого косвенного падежа критерием подлинной эргативности, следует сравнить падежную структуру западных НИА с падежным маркированием в эталонных эргативных языках. В дагестанских языках вычленяется роль инструмента, выражаемого совмещающим эргативом⁴ или специальным инструментальным падежом. [Кибрик 2005: 207]. Характерной чертой для некоторых дагестанских языков является совпадение эргативного падежа с разными падежными формами, поэтому эргативный падеж в этих языках не является самостоятельной морфологической единицей. В даргинском языке он может совпадать частично с творительным падежом, в лакском — с родительным [Жирков 1955], в других дагестанских языках используются разные падежи локативной семантики. [Бокарев 1948: 64; Курбанов 1967: 214]. Таким образом, судя по дагестанским языкам, которые близки к эталону эргативности, отдельное маркирование эргативного агента нельзя считать надежным показателем эргативного строя языка.

Итак, к важными признакам стирания эргативности в процессе эволюции новоиндийских языков относятся формирование пассивного залога и контрастивной стратегии синтаксического кодирования. Вряд ли к признакам усиления эргативности следует отнести появление отдельного эргативного послелога.

Представляется, что изучение семантики эргативных построений, которой в настоящее время посвящено сравнительно немного исследований, позволит найти дополнительные критерии для построения иерархии эргативных признаков в различных языках.

⁴ А.Е. Кибрик при описании дагестанских языков использует термин «совмещающий эргатив», имея в виду совпадение эргативного падежа с другими падежными формами.

3. Семантика эргативных конструкций в современных западных НИА

3.1. Последовательная синтаксическая реализация оппозиции транзитивных/интранзитивных глаголов

В западных НИА эргативная конструкция имплицируется транзитивными глаголами, абсолютивная — интранзитивными. В них отсутствует характерная для эргативной типологии семантическая оппозиция агентивных глаголов, обозначающих действие, распространяющееся с субъекта на объект и преобразующее его (*ломать, резать, убивать, топить, сеять*) и фактитивных глаголов, которые передают состояние субъекта или его поверхностное воздействие на объект (*чихать, кричать, петь, плясать, толкать, ударять, царапать, кусать, звать*). По мнению Г.А. Климова, грамматикализация оппозиции агентивных-фактитивных глаголов является важной особенностью подлинно эргативных языков [Климов 2009: 95]. Между тем в западных НИА эргативное маркирование субъекта возможно и при непереходных глаголах⁵. Например, глагол ‘смеяться’ в старом раджастхани употреблялся в эргативной конструкции, нарушая оппозицию транзитивность/интранзитивность:

- (9) *lok-e sahū-e has-iuⁿ*
 люди-INSTR все-INSTR смеяться-PAST.NEUT.SG
 ‘Все люди рассмеялись.’ [R.G. 1969: 16]

В современном хинди глаголы небольшого класса физических отправлений и звуков, издаваемых человеком: *khāⁿsñā* ‘кашлять’, *chīⁿknā* ‘чихать’, *cīkhnā* ‘кричать’, *mūtnā* ‘мочиться’, *ronā* ‘плакать’ могут употребляться как в эргативной, так и в номинативной конструкции. По мнению М. Батт, эргативная конструкция предполагает намеренное, номинативная — невольное действие [Butt 2001]:

- (10) *mohan chīⁿk-ā / khāⁿs-ā*
 Мохан.NOM чихать-PAST.M.SG кашлять-PAST.M.SG
 ‘Мохан чихнул/кашлянул (простудился).’

- (11) *mohan-pe chīⁿk-ā / khāⁿs-ā*
 Мохан-ERG чихать-PAST.M.SG кашлять-PAST.M.SG
 ‘Мохан чихнул/кашлянул (нарочно, чтобы казаться больным и неходить в школу).’

⁵ Возможно, это остатки активной типологической системы.

- (12) *sītā ro uṭh-i*
 Сита.NOM плакать подниматься-PAST.M.SG
 ‘Сита заплакала (может быть, против воли).’

- (13) *bacce-ne ro ḫal-ā*
 ребенок.OBL-ERG плакать бросать-PAST.M.SG
 ‘Ребенок заплакал (требуя у мамы игрушку).’

М. Батт не ссылается ни на какие полевые исследования, которые позволили бы ей прийти к выводу о семантических различиях между конструкциями (10) и (11), (12) и (13).

Я провела опросы информантов в Университете им. Дж. Неру (Дели), Делийском университете и университете Вардхи в которых участвовало 56 студентов, аспирантов и преподавателей, родным языком которых был хинди. Проведенные опросы показали, что в идиолекте конкретного лица наблюдается исключительно либо эргативное, либо номинативное маркирование агента. Все опрошенные носители хинди-урду на вопрос: «Чем отличаются по смыслу конструкции типа (10)–(11) и (12)–(13)?» ответили, что «по смыслу они идентичны, одни говорят так, другие иначе»⁶.

В последнее время наблюдается тенденция употреблять номинативную конструкцию с непереходными глаголами класса «физические отправления и звуки, издаваемые человеком». Эта тенденция находится в русле общего направления развития по аналогии, предполагающего последовательное употребление эргативной конструкции с переходными глаголами, номинативной — с непереходными. Некоторые переходные глаголы, которые раньше употреблялись в номинативной конструкции, в настоящее время требуют эргативного маркирования субъекта. Например, во всех традиционных учебниках хинди глагол *bolnā* ‘говорить’ рекомендуется употреблять в номинативной конструкции, однако в современном разговорном языке, в особенности в языке молодежи, этот глагол, как правило, употребляется с эргативным субъектом.

Последовательная синтаксическая реализация оппозиции транзитивных/интранзитивных глаголов характерна, по мнению Г.А. Климова, для номи-

⁶ Автор выражает благодарность преподавателям и студентам этих университетов, наибольшую помощь в работе мне оказали проф. Прадип Кумар Дас, проф. Анил Кумар Панде и студенты Делийского университета Шубха Шриваастава, Джойоти Шарма, Ниведита Верма и Мааз Шейкх.

нативно строя языков. «В отличие от реализуемого в эргативной системе противопоставления агентивных и фактитивных глаголов, в рамках номинативного строя значительно отчетливее выступает субъектная или объектная интенция глагольных лексем (субъектная у интранзитивных, объектная — у транзитивных) <...> распределение глагольной лексики по признаку транзитивность-интранзитивность системным образом связано с общей ориентацией номинативной языковой структуры на фундаментальные семантические роли субъекта и объекта» [Климов 2009: 105–106]. Стремление современных Западных НИА исключить из языковой структуры любые отклонения от последовательной синтаксической реализации оппозиции «транзитивность/интранзитивность» является еще одним шагом на пути к номинативной системе синтаксического кодирования.

3.2. Отклонение от ролевой ориентации при кодировании актантов

Наиболее важным семантическим критерием отличия номинативной и эргативной системы представляется принцип кодирования актантов. В подлинно эргативных языках при кодировании актантов доминирует ролевая ориентация. Напротив, номинативные языки весьма редко являются последовательно ролевыми: ролевая ориентация существенна для них обычно лишь на уровне глубинной синтаксической структуры, то есть при выборе исходной диатезы [Кибрик 2005: 194–195]⁷.

Так, например, во всех подлинно эргативных языках среднедагестанского стандарта каждой выделяемой в языке семантической роли соответствует свое средство выражения: семантическая роль агента маркируется эргативом или функционально-тождественным ему падежом, семантическая роль фактитива — номинативом, ср. (14) и (15) в цахурском языке:

- (14) *Гаде хъикIи*
 мальчик.NOM умирать.PAST
 ‘Мальчик умер.’ [Кибрик 2005: 206]

- (15) *Гад-ес ичи гееты*
 мальчик-ERG девочка.NOM бить.PAST
 ‘Мальчик побил девочку.’ [Кибрик 2005: 206]

⁷ Существуют и эргативные языки с ослабленной ролевой ориентацией, например, австралийский язык дирбал [Dixon 1972].

В языках СДС эргатив не может кодировать актант, не обладающий основными характеристиками агента (одушевленность, активность, обладание восприятием, способность выступать инициатором события) [Кибрик 2005: 208].

А. Монто попыталась найти общий компонент значения, присутствующий во всех актантах, маркированных в хинди эргативным падежом [Montaut 2004: 186]. На основании того, что в роли главного актанта при двухместном (редко одноместном) предикате могут выступать такие разные семантические роли, как агенс, экспериенцер и (реже) реципиент, А. Монто предложила концепцию иерархического убывания агентивности, характеризующую маркированные эргативным падежом актанты, в частности, последовательность «volition > intention > choice > conscious awareness». Предполагалось, что значение «conscious awareness» должно как минимум присутствовать во всех именах, маркированных эргативным падежом.

Между тем во всех западных НИА возможно эргативное оформление субъекта при глаголах, описывающих процесс, происходящий помимо воли субъекта, ср. раджастхани 18 в.:

(16)	<i>rāṇ-ai</i>	<i>sāŋg-ai</i>	<i>kāl</i>	<i>kīy-o</i>
	раджа-OBL.SG	Санга-OBL.SG	срок.NOM.M.SG	делать-PAST.M.SG
'Раджа Санга умер.' [R.G.1969: 49]				

Эргативный субъект может указывать на инволитивный референт, как в панджаби (17) и соотноситься с абстрактной сущностью, как в хинди (18):

(17)	<i>sārt sarkat</i>	<i>kāran</i>	<i>lagg-i</i>	<i>āg</i>	<i>ne</i>
	короткое_замыкание	по_ причине	возникнуть-PP.F	огонь.F	ERG
	<i>pūr-i</i>	<i>imārat</i>	<i>nūn āpṇ-i</i>	<i>lapeṭ</i>	<i>vicc lai li-ā</i>
полный-F здание.F ACC свой-F круг.F в брать брать-PAST.M.SG 'Огонь, вспыхнувший из-за короткого замыкания, охватил все здание.'					

(18)	<i>nafrat</i>	<i>ne</i>	<i>us-ko</i>	<i>khatam</i>	<i>kar</i>	<i>di(y)-ā</i>
	ненависть	ERG	ОН.OBL-ACC	окончание.M.SG	делать	давать-PAST.M.SG
'Ненависть его уничтожила.'						

В некоторых дагестанских языках «актант с прототипической ролью агента может приобретать особую падежную характеристику, если данный партиципант не контролирует событие и не участвует в нем сознательно» [Кибрик 2005: 208], ср. (19) и (20) в лакском языке:

- (19) *Гвана-л ցւրկу սիկլոնդի*
 он-ERG вор.NOM убивать.PAST
 ‘Он убил вора (сознательно).’ [Кибрик 2005: 208]

- (20) *Гвана-ща ցւրկу սիկլոնդի*
 он-ORIG⁸ вор.NOM убивать.PAST
 ‘Он случайно убил вора.’ [Кибрик 2005: 208]

В западных НИА употребляется конструкция, маркирующая случайное, не зависящее от субъекта и, как правило, нежелательное для него действие. В такой конструкции употребляется непереходный глагол, и субъект маркируется инструментальным падежом, ср. хинди (21) и (22):

- (21) *rām ne pyāl-ā tor di(y)-ā*
 Рам ERG чашка-М.NOM.SG разбивать давать-PAST.M.SG
 ‘Рам разбил чашку (нарочно).’

- (22) *rām se pyāl-ā tūt ga(y)-ā*
 Рам INSTR чашка-М.NOM.SG разбиваться идти-PAST.M.SG
 ‘Рам нечаянно разбил чашку.’

Конструкция (22) маркирована по признаку «инволитивное действие», в то время как переходные глаголы в западных НИА строят эргативную конструкцию независимо от волитивности-инволитивности действия и типа референта (см. (16)–(18) выше).

В дагестанских языках предикаты со значением чувственного восприятия, то есть с актантами экспериенцер и стимул=фактитив имеют специальное падежное оформление экспериенцера (аффективная конструкция), при этом экспериенцер маркируется отлично от агента, ср. (15) и (23) в цахурском языке:

- (23) *Гаде-йеле ичи ցъайжы*
 мальчик-LOC девочка.NOM видеть.PAST
 ‘Мальчик увидел девочку.’ [Кибрик 2005: 206]

В западных НИА, как и в номинативных языках, экспериенцер маркируется так же, как агент, ср. (24) в хинди:

- (24) *dūrī par us-ne ek śahar dekh-ā*
 дальность на он.OBL-ERG один город.M.SG видеть-PAST.M.SG
 ‘Вдалеке он увидел город.’

⁸ В оригинале «исходный падеж».

В хинди, как и в русском, возможно также дативное маркирование экспериенцера:

- (25) *dūrī par mujhe pahār dikhāī di(y)-e*
 дальность на я.DAT гора.SG=PL появление давать-PAST.M.PL
 ‘Вдалеке (мне) показались горы.’

Во всех западных НИА существует пассивная диатеза, имплицирующая различное кодирование агента в активной и пассивной конструкции, ср. панджаби (26) и (27):

- (26) *mahārājā raṇjīt singh ne śām singh nūn ih jagīr*
 махараджа Ранджит Сингх ERG Шам Сингх DAT этот джагир
di-t-ī s-ī
 давать-PP-F быть-PAST.SG
 ‘Махараджа Ранджит Сингх даровал этот джагир Шам Сингху.’

- (27) *ih jagīr mahārājā raṇjīt singh valoⁿ śām singh nūn*
 этот джагир.F махараджа Ранджит Сингх ABL Шам Сингх DAT
di-t-ī ga-ī s-ī
 давать-PP-F идти-PP.F быть-PAST.SG
 ‘Этот джагир был дарован Шам Сингху махараджей Ранджитом Сингхом.’ [Puar 1990: 62].

В эргативных языках отсутствуют залоговые преобразования, которые призваны изменять синтаксические характеристики актантов при сохранении состава семантических ролей. [Кибрик 2005: 208].

3.3. Актантная деривация предикатов

Семантическая деривация предиката сближает западные НИА с номинативными, но не с эргативными языками. В языках СДС есть группа лабильных глаголов, которые могут иметь или не иметь при себе актант с семантической ролью агента, например, (28) и (29) в арчинском языке:

- (28) *Бува-му варти абкъIy*
 мать-ERG тарелка.NOM бить(ся).PAST
 ‘Мать разбила тарелку.’ [Кибрик 2005: 209]

- (29) *варти абкъIy*
 тарелка.NOM бить(ся).PAST
 ‘Тарелка разбилась.’ [Кибрик 2005: 209]

В западных НИА немногочисленные лабильные глаголы обычно употребляются в сочетании с легкими глаголами, снимающими грамматическую омонимию, ср. употребление лабильного глагол *badalnā* ‘менять(ся)’ в хинди (30) и (31):

- (30) *us-pe apn-i yojnā-eⁿ badal d-iⁿ*
 он.OBL-ERG свой-F план-F.PL менять(ся) давать-PAST.F.PL
 ‘Он изменил свои планы.’

- (31) *us-k-i yojnā-eⁿ badal ga-iⁿ*
 он.OBL-GEN-F план-F.PL менять(ся) идти-PAST.F.PL
 ‘Его планы изменились.’

Для языков СДС нехарактерно образование каузативов от агентивных предикатов, так как производный глагол будет иметь при себе два агенса в эргативе, несмотря на их различные роли в ситуации. В тех языках СДС, где существует каузация агентивных предикатов, она может использоваться для изменения прототипической семантической роли одного из актантов предиката, ср. (32) и (33) в тиндинском языке:

- (32) *Oйав ди-Чиу вито*
 он.NOM я-LOC проиграть.PAST
 ‘Он мне проиграл.’ [Кибрик 2005: 211]

- (33) *Ди ойав вит-ало*
 я.ERG он.NOM проиграть-CAUS.PAST
 ‘Я у него выиграл.’ [Кибрик 2005: 211]

Для всех западных НИА характерна развитая система образования каузативов от агентивных предикатов, каузатор маркируется эргативом, медиатор — инструменталисом в хинди (34), ablativom в панджаби (35), локативом в гуджарати (36).

- (34) *rājā ne naukar se mehmān-oⁿ ko śarbat pil-vā(y)-ā*
 раджа ERG слуга INSTR гость-M.OBL.PL ACC шербет.M.SG
 поить-CAUS-PAST.M.SG
 ‘Раджа велел слуге напоить гостей шербетом.’

- (35) *rām ne lok-āⁿ koloⁿ āpñ-īāⁿ gall-āⁿ man-vā-īāⁿ*
 Рам ERG люди-PL.OBL ABL свой-F.PL слово-F.PL признать-CAUS-PAST.F.PL
 ‘Рам заставил людей принять его доводы.’

- (36) *rājā-e śikārī pāse hāthī ne mar-āv(y)-o*
 Раджа-INSTR охотник возле слон ACC убивать-CAUS-PAST.M.SG
 ‘Раджа велел охотнику убить слона.’

4. Заключение

Итак, в ходе эволюции от сложившегося в апабхрамша эргативного к номинативному типу синтаксического кодирования западные НИА демонстрируют многочисленные отклонения от эргативной модели не только в маркировании синтаксических примитивов, но и в грамматической семантике эргативных конструкций. В отличие от реализуемого в эргативной системе противопоставления агентивных и фактитивных глаголов, в западных НИА последовательно проявляется оппозиция транзитивных/интранзитивных предикатов. Западные НИА не следуют свойственному эталонным эргативным языкам принципу оформления актантов «одна роль — один падеж», исключающему наличие нескольких диатез у одного предиката. Отсутствовавшая на ранних стадиях развития эргативности пассивная диатеза в настоящее время присутствует в структуре всех Западных НИА. В отличие от подлинно эргативных языков, в западных НИА эргативным падежом оформляется субъект при любом переходном глаголе, в том числе субъект при глаголах, выражающих инволитивное действие. Семантическая деривация предиката также сближает западные НИА с номинативными, но не эргативными языками. Более глубокое изучение семантики эргативных построений, которой в настоящее время посвящено сравнительно немного исследований, позволит найти дополнительные критерии для построения иерархии эргативных признаков в различных языках с расщепленной эргативностью.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агенс двухместного глагола; ABL — ablative; ACC — accusative; CAUS — causative; CV — converb; DAT — dative; ERG — ergative; F — женский род; INSTR — instrumentalis; LOC — местный падеж; M — мужской род; NEG — negative partitive; NEUT — средний род; NOM — nominative; O — пациенс двухместного глагола; OBL — косвенный падеж; ORIG — исходный падеж; PAST — прошедшее время; PL — множественное число; PP — perfective participle; PRES — настоящее время; S — единственний актант одноместного предиката; SG — единственное число.

Список источников / References

- Бокарев 1948 — Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей // Язык и мышление 1948. № XI. С 56–67. [Bokarev E.A. Locative and non-locative meanings of local cases. *Yazyk i myshleniye* № XI. Pp 56–67].
- Елизаренкова 1967 — Елизаренкова Т.Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках. // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. М.: Наука, 1967. С. 116–125 [Yelizarenkova T. Y. Ergative construction in new Indo-Aryan languages. M.: Nauka. 1967. Pp 116–125].
- Жирков Л.И. Лакский язык, М.: Академия Наук СССР, 1955. [Zhirkov L.I. Lakskii yazyk [The Lak language]. M.: Akademiya Nauk SSSR, 1955].
- Кибрик 2005 — Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания. М.: Комкнига, 2005. [Kibrik A.E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya [Essays on general and applied issues of linguistics]. M.: Komkniga, 2005].
- Климов 2009 — Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. [Klimov G.A. Printsipy kontensivnoi tipologii [Principles of contensive typology]. M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2009].
- Курбанов 1957 — Курбанов А.И. Эргативный падеж и его функции в цахурском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. М.: Наука, 1957. [Kurbanov A.I. Ergative case and its functions in the Tsakhur language. Ergative construction in languages of different types. M.: Nauka, 1957].
- Савельева 1965 — Савельева Л.В. Язык гуджарати. М.: Наука, 1965. [Savel'eva L.V. Yazyk gudzharati [Gujarati language]. M.: Nauka, 1965].
- Хохлова 2023 — Хохлова Л.В. Следы синтаксической эргативности в истории западных индоарийских языков. Вестник МГУ, серия 13. Востоковедение. 2023, Т. 67, № 2. С. 119–130. [Khokhlova L.V. Traces of syntactic ergativity in the history of Western Indo-Aryan languages. Papers of Moscow State University (Vestnik MGU) 2023, series 13, Oriental studies, vol. 67, № 2. Pp. 119–130.]
- Хохлова 2007 — Хохлова Л.В. Синтаксическая эволюция западных новоиндийских языков в 15–20 вв. // Смирнов И.С. (ред). *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XI. Аспекты компаративистики.* М.: РГГУ, Институт Восточных культур и античности. С. 151–186. [Khokhlova L.V. Syntactic evolution of Western New Indian languages in the 15th–20th centuries // Smirnov I.S. (ed.). *Orientalia et Classica: Proceedings of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity*, 2007, issue XI, Aspects of comparative studies 2, M.: Russian University for the Humanities, Institute of Oriental Cultures and Antiquity. Pp. 151–186.]
- Anderson 1977 — Anderson S.R. On mechanisms by which languages become ergative. Li C.N. (ed.). *Mechanisms of Syntactic Change* Austin, University of Texas Press, Pp. 317–363.
- Bloch 1965 — Bloch J. 1965. Indo-Aryan. Paris: Maisonneuve, 1965.
- Bubenik 1996 — Bubenik V.A. *The structure and development of Middle Indo-Aryan dialects.* Delhi: Motilal BanarsiDass, 1996.
- Bubenik 1998 — Bubenik, V. A historical syntax of Late Middle Indo-Aryan (Apabhramsha). Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1998.
- Butt 2001 — Butt M. A reexamination of the accusative to ergative shift in Indo-Aryan. Butt M., King T.H. (eds.). *Time over Matter: Diachronic Perspectives on Morphosyntax.* Stanford, California, CSLI Publications, 2001. Pp.105–141.
- Chung 1978 — Chung S. Case marking and grammatical relations in Polynesian. Austin: University of Texas press, 1978.

- Clark 1973 — Clark R. Transitivity and case in eastern Oceanic languages. *Oceanic Linguistics* №12, 1973. Pp. 559–605.
- Clark 1976 — Clark R. Aspects of proto-Polynesian syntax (Te Reo Monographs). Auckland: Linguistic Society of New Zealand, 1976.
- Comrie 1979 — Comrie B. Some remarks on ergativity in South Asian languages. *South Asian Language Analysis* 1, South Asian Languages Analysis group (SALA), Department of Linguistics, University of Illinois at Urbana-Champaign, 1979.
- Derbyshire 1991 — Derbyshire D.C. Are Cariban languages moving away from or towards ergative systems? *Work Papers of the Summer Institute of Linguistics*, University of North Dakota Session: Vol. 35, 1991, Article 6. Pp. 1–30, available at: <https://commons.und.edu/sil-work-papers/vol35/iss1/6>
- Dixon 1994 — Dixon R.M.W. Ergativity. Cambridge University Press, 1994.
- Dixon 1972 — Dixon R.M.W. *The Dyirbal language of the North Queensland*. Cambridge, Cambridge University press, 1972.
- Franchetto 1990 — Franchetto B. Ergativity and nominativity in Kuikuro and other Carib languages. Payne D. (ed.). *Amazonian linguistics. Studies in lowland South American languages*. Austin, University of Texas Press, 1990. Pp. 407–428.
- Gildea 1992 — Gildea S. On reconstructing grammar: Comparative Cariban morphosyntax. *Oxford Studies in Anthropological Linguistics*. Oxford University press, 1992.
- Hohepa 1969 — Hohepa, P.W. The accusative-to-ergative drift in Polynesian languages. *JPS* 78, 1969, Pp. 297–329.
- Montaut 2004 — Montaut A. *A Grammar of Hindi*. Lincom Europa, 2004.
- Noorlander 2020 — Noorlander P.M. Ergativity and other alignment types in Neo-Aramaic. *Studies in Semitic Languages and Linguistics*, Vol.103, Leiden/Boston: Brill, 2020.
- Payne 1980 — Payne J. The decay of ergativity in Pamir languages. *Lingua* 51, 1980. Pp. 147–186.
- Pireiko 1979 — Pireiko L.A. On the genesis of the ergative construction in Indo-Iranian. Plank F. (ed.). *Ergativity: towards a theory of grammatical relations*. London: Academic press, 1979.
- Khokhlova 2001 — Khokhlova L.V. Ergativity attrition in the history of Western New Indo-Aryan languages (Hindi/Urdu, Punjabi, Gujarati and Rajasthani). *The Yearbook of South Asian Languages and Linguistics* 2001. Tokyo Symposium on South Asian Languages. Contact, Convergence and Typology, New Delhi-London. Sage Publications.
- Khokhlova 2016 — Khokhlova L. Ergative alignment in Western New Indo-Aryan languages from a historical perspective. *Indo-Aryan Ergativity in Typological and Diachronic Perspective*, *Typological Studies in Language* 112, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, 2016. Pp. 165–200.
- Klaiman 1978 — Klaiman M.H. Arguments against a Passive Origin of the IA Ergative. *Papers from the 14th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1978. Pp. 204–216.
- Klaiman 1987 — Klaiman M.H. Mechanisms of ergativity in South Asia. *Lingua* 71, 1987. Pp. 61–102.
- Masica 1991 — Masica C. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Peterson 1998 — Peterson J.M. Grammatical relations in Pali and the emergence of ergativity in Indo-Aryan. *Lincom Studies in Indo-European Linguistics*. Munchen: Lincom Europa, 1998.
- Puar 1990 — Puar J.S. *The Panjabi verb. Form and function*. Patiala: Panjab University Publication Bureau, 1990.
- RG 1969 — Rajasthani Gadya: Vikas aur Prakash. Narendra Bhanavat (ed.). Agra: Shriram Mehta and Company, 1969.

- Pray 1976 — Pray B. From passive to ergative in Indo-Aryan. Verma M.K. (ed.). *The notion subject in South Asian languages*. Madison: University of Wisconsin, 1976. Pp. 195–211.
- Stroński 2011 — Stroński K. *Synchronic and diachronic aspects of ergativity in Indo-Aryan*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe, 2011.
- Stump 1983 — Stump G.T. *The Elimination of ergative patterns of case marking and verbal agreement in Modern Indic languages*. Ohio State University Working Papers in Linguistics 27, 1983. Pp.140–164.
- Trask 1979 — Trask L.R. *On the origin of ergativity*. Plank F. (ed.). *Ergativity. Towards a theory of grammatical relations*. London: Academic press, 1979.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was received on 27.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Людмила Викторовна Хохлова

кандидат филологических наук; МГУ имени М.В. Ломоносова

Liudmila Khokhlova

Ph.D.; Lomonosov Moscow State University

khokhl@iaas.msu.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.90.51.006

А-ЗАВИСИМОСТИ И ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ ПОДЪЕМА^{*}

A.B. Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /
Институт языкоznания РАН

Аннотация: В первой части статьи обсуждаются понятия подъема аргумента и А-зависимости и показывается, что лицензирование падежа в главной клаузе не является ни необходимой предпосылкой подъема аргумента, ни его главной структурной мотивацией. Существуют языки с конструкциями подъема, где падеж лицензируется в зависимой клаузе. Подъем аргумента из финитной зависимой клаузы широко распространен за пределами языков Среднеевропейского Стандарта и встречается в некоторых языках Европы. Во второй части статьи предлагается параметризация шести языков Европы, где были ранее выделены конструкции подъема. Показывается, что эти языки не представляют единый тип по большинству параметров: некоторые из них, включая английский язык, преимущественно кодируют противопоставление контроля и подъема лексическими средствами, в то время как другие языки, включая русский и датский, грамматикализовали продуктивные конструкции подъема, содержащие особые морфосинтаксические маркеры в виде специализированных падежных или залоговых форм.

Ключевые слова: подъем, контроль, А-зависимости, параметризация, германские языки, славянские языки

Для цитирования: Циммерлинг А.В. А-зависимости и параметризация конструкций подъема // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 2. С. 139–177. (На английском.)
doi:10.37632/PI.2025.90.51.006

* Статья написана при поддержке Российского Научного Фонда, проект РНФ 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемый в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. Я благодарю анонимных рецензентов за ценные замечания и Е.А. Лютикову, Е.Ю. Иванову, Хельге Лёдрупа, Бъярне Эрснеса, Тияну Балек, А.Н. Матрушову, И.И. Челышеву и Диего Лейте де Оливейра за консультацию. Ответственность за все ошибки лежит на авторе.

A-DEPENDENCIES AND THE PARAMETRIZATION OF RAISING CONSTRUCTIONS*

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics RAS

Abstract: In the first part of my paper, I render the notions of argument raising and A-dependencies and show that case licensing in the upper clause is neither a necessary precondition of raising nor its universal trigger. There are languages with raising constructions, where case is licensed in the complement clause. Hyperraising, i.e. raising out of embedded complement clauses is widespread outside the languages of the Standard Average European type and is attested in some European languages including Bulgarian. In the second part of the paper, I offer a parametrization of six European languages with raising constructions and show that these languages are not uniform: some of them including English primarily encode the control versus raising distinction lexically, while other including Russian and Danish are mixed raising languages that developed productive raising constructions with added morphosyntactic markers.

Keywords: raising, control, A-dependencies, parametrization, Germanic languages, Slavic languages

For citation: Zimmerling A. A-dependencies and the parametrization of raising constructions. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 2. Pp. 139–177. doi:10.37632/PI.2025.90.51.006

1. Raising and its triggers

1.1. Raising and A-dependencies

Argument raising has been identified as a rule or principle of English and general grammar on the basis of sentences like *John seems to be a scoundrel* ~ *It seems that John is a scoundrel*, where the syntactic argument of the matrix verb is not its semantic (in other terms — thematic) argument, hence the hypothesis

* This paper has been written with support from the Russian Science Foundation, research project RSCI 25-18-00222 “Control and raising in the languages of Eurasia” realized at Pushkin State Russian Language Institute. I am indebted to the anonymous reviewers for the valuable comments and to Ekaterina Lyutikova, Elena Ivanova, Helge Lødrup, Bjarne Ørsnes, Tijana Balek, Alexandra Matrusova, Irina Chelysheva, and Diego Leite de Oliveira for the consultation. All disclaimers follow.

that this argument is taken from the embedded clause, i.e. ‘raised’ into the matrix clause [Postal 1970; 1974]. The raising metaphor explores the intuition that cross-clausal transfers promote the argument in the syntactic hierarchy. Later on, [Polinsky, Potsdam 2006; Potsdam, Polinsky 2012] assumed that cross-clausal dependencies involve a form-copy mechanism, when either the higher copy is pronounced in the matrix clause (forward raising) or the low copy is pronounced in the embedded clause, while the matrix clause contains a silent representation of the raised argument. The latter option has been dubbed ‘backward raising’. The backward raising analysis has been proposed for some language-specific constructions in a number of the world’s languages including Adyghe and Arabic [Haddad 2012], but the constructions in question can also be explained differently, cf. the discussion of Adyghe data in [Testelets 2009].

In the following, I leave out the challenge with verifying the existence of backward raising and focus on standard forward raising, i.e. argument promotion in Argument-dependencies (hence — *A-dependencies*), when the raised argument is spelled-out in the matrix clause. A-dependencies across clausal boundaries include raising and *control* (in earlier versions — *equi deletion*) of overt subjects in parts of a poly predicate structure [Rosenbaum 1967], cf. sentences like *John_i wanted [PRO_i to sell the house]*, where the zero subject of the infinitive clause (PRO) is coreferential with the matrix subject. The control terminology implies that equi deletion of clausal subjects is triggered by some clause-external argument. In the configuration of forward subject or object control, the controller is located in the matrix clause, and the argument shared by both clauses is interpreted as a matrix clause element. In the configuration of backward control postulated in [Polinsky, Potsdam 2002], the controller is located in the embedded clause. Raising sentences lack controllers and PRO, as PRO is defined as a controlled empty category [Landau 2008; 2025; Lyutikova 2024b; 2025: 106], cf. [Krapova 2025: 13], while the shared argument originally belongs to the complement clause.

The notions of control and raising were first introduced within the early versions of the generative frameworks calling the formalism of constituency trees (Chomsky’s Extended Standard Theory) but can be modeled in the competing frameworks that do not stick to the notion of clause, e.g. Lexical Functional Grammar [Bresnan 1982; 2001], cf. also the rendering of argument raising in the dependency formalism of the Meaning-Text Theory [Mel’čuk 2025: 164]. For an overview of A-dependencies see [Wurmbrand 2019].

1.2. Lexical versus mixed raising

The default hypothesis shared by most theorists from different camps is that control and raising constructions are licensed by different groups of matrix verbs, cf. [Davis, Dubinsky 2004; Abeille 2021; Vincent 2023]. This intuition underlies the descriptions, whose authors implement semi-formal tags like ‘raising verbs’, ‘forward control verbs’, ‘backward control verbs’, ‘strict control verbs’, ‘quasi control verbs’, cf. [Osenova 2022: 73]¹, ‘partial control verbs’, cf. [Bondaruk 2010: 90]², etc. referring to some lists of lexical items. At the same time, some languages develop special predicate constructions with raising characteristics. E.g., Modern Russian makes use of two productive dative sentences patterns, where the dative arguments originate in the embedded infinitival clauses — root dative-infinitive structures (DIS) expressing external necessity, cf. *mne_{DAT} ne_{NEG} vyjti_{INF.PFV} otsjuda* ‘It is not in the cards for me to get out from here’ or contingency, cf. *mne_{DAT} esčo ne_{NEG} vyhodit’_{INF.IPFV}* ‘It is not yet my turn to get out’ [Mitrenina 2017; Zimmerling 2022; 2025a] and modal existentials with syntactic idioms consisting of *wh*-words merged with the general negation, cf. *mne_{DAT} negde_{NEG-WH} spat’_{INF}* ‘I have no place to sleep’, lit. ‘nowhere to sleep for me’ [Apresjan, Iomdin 1989; Zimmerling 2024]. These two classes of infinitive sentences exhibit raising diagnostics based on such tests as preservation of idiom chunks, passivization of the embedded predicate and availability of the narrow scope reading [Zimmerling 2025a: 42]³. The same tests give positive results for lexical raising / restructuring constructions with modal and phasal verbs [Lyutikova 2022a: 32], but while these classes are strictly limited and contain few items, the dative patterns, especially root dative-infinitive structures, are productive in Russian.

¹ Osenova applies this tag to those Bulgarian verbs that both license same-subject and different-subject complement *da*-clauses.

² Bondaruk applies this tag to those Polish and Irish verbs that license sentences, where the reference of PRO covers the reference of its antecedent but is not identical with it. Exhaustive control excludes this kind of mismatch per definition. The distinction of exhaustive versus partial control goes back to [Landau 2008].

³ Let us show the narrow scope diagnostics for Russian DIS sentences like $\nearrow Vsem \ tut \ ne \ [\searrow vyjti]$, which under the default reading have the focal accent on the infinitive *vyjti* ‘go out’ and the topic accent on the dative quantifier $\nearrow vsem$ ‘to everybody’. The expressed meaning is then ‘It is not true that everyone can get out from here’ = ‘someone won’t be able to get out’ ($\forall > NEG$). The inverse scope ($NEG > \forall$) arises under the marked reading with the focal accent on the dative quantifier: $\searrow \searrow Vsem \ tut \ ne \ [vyjti]$ ‘No one will get out’ = ‘It is not true that anyone will get out’.

Mainland Scandinavian languages developed a biclausal *s*-passive construction labeled ‘reported passive’ or ‘raising passive’ [Ørsnes 2006; 2013; Lødrup 2008a; 2008b; 2014; 2022; Engdahl 2022]. The *s*-suffix is a mediopassive morpheme reanalyzed as raising marker when attached to speech, putative and even factive verbs, sporadically also to phasal and modal verbs [Julien, Lødrup 2013]. The reported passive construction is especially characteristic of Danish, which has a large class of morphologically mediopassive verbs like *mene-s_{REFL}* ‘be meant’, *tænke-s_{REFL}* ‘be thought’, *sige-s_{REFL}* ‘be said’. They take infinitival complements, passivize them and raise the infinitival arguments into the matrix clause, while the corresponding active verbs without *-s* do not take infinitival complements at all [Ørsnes 2006; 2013]. Thus, Danish has a potentially open class of derived subject raising verbs, or, in traditional terms, Nominativus cum Infinitivo (NCI) predicates, but almost no object raising verbs (in traditional terms, Accusativus cum Infinitivo (ACI) predicates).

Russian and Polish use special morphological cues for encoding the nominal⁴ predicate (nouns, adjectives and participles) in small clause constructions — the predicative instrumental case (hence — PRED_{INSTR}). While it cannot be claimed that PRED_{INSTR} is only triggered by raising — there is also a class of control predicates assigning it, which is shown for Polish in [Przepiórkowski, Rosen 2005] — there is a class of sentences, where PRED_{INSTR} is licensed by the raised small clause subjects, cf. [Lyutikova 2022b; Zimmerling 2025b] for Russian⁵. Along similar lines, biclausal *s*-passives are also attested in Danish, Swedish and Norwegian with some matrix clause control verbs, cf. Da. *forsøge* ‘try’, ‘attempt’, and Sw. *begäre* ‘request’ [Engdahl 2022]. Despite it, the conditions of

⁴ Russian and Polish apparently do not license PRED_{INSTR} on pronouns, cf. (i) and (ii):

Russian

- (i) Vor *okaza-l-sja* [_{SC}[_{NP} *nek-im*] *Ivan-om* *Petrov-ym*].
 thief turn.out-PST.SG-REFL some-INSTR.SG.M Ivan-INSTR.SG.M Petrov-INSTR.SG.M
 ‘The thief turned out to be a certain Ivan Petrov.’
- (ii)*Vor *okaza-l-sja* [_{SC} *imeno* *im*].
 thief turn.out-PST.SG-REFL exactly he.INSTR.SG
 Int.: ‘The thief turned out to be exactly him.’

⁵ A plausible analysis of the Russian data, as an anonymous reviewer suggests is to assume that PRED_{INSTR} is not licensed by the matrix clause verbs directly but via an intervening functional head PRED above the VP [Lyutikova 2024b]. I take this point and hypothesize that a similar account can be proposed for the Scandinavian *s*-passive, albeit with a different functional head, e.g. Voice.

licensing the Slavic PRED_{INSTR} and the Mainland Scandinavian mediopassive s-morpheme in raising constructions nevertheless give the ground to identify them as special morphosyntactic cues marking the raising derivation in the corresponding classes of Slavic and Scandinavian sentences. The presence of the purported ‘raising morphemes’ can be used for the parametrization of raising languages. If such morphemes are available or the class of special raising constructions is productive, while the number of verbs specified as raising predicates in the lexicon is small, I classify language *L* as a *mixed raising language* otherwise it is classified as a *lexical raising language*. Below in section 4, I test this parameter on the sample of six European languages with raising and show that their characteristics differ.

1.3. Raising verbs and sentential complements

The verbs like Eng. *seem* or *consider* are raising predicates par excellence since they have just one internal argument — the proposition itself. It can be realized in a number of ways within one and the same language, e.g. by a finite *vs* a non-finite clause as in English or by a finite *vs* small clause as in Russian or Bulgarian.

- (1) Russian (Indo-European > East Slavic)

a. *Vas-ja*^{TOP} *sčitaet-sja* [_{SC}èkspert-om] *po* *sintaksis-u*].
 Vasja-NOM.SG[M] count.INF-REFL expert-INSTR.SG.M on syntax-DAT.SG.M

b. *Sčitaet-sja*, [_{CP}čto *Vas-ja*^{TOP} Ø èkspert-Ø
 count.INF-REFL COMP Vasja-NOM.SG[M] be.PRES expert-NOM.SG.M

po *sintaksis-u*].
 on syntax-DAT.SG.M

‘Vasja is considered an expert in syntax.’ {a = b}

1.4. Communicative status and Differential Argument Marking

The coexistence of pairs like (1a–b) prompts the question on the motivation of raising. The optionality of raising is apparently captured by the insight that despite the DP *Vasja* taking an A-position, notably the clausal subject position both in (1a) and (1b), it also gets a topical feature in the course of derivation, cf. the state-of-the art observations in [Serdobolskaya 2008: 261-262]. Communicative (information-structural) mechanisms are optional in the sense that well-formed syntactic structures normally do not require that some dedicated

communicative status is assigned to subjects, objects or parts of the predicate⁶. However, the DP *Vasja* is topical both in (1a) and (1b) under the default reading. Moreover, there is just one topical argument *Vasja* shared by the upper and lower clause in (1a–b). It is therefore unclear, why main clause topics should have a priority over subordinate clause topics provided that there are no other topical arguments competing with them in either clause⁷. Likewise, passive objects are frequently topical across the world's languages, but topicalization is neither the only one nor the main trigger of the European-type passive construction.

In some cases the variants with and without raising have different communicative values. Some varieties of Serbian (Indo-European>South Slavic) replaced complement infinitives with finite *da*-clause, notably in contexts with overt matrix subjects⁸. In Balkan Slavic *da*-clauses, normally only nominative subjects can be extraposed and placed to the left from the subordinator particle *da* [Krapova 2025: 16]⁹. In Serbian, the meaning ‘must’ is expressed by the pair of verbal lexemes *treba*₁ and *treba*₂ associated with different inflectional para-

⁶ Exceptions are attested or at least postulated for some world's languages. The idea underlying most proposals is that in some languages, topicalization goes parallel with argument promotion and triggers a shift in syntactic structure. Erlewine (2025) claims that Atayalic nominative subjects always exhibit topic properties but are morphologically reduced compared to non-nominative case-marked nominals. He proposes a model of Austronesian voice alternation, where subject promotion involves structure removal of an argument's K layer. A similar approach exploiting the nominative vs non-nominative asymmetry has been outlined by Zimmerling [2021: 407], who argues that most types of non-canonic subjects in Russian get a fixed communicative status in the course of derivation: raised sentential subjects and the expletive pronoun *eto* must be topical.

⁷ One can construe raising sentences with the second frame-setting topic, cf. (i), but the variant (ii) without raising with each clause having its own topic sounds artificial.

(i) {*V našem otdele*}^{TOP} *Vasju*^{TOP} *sčitajut* [_{SC} *èkspertom po sintaksisu*].

(ii) {*V našem otdele*}^{TOP} *sčitajut* [_{CP} *čto Vasja*^{TOP} — *èkspert po sintaksisu*].

‘People from our department consider Vasja [an expert in syntax].’ {i = ii}

⁸ In the Serbian idioms referred to, the complement infinitives like Croat. *Marko*_{NOM} *treba* [_{InfP} (*ot*)*putovati*_{INF}] ‘Marko must leave’ are generally replaced by finite *da*-clauses like Srb. *Marko*_{NOM} *treba* [_{DAP} *da* (*ot*)*putuje*_{PRES.3SG}]. The SRWAC corpus shows 2 hits with *treba oputovati* against 20 hits with *treba da oputuje*. In generic sentences without overt subjects, the infinitive remains an option, cf. Srb. \emptyset *Treba* [_{InfP} *govoriti*_{INF} *istinu*_{ACC}] ‘one must tell the truth’. I am grateful to Tijana Balek (p.c.) for the provided data and consultation.

⁹ Non-subject arguments of Balkan Slavic *da*-clauses can optionally be fronted, if they get a focal or contrastive accent, cf. [Ivanova 2022: 95–96] for Bulgarian.

digms. *Treba*₁ selects nominative subjects and displays person-and-number agreement with the nominative DP, while *treba*₂ is an impersonal verb lacking agreement morphology. The normative grammars prescribe the orders $DP_{NOM} treba_1 [da v_2]$ with *treba*₁ but $treba_2 [da DP_{NOM} v_2]$ with *treba*₂. However, colloquial Serbian also has the construction $DP_{NOM} treba_2 [da v_2]$, where the nominative DP can only be the subject of the embedded verb, since *treba*₂ lacks its own nominative argument [Tanasić 1995]. In other words, this construction exemplifies subject raising out of a finite *da*-clause, which is unusual for Standard Average European (SAE) languages but not typologically uncommon [Lohnninger et. al. 2022; Greeson, Sundaresan 2025]. The purists frown on sentences like (2a) and recommend the variant (2b), where the DP_{NOM} remains in the embedded *da*-clause. However, for many speakers this is not an option, since the sentence (2b) is contrastive with the focus of contrast on *Marko*, while (2a) shows the unmarked communicative structure with a fronted topical subject¹⁰.

- (2) Serbian (Tijana Balek, p.c.)

 - a. $\text{Mark-o}^{\text{TOP}}_1 \quad \text{treba}_2 \quad [_{\text{DaP}} \quad da _\text{i} \quad o\text{tpu}tu\text{-j-e}]$.
 Mark-NOM.SG must COMP leave.PRES-THEM-3SG
 ‘Marko must leave.’
 - b. $\text{Treba}_2 \quad [_{\text{DaP}} \quad da \quad \text{Mark-o}^{\text{FOC}} \quad o\text{tpu}tu\text{-j-e}] \quad (ne \quad \text{Milan})$.
 must COMP Mark-NOM.SG leave.PRES-THEM-3SG NEG Milan.NOM.SG
 ‘It is Marko who must leave, (and not Milan).’

The pair (2a–b) shows a mismatch between derived syntax and basic communicative structure with the topical subject. The option (2b) with the nominative subject in the embedded clause has base-generation syntax but does not fit the Topical Subject filter. Therefore, the subject must raise, which gives the variant (2a). The outlined scenario cannot serve as a universal motivation of raising, but Serbian data hints that the variants with raising might have some pragmatic priority over the base-generation variants, otherwise it is difficult to grasp, why the world's languages exhibit a costly and redundant reordering mechanism.

¹⁰ In this paper, I assume an agnostic view on Balkan Slavic *da*-clauses and tag them as DaP without committing to any specific analysis of this type of clauses. Along the same line, I tag the infinitival clauses as InfP without specifying the volume of these complements (IP, TP or CP). In Bulgarian, the particle *da* is normally preverbal and clitic-like. I conventionally gloss it as COMP, despite theoretical concerns that its syntax is different [Krapova 2025: 16]. The same agnostic gloss is used for the Scandinavian infinitive marker *at/å*.

In some languages, raising is fed by Differential Argument Marking (DAM), i.e. the mechanism of assigning different morphological case depending on information-structural or referential properties of the argument [Aissen 2003; Lyutikova et. al. 2016]. In Tuvanian (Altaic > Turkic) and in Turkic languages in general, the accusative tends to be used with definite and/or topical NPs while other NPs tend to be unmarked and stand in the nominative case [Serdobolskaya 2008: 252]. The exact DAM triggers must be checked for each language on a separate basis. The DAM perspective rather captures the possibility of raising with arguments of a certain type than the contrast between the variants with and without raising derivation.

1.5. Case licensing

A more popular explanation of raising triggers is based on case licensing. It has been argued that in SAE languages and languages with similar morphosyntax case is normally not licensed in non-finite complement clauses lacking the T(ense) feature. Therefore, the DP must undergo raising to the matrix clause to get its (syntactic) case licensed. This model applies both to languages like English, French, Danish, or Bulgarian, where only pronouns have morphological case and to languages with rich case systems like Polish or Russian, which have a special case form, PRED_{INSTR}, reserved for the predicative complements [Patejuk, Przepiórkowski 2014; Lyutikova 2022b]. In Russian, PRED_{INSTR} is licensed by clausal subjects in the presence of an overt verbal head expressing the T feature [Bailyn 2012: 194]. Zero present tense forms of the BE-copula do not assign PRED_{INSTR} in Russian, cf. the ill-formedness of (3a), though they do not block the nominative case, cf. (3b).

(3) Russian

- a. *Vasja-∅ ∅^{BE.PRES} èkspert-om po sintaksis-u.
 Vasja-NOM.SG.M be.PRES expert-INSTR.SG.M on syntax-DAT.SG.M
 Int.: ‘Vasja is (like) an expert in syntax.’

- b. Vasja-∅ ∅^{BE.PRES} èkspert-∅ po sintaksis-u.
 Vasja-NOM.SG.M be.PRES expert-NOM.SG.M on syntax-DAT.SG.M
 ‘Vasja is an expert in syntax.’

Since small clauses lack verbal elements with the T feature, the association with the matrix clause is crucial for the assignment and licensing of PRED_{INSTR}. This association can be realized in a number of ways depending on the type of

the matrix verb (control versus raising predicate) and the external position (subject, object, or adjunct) taken by the small clause [Lyutikova 2022b: 64]. With true raising verbs like *sčitat'* ‘consider’, *sčitat'sja* ‘be considered’, which lack non-sentential complements altogether, the only option available is raising into an A-position, cf. (1a).

2. Cross-linguistic variation

The outlined mainstream approach to case licensing and raising is not compelling. For space limitations, I leave out the issues with modeling finiteness/infinity as a continuum [Kalinina, Sumbatova 2007] and assume that the contrast of finite vs infinite clauses is displayed by any language with polypredicate structures irrespective of the fact whether the forms identified as finite in the descriptions of this language actually originate from participles, gerunds, adjectives, etc.¹¹

2.1. Role-encoding languages

The main challenge comes from languages, where case is licensed in the complement clauses as in ergative Northeast Caucasian languages. According to Alexander Kibrik’s Relational Typology, these languages directly encode semantic roles and hyperroles such as Agent, Patent, Actor, Undergoer, Benefactor, Absolutive, etc. by morphological cues (case and agreement), so that the syntax of subject- predicate and subject – object relations is expected to be radically simplified, and there should not be any mismatch between semantic and syntactic arguments [Kibrik 1997; 2003: 130–131]. For the recent versions of the role-encoding hypothesis, cf. [Testelets 2021: 68]. The fine-grained mechanisms reordering polypredicate structures are predicted to be absent from role-encoding languages, but this prediction is not borne out. As Lyutikova [2024a; 2025a: 110–111; 2025b] points out, Khwarshi (Northeast Caucasian> Tsezic) displays a grammaticalized contrast of raising and control predi-

¹¹ The examples can be found in virtually all language groups. The past tense forms of Russian verbs originate from perfect *l*-participles and retain gender agreement which is a relic of their former non-finite status. The Russian modal verb *dolžen* ‘must’ is diachronically a short adjective and unlike its semantic counterpart *moc'*_{IPFV} ‘be able’~*s-moc'*_{PFV} ‘be able’, ‘manage’ cannot get perfective aspect morphemes, cf. **s-dolžen*. The Bulgarian impersonal modal verb *tryabva* ‘must’ is diachronically a non-agreeing predicative and does not inflect for person and number [Ivanova 2025].

cates¹², despite being a canonic role-encoding ergative language, where case is licensed in the complement clauses and voice morphology is absent. The clausal predicate agrees by default with the absolutive argument. In (4a), which is the basic structure, the core agentive argument of the complement clause is encoded by the ergative case, while the experiential argument of the matrix verb *-isa* ‘find’, ‘find out’ is marked with the dative case. The embedded verb agrees with the core patientive argument *faλ* ‘village’ (class III) encoded by the absolute case. In addition, the matrix verb exhibits long-distance agreement with the same embedded clause argument¹³. The complement clause is merged between the clause-initial experiential argument and the clause-final matrix verb. In (4b), the animate agentive argument *tušman* ‘enemy’ (class I) is extracted, i.e. raised into the matrix clause and gets absolute case. As a result, the matrix verb must agree with it. The embedded clause is postposed. Finally, in (4c), the patientive argument *faλ* ‘village’ undergoes raising to the matrix clause, and the embedded clause is postposed.

(4) Khwarshi [Lyutikova 2025: 108]

a. <i>šamil-e-l</i>	<i>[tušman-i</i>	<i>faλ</i>	<i>b-oλalna</i>	<i>b-uλex-na]</i>
Shamil-OBL-DAT	enemy-ERG	village(III)[ABS]	III-around	III-gather-CVB.PFV

b-is-a-na.

III-find-CVB.PFV

‘Shamil discovered that the enemy has surrounded the village.’

b. <i>šamil-e-l</i>	<i>tušmani</i>	<i>isa-na</i>
Shamil-OBL-DAT	enemy(I)[ABS]	I.find-CVB.PFV

[_ i faλ b-oλalna b-uλex-na].

ERG village(III)[ABS] III-around III-gather-CVB.PFV

‘Shamil discovered the enemy having surrounded the village.’

c. <i>šamil-e-l</i>	<i>faλi</i>	<i>b-is-a-na</i>
Shamil-OBL-DAT	village(III)[ABS]	III-find-CVB.PFV

[tušman-i _ i b-oλalna b-uλex-na].

enemy-ERG ABS III-around III-gather-CVB.PFV

‘Shamil discovered the village surrounded by the enemy.’

¹² Lyutikova lists *-isa* ‘find’, ‘find out’, *-q'uča* ‘want, need’, and *-akʷa* ‘see’ as raising verbs [Lyutikova 2025a: 107], while *-ekʷa* ‘manage’ and *-est'a* ‘let, force’ are analyzed by her as control verbs [Lyutikova 2024a: 16; Lyutikova 2025b: 413].

¹³ On long-distance agreement in other Northeast Causasian languages, cf. [Kalyakin 2025] for Muirin Dargwa.

The sentence (4b) is straightforwardly analyzed as raising, while (4c) can be analyzed as raising, if one assumes that Khwarshi only has clause-bound but not distant scrambling. Lyutikova also argues that raised absolutive DPs have some properties associated with the dependent clause regarding such diagnostics as scope, binding and preservation of idiom chunks, which is also typical of raised DPs in SAE languages [Lyutikova 2024: 12–14; 2025a: 108–109; 2025b: 416].

2.2. Case licensing and scrambling

Altaic and Uralic languages have scarcely even been discussed as languages without syntactic relations. However, they have several features in common with role-encoding languages: case is licensed in complement clauses, and scrambling is generally believed to be clause-bound¹⁴. The constructions similar to argument raising are nevertheless attested [Serdobolskaya 2008]. Kalmyk (Altaic>Mongolic) has accusative alignment and licenses accusative subjects in the complement clauses. Accusative subjects are optionally possible both in non-finite, cf. (5a) and finite, cf. (5b) clauses.

- (5) Kalmyk [Serdobolskaya et al. 2016: 76]

 - a. [***Badma-gə*** *ir-s-i-n^j*] *med-sən* *uga-v.*
 Badma-ACC come-PTCP.PST-ACC-POSS3 know-PTCP.PST NEG.COP-1SG
 'I did not know that Badma arrived.'
 - b. [***Xuldač-igə*** *joy-sən* *gi-ꝝäd*] *sonjs-la-v.*
 seller-ACC walk-PTCP.PST speak-CVB listen-PPERF-1SG
 'I heard that the salesman left.'

Nominative embedded subjects are an option too. Serdobolskaya et al. consider the sentences (5a–b) similar to raising in SAE languages, since the embedded clause argument presumably gets the accusative case due to the association with the higher clause. They however reject the analysis of *Badma-gə* and *xuldač-igə* as raised objects, since the same pattern is attested with intransitive or semitransitive verbs like *durta* ‘love’, which assigns dative but not accusative case to its Stimulus argument [ibid., 78]. They conclude that accusative subjects are raised to the left periphery of the embedded clause but do not leave it. This analysis is fed by two assumptions: (i) languages like Kalmyk only have clause-bound but not distant scrambling; (ii) sentential arguments and DPs can take different positions by one and the same predicate. It is not clear

¹⁴ The claim that scrambling is always clause-bound in any language regardless of its morphosyntax is framework-internal.

whether the conditions (i) and (ii) are invariable met in SAE languages, for which the hypotheses on subject and object raising have been proved. Some of these languages, e.g. German both have raising and distant (in other terms — unbounded) scrambling, and the same holds for Russian.

It is unlikely that either local or distant scrambling constrain the raising syntax but they obscure the identification of raising constructions and telling them apart from overtly similar sentences, where the displaced element belongs to the complement clause, e.g. by virtue of the so called *prolepsis*, where a matrix clause DP obligatorily corresponds to the coreferent pronoun or gap in the embedded clause [Salzmann 2017]. These issues are addressed in [Wurmbrand 2019; Lohninger et al. 2022: 3–4], for the description of prolepsis in Russian subordinate clauses cf. [Fortuin, Davids 2013]. Bondarenko and Davies (2024) describe Balkar (Turkic) as a language with accusative and genitive subjects and distant scrambling. Like Serdobolskaya et. al. (2016) for Kalmyk, they argue that non-nominative subjects are derived in Balkar by movement to the left periphery of the embedded clause, but unlike them, they claim that “there is a correlation between the ability of an object to reach the edge of an embedded clause and its ability to scramble from it” [Bondarenko, Davis 2024: 619]. Cross-clausal subject scrambling is only possible in Balkar for accusative and genitive subjects, cf. (6a), while cross-clausal object scrambling is only possible out of embedded clauses with nominative subjects, cf. (6b). Finally, accusative subject scrambling feeds cross-clausal object scrambling, which means that is possible to extract Balkar objects if and only if the embedded clause has a non-nominative (more precisely — accusative) subject, cf. (6c)¹⁵.

- (6) Balkar [Bondarenko, Davies 2024: 619–620]

a.	[Fatima-ni	bala-si-n/<u>ni</u>/*	∅]	_k	<i>ustaz-</i>	∅	[t_k	<i>alma-ni</i>
	Fatima-GEN	child-AGR-ACC/GEN/NOM			teacher-NOM			apple-ACC

aša-ukan-i-n] *ešt-gen-di.*
eat-NFUT-AGR-ACC hear-NFUT-3SG

‘The teacher heard that Fatima’s child ate an apple.’

b.	Alma-ni	_k	<i>ustaz-</i>	∅	[[Fatima-ni	sabij-i-	∅/*n/*ni]	t_k
	apple-ACC		teacher-NOM				Fatima-GEN	child-AGR-NOM/ACC/GEN		

aša-ukan-i-n] *ešit-ti.*
eat-NFUT-AGR-ACC hear-PST

‘The teacher heard that Fatima’s child ate the apple.’

¹⁵ Multiple raising of arguments is also attested in other languages, including Cuzco Quechua [Serdobolskaya 2008: 250, 257].

- c. [Fatima-ni *sabij-i-n*]_k (*tünene*) alma-ni_j ustaz-∅ [t_k, t_j
 Fatima-GEN child-AGR-ACC yesterday apple-ACC teacher-NOM
aša-ukan-i-n] ešit-ti.
 eat-NFUT-AGR-ACC hear-PST
 ‘The teacher heard (yesterday) that Fatima’s child ate an apple.’

Bondarenko and Davis avoid the raising vs prolepsis terminology, but their diagnostics indicates that the scrambled DP takes an A-position provided the placement of the intervening matrix clause adverbial *tünene* ‘yesterday’ between the raised subject and raised object in (6c). Berkovich [2025: 26–29] outlines a similar approach to distant scrambling in a different Turkic idiom, Mishar Tatar and explicitly claims that extracted accusative subjects are raised and not proleptic. Her claim is supported by the diagnostic tests as NPI licensing. Mishar NPI are licensed by clausemate negation, while raised NPI items are licensed by the matrix clause negation. This test proves that they belong to the matrix clause.

(7) Mishar Tatar [Berkovich 2025]

- Alsu-∅ kem-ne dä [(ul) kil-de diep] ujla-m-yj.
 Alsu-NOM who-ACC EMPH 3SG come-PST COMP think-NEG-IPFV
 ‘Alsu believes that nobody came.’

It is noteworthy that while Lyutikova (2024; 2025a; 2025b: 413) seeks support for her claim that the Khwarshi example (3c) contains a raised absolute DP in the assumption that Khwarshi lacks distant scrambling, Bondarenko and Davis’s (2024) claim that Balkar has multiple raising and two raised accusative DP in sentences like (6c) is based on the opposite intuition that Balkar licenses distant scrambling in certain configurations.

2.3. Hyperraising

Raising out of finite clauses is occasionally called *hyperraising* [Salzmann 2017; Zyman 2023]. This label implies that raising out of finite complements should be more rare or more costly than raising out of non-finite complements. It is difficult to check this intuition, since the currently existing databases on raising constructions are small, e.g. Serdobolskaya (2008) discusses the data retrieved from a sample containing twenty six languages. There is a near consensus that SAE languages generally lack hyperraising, with the exception of Brazilian Portuguese (Indo-European > Romance)¹⁶.

¹⁶ For the dissident view cf. Greeson (2025), who claims that hyperraising is relatively common in substandard English.

- ## (8) Brazilian Portuguese [Lohninger et al. 2022]

<i>Os</i>	<i>menin-os</i>	<i>parece-m</i>	[<i>que</i>	<i>viaja-ram</i>	<i>ontem</i>] ¹⁷
ART.PL.M	child-NOM.PL.M	seem-3PL	COMP	travel-PST.3PL	yesterday
'The boys seem to have traveled yesterday.'					

‘The boys seem to have traveled yesterday.’

The condition on hyperraising holds in Russian as well. The Russian verb *ka-zat'sja* ‘seem’ licenses raising out of small clauses [Zimmerling 2025b] and agrees with the raised argument, cf. (9a), while raising out of finite CPs is blocked, cf. (9b).

- ## (9) Russian

- a. **[Mal'čik-i]**_i *kažut-sja* [sc ____i] *ustavš-imy*.
boy-NOM.PL seem.3PL-REFL tired-INSTR.PL
'The boys seem to be tired.'

b. ***[Mal'čik-i]**_i *kažut-sja* [cp ____i] *usta-l-i*.
boy-NOM.PL seem.3PL-REFL get_tired-PST.PL
Int.: 'The boys seem to be tired.'

The descriptions of non-Indo-European languages, where raising-type constructions like the Kalmyk examples (5a–b) are attested, do not hint that hyper-raising is abnormal or less frequent than raising out of non-finite clauses, cf. the recent analysis of Nanai (Altaic > Tungusic) [Oskolskaya 2025: 91]. Hyper-raising is also attested in finite clauses with overt complementizers as in Tatyshli Udmurt (Uralic > Finno-Ugric). This idiom both allows nominative and non-nominative raised arguments [Sinityna 2025]. Hyperraising is possible from CPs with the clause-final subordinators *kad'* and *šü(ä)sa*. According to Sinityna, *kad'* is a semi-grammaticalized equative morpheme turned into a

¹⁷ The plural agreement with the raised subject is optional in Brazilian Portuguese. As Diego Leite de Oliveira (p.c.) points out, the variant without agreement is more common:

- (i) *Os menin-os parece-∅ [que viaja-ram ontem]*.
ART.PL.M child-NOM.PL.M seem-3SG COMP travel-PST.3PL yesterday
‘The boys seem to have traveled yesterday.’

The sentence (i) provides a close parallel to the Serbian example (2a), where the raised subject does not agree with the matrix impersonal verb. Brazilian Portuguese also preserves the variant without raising, cf. (ii).

- (ii) Parece-Ø [que os meninos viajaram ontem].
 seem-3SG COMP ART.PL.M child-NOM.PL.M travel-PST.3PL yesterday
 ‘It seems that the boys have traveled yesterday.’

preverbal raising marker in the construction X...[Y ***kad'*** *potâ nâ*] ‘X seems like Y’, cf. Eng. *seem like*¹⁸, while *šu(ð)sa* is a fully grammaticalized clause-final complementizer. Example (10a) shows raising of the nominative argument into the matrix clause with the verb (*kad'*) *potânâ* ‘seem’, the experiential argument of which is marked with the dative case. Example (10b) shows raising of the accusative argument out of the embedded finite clause with the complementizer *šusa* into the matrix clause with the verb *tode-* ‘know’, the experiential argument of which has nominative morphology.

(10) Tatyshli Udmurt [Sinitzyna 2025]

- a. *pet'a-lð ton košk-i-d kad' pot-i-z.*
Petja-DAT you.NOM leave-PST-2SG EQU get_out-PST-3SG
'It seems to Peter that you left.'
- b. *vas'a-∅ tod-e mon-e košk-i-z šusa.*
Vasja-NOM know-PRS.3SG I-ACC leave-PST-3SG COMP
'Vasja knows that I left', lit.: 'Vasja knows me that left.'

3. Cross-clausal A-dependencies

3.1. Control, raising, and movement

The notions of raising and control predated the versions of generative grammar (Government and Binding Theory, Minimalist Program) that incorporated a full-fledged theory of phrasal movement, cf. [Pesetsky 2013] for the overview. From the modern perspective, canonic raising patterns with phrasal movement from an A-position in the source clause to the A-position in the target clause. In the constituency formalisms implementing the structure preservation criterion according to which syntactic positions do not disappear in the course of derivation that means that raising leaves an A-trace in the source clause. However, as mentioned before, raising can be modeled in the frameworks that do not stick to the notions of clause and phrasal movement as in LFG [Bresnan 1982; 2001; Lødrup 2002; Vincent 2023] or MTT [Mel'čuk 2025], cf. also the HPSG approach

¹⁸ In Polinsky and Potsdam typology, English sentences of the type *It seems/looks like P*, cf. *It seems like(that) she is intelligent* are analyzed as instances of (hyper)raising out of finite clauses, when the lower copy is pronounced in the embedded clause. It is not quite clear how this idea should be formalized in the frameworks that do not implement the form-copy theory of cross-clausal dependencies. I am grateful to the anonymous reviewer for the discussion.

outlined in [Abeille 2021]. In this case, raising is interpreted as an A-dependency pertaining to the predicate-argument level. The framework-internal motivation to analyze raising as movement at the level of s-structure comes from the postulate that all syntactic structures are generated bottom-up by rules assembling the subtrees (external merge) and reordering them (movement aka internal merge), so that raising appears to be a special case of movement across the clausal boundary.

Control as a sort of cross-clausal A-dependencies can but not must be analyzed in the similar vein. There is a movement (or: ‘form-copy’) theory of control [Hornstein 1999; Boecks, Hornstein 2004] claiming that in forward control sentences like *X wants to do p* the shared argument originates in the complement clause just as in raising configurations and gets its first theta-role from the embedded predicate. Control verbs usually select experiential or animate subjects, while embedded predicates may have different semantics, and the shared argument must raise to the matrix clause to get the second theta-role from the matrix verb: in the sentence *Ann_i [vP wants [_{InfP} t_i to speak Chinese]]* it is the role of Experiencer. Finally, the raised DP *Ann* gets (syntactic) case from the T head in the matrix clause, which again revokes the analogy with raising constructions. Lyutikova [2025a: 106] illustrates this derivation schema in (11).

- (11) Movement theory of control, after [Lyutikova 2025a: 106].

Anni T [vP t_i wants [_{T_P} t_i to [vP t_i speak Chinese]]].

An advantage of the movement theory of control is that it captures the similarity between both major types of cross-clausal A-dependencies: control-under-movement looks like raising in disguise¹⁹. The competing PRO theory of control [Landau 2008; 2015] captures the asymmetry of control and raising predicates. The former have the ability to project the downward A-dependency and bind PRO ($\text{Arg}_x v_1 \rightarrow [\text{PRO}_x v_2 \dots]$), while the latter lack it since they do not have their own internal term arguments. Therefore they must borrow them from the embedded clause and raise: $\text{Arg}_x v_1 \leftarrow [\dots v_{2-x}]$. In more formal terms, the PRO theory of control is illustrated in (12) for the same English sentence:

- (12) PRO theory of control, after [Lyutikova 2025a: 105].

Ann_i T [vP t_i wants [_{CP} PRO_i to_T [vP t_i speak Chinese]]].

¹⁹ With the proviso that raising verbs unlike control verbs do not assign a new theta-role to the embedded clause argument.

The PRO theory of control looks better adapted for modeling the interaction of grammar and lexicon, although this pre-theoretical intuition must be checked on language data. In this paper, I do not aim at refuting or approving the movement theory of control in general, cf. the discussion in [Culicover, Jackendoff 2001; Hornstein, Polinsky 2010; Landau 2024a] and just mention that it might be inconvenient for the description of some language-specific control constructions, cf. [Baykov 2020; Baykov, Rudnev 2020] for Russian object and oblique control.

One more type of cross-clausal A-dependencies is long-distance-agreement (LDA), when an argument of the embedded predicate controls the agreement of the matrix predicate, cf. the Khwarshi sentence (4c) above. Serdobolskaya (2008: 254) maintains that LDA displays cross-linguistically similar if not identical features with raising, but this hypothesis should be taken with caution. A modest statement would be that LDA occurs both in languages with raising as in Khwarshi [Lyutikova 2025: 108] and in languages, where raising has not been diagnosed yet as in Muirin Dargwa [Kalyakin 2025]²⁰. [Polinsky, Potsdam 2001] argue that in Tsez (Northeast Caucasian > Tsezic), LDA is only realized if the agreement goal in the lower clause is topical. If this generalization holds across the world's languages, it would bring LDA close to raising since the raised argument is most exclusively topical, cf. the section 1.4 above. However the preliminary data on LDA languages is not conclusive.

3.2. From control to raising

Syntactic control usually involves semantic control of the embedded clause situation, as control verbs select experiential or animate arguments and describe semantically controllable actions and processes that can be initiated or stopped deliberately. The class of control verbs taking sentential complements is in many languages larger than the class of raising verbs that do not impose the animacy condition on their subject arguments and describe uncontrollable events, e.g. natural processes, cf. Eng. *It started to rain* or external necessity, cf.

²⁰ This idiom on the one hand has distant phrasal movement [Kalyakin 2025: 66, 71], which might facilitate raising, on the other hand lacks bi-absolutive constructions like other Dargin languages, which indicates that even if raising is possible, the raised argument cannot get a case lying higher in Case Hierarchy. LDA is only possible in Muirin Dargwa if the embedded clause has an absolute NP, while the matrix clause lacks it [ibid., 63].

Eng. *It must rain*, Ru. *Byt' doždu*, Bg. *tryabva da vali* ‘the same’²¹. This disproportion is occasionally compensated by the development of new lexical meanings and eventually leads to regular polysemy or even complete reanalysis of a control verb or verbs from different groups as secondary raising predicates. The precedents are known from Scandinavian languages which have a relatively long written history. In Old Norse, the verb *byrja* only selected animate subjects and conveyed the meaning ‘start doing something’, while Modern Swedish *börja* ‘begin’, *sluta* ‘finish’, *fortsätta* ‘continue’ do not discriminate animacy and behave as standard raising/restructuring verbs [Engdahl 2022: 20-22]. The Swedish verb *försöka* ‘try’ displays features unusual for control verbs and licenses non-canonic biclausal passives but as Engdahl states [ibid.] cannot select inanimate subjects and is not yet reanalyzed as a raising verb. New raising/restructuring verbs also emerged from reanalyzed loan words: the verb *bliva* borrowed from Middle Low German in the 1300-s, shifted its meaning from ‘remain’ (cf. Ger. *bleiben*) to ‘become’ and was grammaticalized as marker of the analytical passive [Skrzypek, Engdahl 2025]. A similar development is attested in closely related languages, Danish and Norwegian, which borrowed the same Low German word around the same time.

A striking case of parallel semantic shift from the control meaning and syntax to the raising meaning and syntax concerns the evolution of the loan verb with the meaning ‘to risk’ in Mainland Scandinavian and Russian. In both cases one deals with a direct or indirect borrowing from German: No., Da., Sw. *risikere*, Ru. *riskovat'*. The first meaning of this verb and its reflexes seems to be ‘to expose oneself, something or somebody to a risk’. One can expose something to a risk by acting unconsciously. The sentences with *riskovat'* taking inanimate subjects show up in the Russian National Corpus (RNC) from the mid XIX century. The examples (14a–b) contain inanimate subjects in the active voice, while (14c) contains an attitudinal subject *poželanija* ‘wishes’ taking an active clause with an embedded passivized small clause *<uvidet' sebja>* [_{sc} *razbitymi i rastoptannymi*] ‘<see oneself> [_{sc} broken and trampled]’.

(13) Russian [RNC]

- a. No *risku-jut* [_{Infp}] *provalit'-sja* [_{Cop}] *obrazovani-e*
 but risk-PRES.3PL fall.through.INF-REFL education-NOM.SG.N

²¹ In these sentences, the modal operator lies above the complement clause. In English and Bulgarian finite examples, it is visualized in the matrix verb, while Russian root dative-infinite sentences are originally bi-clausal structures with a silent modal operator: $\emptyset^{\text{MOD}} [_{\text{Infp}} \text{byt' doždu}]$, cf. [Mitrenina 2017] for the details.

i civiličaci-ja]].

and civilization-NOM.SG.F

‘But [education and civilization] **risk** to fail.’ (RNC; Pavel Annenkov, 1852–1902).

b. [_{DP}**Peregovor-y** **meždu** **bur-ami** *i* **angličan-ami**]
negotiation-NOM.PL between Boer-DAT.PL and Englishman-DAT.PL

risku-jut [_{NegP} **ne** [_{Infp} **privesti k želaem-ym rezul'tat-am**]].
risk-PRES.3PL NEG lead.INF to desired-PTCP.PRES result-DAT.PL

Lit.: ‘[The negotiations between the Boers and the Englishmen] **risk** not to produce the desired results.’ (RNC, 1902).

c. [_{DP}**Sam-ye** **niščensk-ie** **poželani-ja**]_i — *i* **te_i** **risku-jut**
utmost-NOM.PL beggarly-NOM.PL wish-NOM.PL and they risk-PRES.3SG

[_{Infp} **uvidet'** **sebja** _i [_{SC}_i **razbit-ymi, rastoptann-ymi**]].
get.see.INF REFL.ACC broken.PTCP.PST-INSTR.PL trampled-PTCP.PST-INSTR.PL

‘[Even the most beggarly wishes] **risk** seeing themselves broken and trampled.’ (RNC; Mikhail Saltykov-Ščedrin, 1875–1879).

Examples (13a–c) show that *riskovat'* was on the verge of splitting into the control lexeme and its raising counterpart already in the XIX century. Contemporary Russian media confirm that for one part of the speakers including some journalists, the pattern with raised inanimate infinitival objects is regular, cf. (14).

(14) Russian

K 2150 god-u [**odin** [_{PP} **iz sam-yx** **krasiv-yx**]
to 2150 year-DAT.SG one.NOM.SG.M from utmost-GEN.PL beautiful-GEN.PL

i unikal'n-yx gorod-ov mir-a]], [_{DP}**Veneci-ja**],
and unique-GEN.PL city-GEN.PL world-GEN.SG Venice-NOM.SG.F

risku-et [_{Infp} **byt'** [_{SC} **polnostju zatoplenn-ym**]]
risk-PRES.3SG be.INF completely flooded.PTCP.PST-INSTR.SG.M

i izčeznut' s lic-a zeml-i]
and disappear.INF with face-GEN.SG earth-DAT.SG

Lit.: ‘By 2150, [one of the most beautiful and unique cities in the world], [Venice], **risks** being completely flooded and disappearing from the face of the Earth.’

(Rossijskaja Gazeta, <https://rg.ru/2025/03/31/gorod-tonet.html>)

The next step of reanalysis is reached in (15), where *riskovat'* is an impersonal verb and conveys the meaning ‘an undesirable event is possible’. The accusative DP *èti derevni* is the object of the embedded infinitive *zatopit'* ‘to flood’.

(15) Russian

[_{DP} **Èt-i** **derevn-i**] _i **risku-et** [_{InfP} **zatopit'** _{_i}].

this.ACC.PL village-ACC.PL risk-PRES.3SG flood.REFL

‘These villages are at the risk of flooding’, lit.: ‘It **risks** to flood [these villages]’. (Izvestija, 25.10.2025, <https://iz.ru/1978958/>)

Mainland Scandinavian languages both have a zero subject impersonal passive and an agreeing biclausal passive, so that an exact parallel of (15) is theoretically possible²². It has not been found with *risikere* yet, but [Julien, Lødrup 2013: 230–231] discuss another option — the biclausal passive with the parasitic marker *-s*. In standard Norwegian, Danish and Swedish, the verb *risikere* does not assume mediopassive morphology, but in substandard texts one can come across sentences like (16).

(16) Norwegian [Julien, Lødrup 2013: 230–231]

[_{DP} **Ting** [_{CP} **som** **ikke** **er** **fjern-et**]] **risikere-s**

thing.PL.N REL NEG be.PRES remove-PTCP.PST risk.REFL

[_{InfP} **å** **bli** **fjern-et** **til** **avfallsanlegg-et**].

COMP AUX.REFL remove-PTCP.PST to trash_bin-DEF.SG.N

‘The items that are not put away will be thrown into the trash bin’, lit.: ‘...**risk themselves / are risked at being removed ...**’

The standard Norwegian variant of (16) without the parasitic *-s* would match Russian examples (14c) and (15). The sentence (16) stands one step further toward the reanalysis of *risikere* as a new raising modal, since the marker *-s* on *risikere* and other active verbs emerges either due to the percolation of the voice feature from the complement infinitival clause, cf. the passive infinitive *å bli* *fjernet* ‘to be removed’ or due to the analogy with deponent non-passive raising verbs like No. *tykkes* ‘seem’ [Julien, Lødrup 2013: 232].

²² According to Bjarne Ørsnes (p.c.), the impersonal passive with *risikere* is an option in Danish too (i). Substandard Danish also has impersonal passive with a parasitic *-s* form *risikeres* (ii).

(i) *Det risikere-r at bli* *glem-t.*
EXPL risk-PRES COMP AUX.REFL forget-PTCP.PST

(ii) *Det risikere-s at bli* *glem-t.*
EXPL risk-REFL COMP AUX.REFL forget-PTCP.PST
‘It risks being forgotten.’ {i = ii}

3.3. Proper raising versus raising constructions

There is a wide-spread sentiment in empirically-oriented research that while the raising hypothesis in the strict sense, i.e. the presence of sentences derived by raising has been proved for the limited number of SAE languages including English [Postal 1974], other world's languages may have sentences with similar structural, semantic and communicative properties. Such sentences are labeled 'raising constructions' or 'raising in the broad sense' [Serdobolskaya 2008: 246; Serdobolskaya et al. 2016]. The authors pursuing this path are either agnostic about the derivation of language-specific constructions resembling raising, cf. [Letuchiy, Viklova 2020: 57] on Russian or claim that they are derived differently, cf. [Koeva 2023: 154] on Bulgarian and [Serdobolskaya et. al. 2016: 90] on Kalmyk, Irish, and Lithuanian. Serdobolskaya (2008) basing on a sample of twenty six languages from different areas and families lists several features of raising-type constructions (hence — RC^+) that can be grouped into four clusters:

- (i) RC^+ are polypredicate structures with A-dependencies that do not pattern with syntactic control;
- (ii) The matrix clause verb does not assign case and theta-role to the shared argument, but this argument has some morphosyntactic and semantic matrix clause properties;
- (iii) The embedded argument does not necessarily leave its clause and can remain in situ or raise to the left periphery of the complement clause or the whole polypredicate complex;
- (iv) RC^+ are optional, and the variants without raising are predicted to co-exist parallel with RC^+ sentences.

It straightforwardly follows that proper raising (hence — PR) is a special case of RC^+ with the condition (iii) on overt cross-clausal movement reinforced. It is but unclear whether the gap between PR and RC^+ is an advantage for the language theory. I suggest instead that the theory of PR is extended by the condition (v) which is a modified version of (iii):

- (v) With PR , an embedded argument can raise to an edge position in the matrix clause without filling the syntactic subject and object slots by the matrix verb. In such cases, a mixed A/ \bar{A} -dependency is realized.

This revision allows to classify with PR the purported cases of RC^+ with argument promotion in sentences with intransitive and semi-transitive matrix verbs in Turkish, Irish, or Kashmiri [Serdobolskaya 2008: 254] as well as in Kalmyk [Serdobolskaya et al. 2016: 78]. It also helps to develop a plausible analysis of Balkan Slavic *da*-clauses like (2a–b). This type of complement clauses

does not discriminate the class of the matrix verb. Bulgarian, like Serbian, has a pair of modal verbs expressing the meaning ‘must’ with an alethic, deontic or epistemic flavour: the agreeing *tryabva₁* and the impersonal *tryabva₂*, which lacks a slot for a nominative subject and slots for any non-sentential complements. Example (17) contains an extracted DP *panikata* ‘the panic’, which is the passive argument of the embedded verb *izbjagvam* ‘avoid’ raised into the matrix clause across the subordinator particle *da* and the main clause verb *tryabva₂*.

(17) Bulgarian (Indo-European>South Slavic), after [Ivanova 2025]

$[_{DP}Panika-ta]_i$	<i>tryabva₂</i>	$[_{DaP} da __i$	<i>băde</i>	<i>izbegna-t-a</i> .
panic.F-DEF.SG.F	must	COMP	be.PRES.3SG	avoid-PTCP.PST-SG.F
Lit.: ‘The panic needs to be avoided.’				

[Koeva 2023: 149–150] considers sentences similar to (17) but refuses to analyze them as PR because impersonal modals from the class *tryabva₂* do not select nominative subjects. She argues that embedded subjects are spelled-out in the main clause due to topicalization, which would mean that they stand in an Ā-position. However, provided the asymmetry with extracting topical subjects vs non-subject topical arguments from *da*-clauses [Ivanova 2022: 95–96], it is natural to conclude that standard Bulgarian like colloquial Serbian in (2) has PR to an edge A-position from finite *da*-clauses²³.

3.4. Raising of sentential arguments and restructuring

The early theories of PR contain two tacit or explicitly made assumptions: a) only non-sentential arguments raise; b) raising is only possible in biclausal structures. These assumptions leave out two phenomena — raising of sentential arguments to A-positions [Zimmerling 2018] and restructuring [Wurmbrand 2001; Stjepanović 2004].

The raising of sentential arguments to the subject position is an understudied mechanism, which can be diagnosed in language *L*, if there is some category exclusively licensed by grammatical subjects, and there are no other subject-

²³ Koeva [ibid.: 150] also mentions left dislocation tests, but they do not seem to confirm her analysis, since the variants with an overt resumptive pronoun in the *da*-clause are impossible: $[_{DP} Peter]_i tryabva_2 [_{DaP} da __i dojde]$ ‘Peter must come’ ~ * $[_{DP} Peter]_i tryabva_2 [_{DaP} toj_i da __i dojde]$, int. ‘Peter_i, he_i must come’. The same condition arguably holds for passive sentences, where left dislocation is blocked both with a resumptive pronoun after the particle *da* and before it; * $[_{DP} Panikata]_i tryabva_2 [_{DaP} da tya_i băde izbegnata]$ ~ * $[_{DP} Panikata]_i tryabva_2 [_{DaP} tya_i da băde izbegnata]$.

like expressions except for the raised sentential argument. This pattern is obligatory realized by the Russian semi-copular verb *javljat'sja* ‘be really like’, which takes a small clause complement and requires that the subject slot is filled by an overt DP or the expletive *èto* or by raised sentential arguments [Zimmerling 2025b]. In (18a), the finite CP [_{CP} *čto P*] embedded in the complement small clause and serving as the Stimulus argument of the adjectival small clause predicate is the only available syntactic expression for filling the subject slot by the matrix verb *javljat'sja*. Therefore it raises, and PRED_{INSTR} is assigned to the adjectival small clause predicate *neponjatnym* ‘be unclear’. The variant (18b) without raising and with a non-agreeing predicative *neponjatno* instead of PRED_{INSTR} is ungrammatical.

(18) Russian

- a. *Do si-x por javlja-et-sja*
 til this-GEN.PL time.GEN.PL exist-PRES.3SG-REFL

 $\left[\begin{smallmatrix} \text{SC-ARG} & \text{AP} \\ \text{neponjatn-ym} & , \end{smallmatrix} \right]_{\text{CP}} \begin{smallmatrix} \text{čto} & \text{tam} & \text{vse-taki} \\ \text{COMP} & \text{there} & \text{after_all} \end{smallmatrix}$

proizoš-l-o]^{STIM}].
 happen.PST-PST-3SG.N
- b. **Do six por javljaetsja*_{3SG} [*neponjatno*_{PRED} [_{CP} *čto tam vse-taki proizošlo*]^{STIM}]
 ‘It is still **unclear** what actually happened there.’ {a=b}

Restructuring (alternatively — ‘clause reduction’ or ‘clause union’) is a mechanism of removing the clausal boundary and deleting parts of syntactic structure in one of the clauses [Wurmbrand 2001]. The early versions of the clause union analysis explore the idea that a dependent clause may have a reduced set of grammatical relations due to its internal build, but most authors agree that in RC⁺ sentences, the restructuring effects are triggered by a class of matrix predicates including modal and phasal verbs [Serdobolskaya 2008: 258; Wurmbrand 2019; Lyutikova 2022a: 36-37; Zimmerling 2025a]²⁴. In Polinsky

²⁴ It is noteworthy that Russian RC⁺ with dative subjects show both options. Root DIS clauses like *mne*_{DAT} *ne*_{NEG} *vyjti*_{INF.PFV} *otsjuda* ‘It is not in the cards for me to get out from here’ have a degraded upper clause containing the silent modal operator and a zero form of the BE-copula, while syntactic idioms with *neg-wh* words like *mne*_{DAT} *negde*_{NEG-WH} *spat'*_{INF} ‘I have no place to sleep’ have a degraded lower clause, since the *wh*-word raised to the upper clause and merged with the matrix negation [Zimmerling 2022; 2024: 26].

and Potsdam's typology of A-dependencies [Polinsky and Potsdam 2006; Potsdam, Polinsky 2012] control and raising require two clauses, while [Krapova 2025: 36–37] following [Wurmbrand, Lohninger 2023] outlines a continuum approach to Balkan Slavic *da*-subjunctives and defines three universal clause-complementation types — Propositions, Situations and Events. *Proposition complements* show the minimum of restructuring features. They involve epistemic contexts and are temporally independent. *Situation complements* pertain to irrealis contexts without speaker-or-utterance-oriented properties but with time and world parameters. *Event complements* have the maximum of restructuring features. They are tenseless and may have reduced argument or event structure: control and raising sentences have Event complements. These three types form a containment hierarchy based on complement size and can be roughly identified with the CP, TP (AspP) and VP projections in syntax [Krapova 2025: 14].

I revise the account of PR and assume that raising verbs *are* restructuring predicates. This contradicts the earlier insight that raising and restructuring verbs are related predicate classes that can be linked derivationally if e.g. active subject raising verbs develop passive restructuring uses [Wurmbrand 2001: 342–345; Lødrup 2026] but is in line with the derivational accounts of the clause size [Müller 2017; Pesetsky 2021; Geraci 2023]. If one wants to combine the intuition that raising predicates have an intrinsic ability to restructuring [Lyutikova 2022a: 36] with the Wurmbrand-style analysis in terms of complement size, one needs to restore the rigid contrast between PR and control. To manage this, I add the condition (vi):

- (vi) The sentences with PR enter the derivation as biclausal structures but can be restructured as monoclausal, while control sentences always remain biclausal.

Provided that restructuring effects can be checked, (vi) can be regarded a generalization over specific language data²⁵. Some linguists raise concerns about recasting the control *vs* raising contrast in terms of clause size, e.g. [Landau 2025: 10] maintains that “while clause size often correlates with the Raising-Control contrast language-internally, it is not a criterion of universal validity”. I take issue with this point and claim that conditions like (vi) can only be verified empirically in a general form, i.e. for an open class of the world’s lan-

²⁵ The preliminary observations on Slavic modal existentials and embedded *wh*-infinitives indicate that these two classes of Slavic sentences have restructuring and license clitic climbing [Stjepanović 2004; Šimík 2011: 143]. This is in line with the hypothesis that modal existential sentences have raising syntax [Zimmerling 2024: 21].

guages and not ‘language-internally’, whatever this label might mean. I nevertheless agree that the notions of raising and, probably, control as well, need to be revised to adjust them to theories of clause size / structure removal. The question then goes which diagnostics is effective for a) testing mono- vs biclausal structures; b) telling PR sentences from control sentences. I claim that the classical tests as preservation of idiom chunks, passivization of the embedded predicate and availability of the narrow scope reading, along with the absence of restrictions on animate subjects pertain to the initial stage of derivation, when all PR sentences are biclausal, and tentatively assume that another group of tests including the independent tense in embedded complement and the availability of independent negation characterize its final stage.

3.5. Semantics of embedded predicates

The semantics of embedded predicates in PR sentences has not been studied systematically²⁶. [Wurmbrand 2019: 17] following [Lødrup 2002: 3; 2008a] observes that there is a preference towards individual-level predicates (properties), while event interpretations are degraded or impossible. This does not hold for phasal verbs that take complements denoting processes and activities. Another adjustment concerns the type of the complement clause: finite, non-finite and small clauses can be associated with different predicate types in one and the same language, cf. [Kustova 2025] for Russian raising constructions with perception verbs. A more demanding claim advanced in [Wurmbrand 2019: 18] that ECM (object raising) belief verbs ascribe *de re* attitudes to their subjects is difficult to assess.

4. Are European languages uniform?

This section summarizes the preliminary research findings about the parametric variation in raising constructions across six European languages — English [Noël, Colleman 2009], Norwegian [Lødrup 2002; 2008a; 2008b; 2014; 2022; Engdahl 2022], Danish [Hansen 2000; Ørsnes 2006; 2013; Togeby 2014], Bulgarian [Osenova 2022; Koeva 2023; Krapova 2025; Ivanova 2025], Polish [Prze-

²⁶ Serdobolskaya’s chapter on raising (2008) published almost twenty years ago opens with a pessimistic statement: “There are a number of phenomena that are traditionally viewed as syntactic and are described primarily within formal linguistic frameworks. Semantic and pragmatic factors of these phenomena often remain underestimated and ignored [Serdobolskaya 2008: 245]. This is still true of PR/ RC⁺.

piórkowski, Rosen 2005; Bondaruk 2010; Patejuk, Przepiórkowski 2014], and Russian [Letuchiy, Viklova 2020; Lyutikova 2022a; 2022b; 2024b; Zimmerling 2022; 2025a; 2025b], cf. also [Baykov 2020; Baykov, Rudnev 2020] on Russian control constructions and [Burukina 2020] on purported transition cases between control and raising. I check the following parameters: (1) the raising domain; (2) the possibility of raising sentential arguments; (3) the type of raising: lexical *vs* mixed; (4) the domain, where the contrast of subject raising (conventionally — ‘nominativus cum infinitivo’, NCI) and object raising (conventionally — ‘accusativus cum infinitivo’, ACI) is diagnosed; (5) the status of NCI; (6) the status of ACI; (7) raising from Ā-positions; (8) special raising morphemes; (9) special control markers. I apply the NCI *vs* ACI labels both to languages as English and Danish, where the infinitive is spelled-out in the complement of raising verbs and to languages as Bulgarian or Russian, where active and passive paraphrases are licensed in small clause complements only, with the clausal subject assuming either the direct case form or the accusative case. The parameter (4) specifies the domain where the same raising verbs can select NCI and ACI complements by assuming a passive *vs* active voice form respectively.

4.1. Raising domain

Five languages from six, except for Bulgarian have raising from nonfinite clauses, while Bulgarian lacks infinitives. Raising out of small clauses is attested in all six languages. Hyperraising is absent from standard English, Norwegian, Russian and Polish, while colloquial Danish might license it marginally, cf. below the example (19) and discussion. Bulgarian deviates from other languages in our sample in that hyperraising out of finite *da*-clauses occurs in texts close to the standard norm, cf. the example (17) above.

4.2. Raising of sentential arguments

This pattern is obligatory realized by the Russian semi-copular verb *javljat'sja* ‘be really like’, which takes a small clause complement and requires that the syntactic subject slot is filled by an overt DP or the expletive *èto* or by raised sentential arguments [Zimmerling 2025b], cf. the example (18a) above. With verbs and copulas licensing impersonal constructions (*byt’* ‘be’, *stat’* ‘become’, *kazat’sja* ‘seem’) raising of sentential arguments is optional in Russian. It is accepted by one part of the speakers representing a stable idiom of Russian grammar [Zimmerling 2018]. Similar constructions of the type <consider> Y

good [CP] are sporadically found in colloquial Danish (Indo-European>North Germanic) and Bulgarian with displaced elements resembling predicatives or assessment markers with the meanings ‘good’, ‘excellent’ scoping over the proposition.

- (19) Danish [KorpusDK], simplified after [Togeby 2014: 27]

<i>Jeg</i>	<i>tro-r</i>	<i>egentlig</i>	\emptyset_i	$[_{SC} __i]$	<i>udmærket</i>	$[_{CP}$	<i>at</i>	<i>de</i>
1SG	think-PRES	actually			excellent		COMP	3PL
<i>kunne</i>	<i>sejle</i>	<i>uden</i>		<i>greje-t</i>]].				

can.PST sail.INF without equipment-DEF.N

‘I actually think it’s great that they were able to sail without equipment’,
lit.: ‘I actually **think** [**great** [that they could sail without equipment]]].’

- (20) Bulgarian

<i>ne</i>	<i>mi</i>	<i>izgležda</i>	\emptyset_i	$[_{SC} __i]$	<i>dobre</i>	$[_{DaP1}$	<i>da</i>	<i>bija</i>
NEG	1SG.DAT	seem.PRES.3SG			good		comp	beat.PRES.1SG
<i>stotici</i>	<i>km</i>	<i>păt,</i>	$[_{DaP2}$	<i>za</i>	<i>da</i>	<i>se</i>	<i>vidja</i>	<i>s</i>

hundred.PL km way GOAL COMP REFL see.PRES.1SG with someone

‘I don’t think it’s good to travel hundreds of kilometers to see someone’.
Lit.: ‘**Does not seem to me** [**good** [that I drag myself hundreds of kilometers to see someone]]].’ [<https://www.predpriemach.com/threads/Доверието-в-доброволците.51160/#post-548884>]

The analysis of (19) and (20) as raising is possible if one restores a SC without an overt subject. The colloquial sentence (19) in Danish, which is a *non-pro-drop* language with expletive subjects like *det*, is equivalent to the fully spelled-out structure (19’) with a finite CP: *Jeg tror* $[_{CP1}$ ***at det er udmærket*** $_{PRED}$ $[_{CP2}$ *at P*]]. Likewise, the colloquial sentence (20) in Bulgarian, which is a *pro-drop* language without overt expletives is equivalent to the fully spelled-out structure like (20’) with a restored finite CP: *Ne mi izgležda* $[_{CP}$ ***če*** \emptyset ***e*** ***dobre*** $_{PRED}$ $[_{DaP1}$ *da v₁* $[_{DaP2}$ *za da v₂*]]]²⁷.

²⁷ The element *udmærket* ‘excellent’ in the Danish example (19) could be alternatively analyzed not as predicative but as a verum focus operator extracted out of the finite CP: ... $[_{CP}$ *at de udmærket kan sejle uden grejet*] ‘that they really can sail without equipment’ — ... $[_{CP}$ *at de $__i$ kan...*]. This analysis suggested by Bjarne Ørsnes (p.c.) relies on the assumption that Danish has distant Ā-scrambling. The element *dobre* ‘good’ in the Bulgarian example (20) cannot be analyzed as a non-predicative adverbial.

4.3. The cues of raising: Lexical versus mixed

English and Bulgarian have lexical raising associated with lists of NCI and ACI verbs, while Russian, Polish, Danish and, to a lesser extent, Norwegian have mixed raising and use grammaticalized raising constructions associated with potentially open classes of predicates. The actual size of these classes may vary. It is maximal with Russian root dative-infinitive structures which can be built with virtually all Russian verbs with subject infinitives with the exception of those which are specified as subjectless in the lexicon²⁸ and more restricted in Norwegian or Danish, where the number of matrix verbs acting as raising operators seems to be conditioned by the inventories of embedded predicates in the corresponding sentences²⁹.

4.4. NCI versus ACI

In English and Norwegian, the regular correlation between subject raising verbs licensing the NCI construction is attested in all types of clauses. Bulgarian and Russian withhold it in small clauses only. Polish and Danish (with few exceptions) lack it.

4.5. ACI (object raising)

The class of object raising verbs is stable in English, Norwegian [Lødrup 2002], Bulgarian and Russian. Danish almost lost it, with the exception of the verb *anse* ‘consider’ [Ørsnes 2013; Engdahl 2022: 13], while Polish eliminated it completely. All English ACI verbs reportedly license proleptic *of* phrases like Eng. *I believe of her_i [CP that she_i...]*, cf. [Wurmbrand 2019: 18]. The corresponding hypotheses cannot be proven for other languages. In Russian, the valencies of ACI verbs on PP complements are lexicalized, while some belief ACI verbs lack them. Cf. *Ja dumaju o nej, [CP čto ona zanuda]* ‘I believe **of** her that she is a bore’, *Ja podozrevaju ejé v tom, [CP čto ona zanuda]* ‘I suspect her **of** being a bore’, **Ja scítaju o nej [CP čto...]*. The lexicographical analysis of proleptic *vs* raising variants of ACI verbs is beyond the reach of this paper.

4.6. NCI (subject raising)

Five languages from six have subject raising verbs or non-verbal predicates. The Bulgarian data is insufficient.

²⁸ Cf. Rus. *tošnit* ‘vomit’ or *svetat* ‘dawn’.

²⁹ I am indebted to Ekaterina Lyutikova (p.c) for improving my initial formulation on languages with mixed raising. All disclaimers follow.

4.7. Raising from Ā-positions

English has two non-canonical raising constructions, where the moved elements originate in an Ā-position and raise to the matrix clause via some intermediate landing site: tough movement, cf. *Mary_i is tough* [_{InfP} to deal with _{_i}], cf. [Pesetsky 2013: 163] for discussion, and prepositional passive, cf. *Lord Nelson slept* [_{PP} in [_{DP} *This bed*]] → [_{DP} *This bed*_i] has been slept in _{_i} by *Lord Nelson*. Mainland Scandinavian languages including Norwegian and Danish have the second construction [Engdahl, Laanemets 2015]. Russian has a non-canonical head raising derivation with *wh*-raising in negative modal existentials: [_{NegP} **neg**° *T* [_{InfP} *inf*° *wh*°]] → **neg-wh**° *T* [_{InfP} *inf*° *wh*]]. However on the existing accounts, cf. [Apresjan, Iomdin 1989; Mel'čuk 2025], Russian *wh*-pronouns in this class of sentences originate in A-positions as their case form depends on the governing infinitive, cf. *vinit'*_{INF} **kogo**_{WH.ACC} ‘accuse someone’ → *ne°kogo_i* [_{InfP} *vinit*° _{_i}], *gordit'sja° čem*_{WH-INSTR} → *ne°čem_i* [_{InfP} *gordit'sja* _{_i}].³⁰

4.8. Special raising markers

Russian and Polish use PRED_{INSTR}, while Norwegian and Danish use the mediopassive morpheme in raising constructions. In Norwegian and Danish, the absence of the infinitive particle *at/å* is characteristic of raising verbs. Equative morphemes freely combine with raising verbs only in English, cf. En. *seem like*, *feel like*, *look like*. Some object raising verbs select PP-complements in Polish, Bulgarian and Russian. In sentences like (21), the preposition can be analyzed as an equative-type raising marker.

- (21) Polish (Indo-European > West Slavic)

Wszysc-y	od	dawna	uwaža-l-i	jq _i	[sc _{_i} [_{PP} za nudziark-ę]].
all-NOM.PL	from	long	consider-PST-PL	3SG.F	for bore-ACC.SG.F
‘Everybody has for long considered her a bore.’					

In Polish, which lost ACI verbs, the use of the preposition *za* is grammaticalized in object raising sentences and their passive counterparts with subject raising. This is not the case in Bulgarian and Russian. Danish and Norwegian use the equative marker *som* ‘<to consider> Y as Z>’, which partly corresponds

³⁰ The status of *wh*-adverbials like *gde* ‘where’, *kogda* ‘when’, *otkuda* ‘whence’, ‘where from’ in this class of sentences is less clear. In the Russian linguistic tradition, they are analyzed as infinitival dependencies on a par with case-marked *wh*-pronouns: *spat'*_{INF} **gde**_{WH.ADV} ‘sleep (some)where’ → *ne°gde_i* [_{InfP} *spat*° _{_i}], *uznat*° *otkuda*_{WH.ADV} ‘find out from (some)where’ → *ne°otkuda_i* [_{InfP} *uznat*' _{_i}].

to Russian sentences with the equative marker *kak* ‘as’. Cf. Da. *betrugte Y som Z* ‘consider Y as Z’, **betrugte Y Z* int. ‘consider Y to be Z’, and Ru. *vosprinimat’ Y-a_{ACC} **kak** Z-a_{ACC}*, ‘treat Y as Z’, **vosprinimat’ Y-a_{ACC} [SC [NP Z-a_{ACC}]]*, **vosprinimat’ Y-a_{ACC} [SC [NP Z-m_{INSTR}]]*.

4.9. Special control markers

The main marker of Polish and Russian control structures with PRO is the case-marking on the copredicate expressions like Ru. *odnomu, samomu* [Przepiórkowski, Rosen 2005; Baykov 2020]. A loose parallel is attested in Norwegian, where the copredicates lack case.

Table 1 Raising predicates in the European languages

		English	Norwegian	Danish	Bulgarian	Russian	Polish
Raising domain	infinitive clauses	OK	OK	OK	*	OK	OK
	small clauses	OK	OK	OK	OK	OK	OK
	finite clauses	* ³¹	*	? ³²	OK	*	*
Raising of sentential arguments		(*)	(OK)	OK	OK	OK	(OK)
The cues of raising: lexical/mixed (by virtue of special predicate constructions)		lexical	mixed	mixed	lexical	mixed	mixed
NCI versus ACI		all types of clauses	all types of clauses	(*)	small clauses	small clauses	no
ACI (object raising)		regular	regular	relics	regular	regular	no
NCI (subject raising)		regular	regular	regular	(?)	regular	regular
Raising from Ā-positions		tough movement, prepositional passive	prepositional passive	prepositional passive	no	no	no

³¹ Zyman (2023), contested by Greeson (2025).

³² A collection of colloquial Danish examples is contained in [Hansen 2000: 82, 85, ex. (80)–(83), (131–138)], but it is unclear, whether the displaced negative and quantificational DPs are involved in A- or Ā-dependencies.

	English	Norwegian	Danish	Bulgarian	Russian	Polish
Special raising markers	<i>like</i>	mediopassive marker <i>-s</i> absence of the infinitive particle <i>å</i>	mediopassive marker <i>-s</i> absence of the infinitive particle <i>å</i>	no	predicative instrumental <i>...kak...</i> <i>...za</i> <i>kogo-l.</i>	predicative instrumental
Special control markers	no	complex form of the copredicate	?	no	case marking on copredicates (<i>odnomu</i> , <i>samomu</i>)	case marking on copredicates

5. Conclusion and perspectives

In this paper, I rendered the notions of raising and A-dependencies, with focus on the realization of raising predicates in languages with different morphosyntax. The constructs like ‘raising as in SAE languages’, ‘raising like in Turkic languages’, ‘raising-like sentences in the language *L*’ have limited typological value or reflect the incompleteness of the input data, since languages from the same group or the same areal may have different parametric settings for comparable raising constructions. The definition of raising must be recast for the open class of the world’s languages. There is a cross-linguistically stable correlation between the argument promotion and topicality as well between raising predicates and restructuring effects. The raising criteria need to be revised to account for the cases like (2), (4), (17), where the embedded argument raises to an edge position without filling the subject or object slots by the matrix verb. In such cases, a mixed A/Ā-dependency is realized.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; I, II, III — nominal classes; ADJ — adjective; AP — adjective phrase; ABS — absolute; ACC — accusative; AGR — agreement; CNV — converb; COP — coordinate phrase; DAP — clause with the complementizer *da*; COMP — complementizer; CP — complement phrase; DAT — dative; DEF — definite; DP — determiner phrase; EMPH — emphatic; EQU — equative; ERG — ergative; F — feminine; GEN — genitive; INF — infinitive; INFP — infinitive phrase; INSTR — instrumental; IPFV — imperfective; M — masculine; N — neutrum; NEG — negation; NEGP — negation phrase; NFUT — non-future; NOM — nominative; OBL — oblique; PL — plural; PFV — perfective; PP — preposition phrase; PPERF — plus perfect; PRED — predicative;

PRES — present tense; PST — past tense; PTCP — participle; REFL — reflexive; SC — small clause; SC-ARG — argument small clause; SG — singular; STIM — stimulus; THEM — theme; vP — verb phrase.

References

- Abeillé 2021 — Abeillé A. Control and Raising. Head-Driven Phrase Structure Grammar: The handbook. Müller S., Abeillé A., Borsley R. D., Koenig J.-P.(eds.). Berlin: Language Science Press, 2021. Pp. 489–535. DOI: 10.5281/zenodo.5599840
- Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: iconicity vs economy. Natural language and linguistic theory. 2003. Vol. 21. Pp. 435–483.
- Apresjan, Iomdin 1989 — Апресян Ю.Д., Иомдин Л.Л. Конструкция типа *негда спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. 1989. Т. 29. С 34–92. [Apresjan J.D., Iomdin L.L. Construction of the type *negde spat'*: syntax, semantics, lexicography. Semiotics and informatics. 1989. Vol. 29. Pp. 34–92] (in Russian)
- Bailyn 2012 — Bailyn J. 2012. The Syntax of Russian. Cambridge.
- Baykov 2020 — Байков Ф.В. Косвенный контроль в русском языке // Rhema. Рема. 2020. № 1. С. 106–125. [Baykov F.V. 2020. Oblique control in Russian. Rhema. Рема. 2020. No. 1. Pp. 106–125. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-1-106-125] (in Russian)
- Baykov, Rudnev 2020 — Baykov F., Rudnev P. Not all obligatory control is movement. Journal of Linguistics. 2020. Vol. 56. No. 4. Pp. 893–906. DOI: [10.1017/S0022226720000237](https://doi.org/10.1017/S0022226720000237)
- Berkovich 2025 — Беркович М. О дистантном скрэмблинге в мишарском татарском // Проблемы полевой тюркологии. М., 27.09.2025. [Berkovich M. On distant scrambling in Mishar Tatar. Problems of Field Turkology. Moscow, High School of Economics, 27.09.2025.
- Boeckx, Hornstein 2004 — Boeckx C., Hornstein N. Movement under control. Linguistic Inquiry. 2004. Vol. 35. No. 3. Pp. 431–452. <https://doi.org/10.1162/0024389041402625>
- Bondarenko, Davis 2024 — Bondarenko T., Davis C. Cross-clausal Scrambling and Subject Case in Balkar: On Multiple Specifiers and the Locality of Overt and Covert Movement. Syntax. 2024. Pp. 613–652. DOI: 10.1111/synt.12286
- Bondaruk 2010 — Bondaruk A. Obligatory control in Irish and Polish – a reappraisal. Studia Celto-Slavica. 2010. Vol. 4. Pp. 89–102.
- Bresnan 1982 — Bresnan J. Control and complementation. The Mental Representation of Grammatical Relations. Bresnan J. (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1982. Pp. 282–390.
- Bresnan 2001 — Bresnan J. Lexical-Functional Syntax. Blackwell Publishers, 2004.
- Burukina 2020 — Burukina I. Mandative verbs and deontic modals in Russian: Between obligatory control and overt embedded subjects. Glossa: a journal of general linguistics. 2020. Vol. 5. No.1. DOI: [10.5334/gjgl.905](https://doi.org/10.5334/gjgl.905)
- Culicover, Jackendoff 2001 — Culicover P., Jackendoff R. Control is not Movement. Linguistic Inquiry. 2001. Vol. 32. No. 3. Pp. 493–512. <https://doi.org/10.1162/002438901750372531>
- Davies, Dubinsky 2004 — Davies W., Dubinsky S. 2004. The Grammar of Raising and Control: A course in syntactic argumentation. Blackwell, 2004.
- Engdahl 2022 — Engdahl E. Passive with control and raising in mainland Scandinavian. Nordic Journal of Linguistics. 2022. Vol. 47. No. 1. Pp. 1–41.
- Engdahl, Laanemets 2015 — Engdahl E., Laanemets A. Prepositional passives in Danish, Norwegian and Swedish: A corpus study. Nordic Journal of Linguistics. 2015. Vol. 38. No. 3. Pp. 285–337.
- Erlewine 2025 — Erlewine M. 2025. Atayalic subject and the nature of the nominative. <https://mitcho.com/research/atayalic.html>

- Fortuin, Davids 2013 — Fortuin E., Davids E. Subordinate clause prolepsis in Russian. *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37. Pp. 125–155.
- Geraci 2023 — Geraci C. Budding the tree. Towards a theory of structure removal. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2023. Vol. 8. No. 1. doi: <https://doi.org/10.16995/glossa.5759>
- Greeson 2025 — Greeson D. 2025. Hyperraising is less constrained than previously thought: New evidence from English. <https://ling.auf.net/lingbuzz/009069>
- Greeson, Sundaresan 2025 — Greeson D., Sundaresan S. Ingredients of hyperraising: the insights from Tamil <https://ling.auf.net/lingbuzz/009348>
- Haddad 2012 — Haddad Y. Raising in Standard Arabic: Forward, backward, and none. *Arabic language and linguistics*. R. Bassiouney, E. Graham Katz (eds.). Washington, DC: Georgetown University Press, 2012. Pp. 61–78.
- Hansen 2000 — Hansen E. Anteponeret adverbial. *Ny Forskning i Grammatik*, 7. Nørgård-Sørensen J., Durst-Andersen P., Jansen L., Lihn Jensen B. og Pedersen J. (red.). 2000. S. 73–86. (in Danish) <https://tidsskrift.dk/nfg/article/view/23954/21020>
- Hornstein 1999 — Hornstein N. Movement and control. *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. No. 1. Pp. 69–96.
- Hornstein, Polinsky 2010 — Hornstein N., Polinsky M. Control as Movement. *Movement Theory of Control*. Hornstein, M. Polinsky (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2010. Pp. 1–42. <https://doi.org/10.1075/la.154.01hor>
- Ivanova 2022 — Иванова Е.Ю. Балканославянская ирреальность в зеркале русского языка (южнославянские ДА-формы и их русские параллели. М.: Языки славянской культуры, 2022. [Ivanova E.Yu. Balkanic Slavic irrealis in mirror of Russian language (South Slavic da-forms and their Russian parallels). Moscow: LRC, 2022.
- Ivanova 2025 — Иванова Е.Ю. Модальность и синтаксические конфигурации: глагол *tryabva* в болгарском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Т. 8. вып. 2. С. 38–65 [Ivanova E. Modality and syntactic configurations: the verb *tryabva* in Bulgarian. Typology of Morphosyntactic Parameters. 2025. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 38–65] (in Russian)
- Julien, Lødrup 2013 — Julien M., Lødrup H. Dobbel passiv og beslektede konstruksjoner i skandinavisk. *Norsk Lingvistisk Tidsskrift*. 2013. Vol. 31. No. 2. Pp. 221–246.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages. *Finiteness*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 183–249. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199213733.003.0007>
- Kalyakin 2025 — Калякин И.В. Цикличность дистантного согласования в муиринском даргинском // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Т. 8. № 1. С. 56–74. [Kalyakin I. V. Cyclic Long Distance Agreement in Muirin Dargwa // Typology of morphosyntactic parameters. 2025. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 56–74. doi:10.37632/PI.2025.39.63.003]
- Kibrik 1997 — Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–68.
- Kibrik 2003 — Кибrik А.Е. Константы и переменные языка. Спб.: Алетейя, 2003. [Kibrik A.E. Constants and variables of the language. St. Petersburg: Aletheia, 2003.] (in Russian)
- Koeva 2023 — Коева С. Частита на речта като части на изречението, или дали винаги глаголите заемат отделна синтаксична позиция // Bulgarian Language. 2003. Supplement vol. 70. С. 143–157. [Koeva S. Parts of speech as Clause Constituents, or Do Verbs always Occupy a Separate Syntactic Position]. Bulgarian Language. 2003. Supplement vol. 70. Pp. 143–157. (in Bulgarian).
- Krapova 2025 — Krapova I. Finiteness and the subjunctive: the case of Bulgarian da constructions from a comparative perspective. *Papers of the Institute for Bulgarian Language*. 2025. Vol. 38. Pp. 7–42.

- Kustova 2025 — Кустова Г.И. Конструкции подъема с глаголами восприятия в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Т. 8, вып. 2. С. 66–88 [Kustova G. Raising Constructions with verbs of perception in Russian. Typology of morphosyntactic parameters. 2025. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 66–88] (in Russian).
- Landau 2008 — Landau I. Two routes of control: evidence from case transmission in Russian. Natural language and linguistic theory. 2008. Vol. 26. Pp. 877–924. doi.org/10.1007/s11049-008-9054-0
- Landau 2015 — Landau I. A two-tiered theory of control. MIT Press, 2015.
- Landau 2024 — Landau I. Empirical challenges to the form-copy theory of control. Glossa: a journal of general linguistics. 2024. Vol. 9. No. 1. DOI: 10.16995/glossa.16406
- Landau 2024 — Landau I. Control. Cambridge Elements. Cambridge: Cambridge University Press. 2025. <https://doi.org/10.1017/9781009243124>
- Letuchiy, Viklova 2020 — Летучий А.В., Виклова А.В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкоznания. 2020. № 2. С. 31–60. [Letuchiy A.B., Viklova A.V. Raising and similar phenomena in Russian (mainly based on the behavior of pronouns). Voprosy jazykoznaniia. 2020. No. 2. Pp. 31–60. DOI: 10.31857/S0373658X0008776-2]
- Lødrup 2002 — Lødrup H. Infinitival complements in Norwegian and the form-function relation. Proceedings of the LFG02 Conference. Butt M. and King T.H. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2002.
- Lødrup 2008a — Lødrup H. Raising to object in Norwegian and the Derived Object Constraint. Studia Linguistica. 2008. Vol. 62. Pp. 155–181.
- Lødrup 2008b — Lødrup H. The Diversity and Unity of the Accusative with Infinitive Construction: A Norwegian Perspective. Linguistics. 2008. Vol. 46. No. 5. Pp. 891–916. doi.org/10.1515/LING.2008.029
- Lødrup 2014 — Lødrup H. Long passives in Norwegian: Evidence for complex predicates. Nordic Journal of Linguistics. Vol. 37. No. 3. Pp. 367–391.
- Lødrup 2022 — Lødrup H. The grammatical realization of the long passive in Norwegian. Proceedings of the LFG'22 Conference. Butt M., Findlay J. and Toivonen I. (eds.) Stanford: CSLI. 2022. Pp. 222 – 244.
- Lødrup 2026 — Lødrup H. The need for restructuring with Norwegian 'need'. Syntactic Frames in Scandinavian and beyond. Ramsevik Riksem R., Eik R. (eds.). Berlin: Language Science Press. 2026. (in print). <https://langsci-press.org/catalog/book/550>
- Lyutikova et al. 2016 — Лютикова Е.А., Ронько Р.В., Циммерлинг А.В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис // Вопросы языкоznания. 2016, № 6. С. 113–127. [Lyutikova E.A., Ronko R.V., Zimmerling A.V. Differential argument marking: morphology, semantics, syntax. Voprosy jazykoznaniia. 2016, No 6. Pp. 113–127. DOI: 10.31857/S0373658X0001068-3]
- Lyutikova 2022a — Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 27–45. [Lyutikova E. A. Does Russian attest syntactic raising? Part one: infinitive clauses. Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 2022. No. 4. Pp. 27–45.] (in Russian)
- Lyutikova 2022b — Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 58–74. [Lyutikova E. A. Does Russian attest syntactic raising? Part two: small clauses. Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 2022. No. 5. Pp. 58–74. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-58-74]. (in Russian)

- Lyutikova 2024a — Лютикова Е.А. К типологии эргативности: контроль и подъем в дагестанских языках // Ломоносовские чтения. М., МГУ, 27.03.2024. [Lyutikova E.A. On the typology of ergativity: control and raising in Dagestanian languages. Lomonosov readings. Moscow, MSU, 27.03. 2024.]
- Lyutikova 2024b — Лютикова Е.А. Адъективные сказуемые в финитных и нефинитных клаузах // Вопросы языкознания. 2024. № 6. С. 7–31. [Lyutikova E.A. Adjectival predicates in finite and non-finite clauses. Voprosy jazykoznanija. 2024. No. 6. Pp. 7–31. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.6.7-31.] (in Russian).
- Lyutikova 2025a — Лютикова Е.А. Ролевая гипотеза и структура клаузы дагестанских языков // Вопросы языкознания. 2025. № 6. С. 89–119. [Lyutikova E.A. The Role Hypothesis and the clause structure of the Northeast Caucasian languages. Voprosy jazykoznanija. 2025. No. 5. Pp. 89–119. DOI: [10.31857/0373-658X.2025.6.89-119](https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.6.89-119)]
- Lyutikova 2025b — Lyutikova E.A. Raising, control and case. Syntax in uncharted territories. Essays in honor of Maria Polinsky. Clemens L., Gribanova V., Scontras G. (eds.). Berkeley: Univ. of California, 2025. Pp. 409–431. DOI: <https://doi.org/10.7280/S9TM7851>
- Mel'čuk 2025 — Mel'čuk I. Russian sentences of the type *Mne negde spat'* ‘I have no place to sleep’: Once more. Voprosy Jazykoznanija. 2025. No. 5. Pp. 154–173. DOI: [10.31857/0373-658X.2025.4.154-173](https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.4.154-173)
- Mitrenina 2017 — Митренина О.В. Дативно-инфinitивная конструкция в русском языке как предложная группа // Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции “Типология морфосинтаксических параметров 2017”. Вып. 4. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2017. С. 64–70. [Mitrenina O.V. The dative-infinitive construction in Russian as PP. Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii “Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov 2017”. Vyp. 4.Iss. 4. Lyutikova E.A, Zimmerling A.V. (eds.) Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2017. Pp. 64 – 70.] (in Russian).
- Müller 2017 — Müller G. Structure removal in complex prefields. Natural Language & Linguistic Theory. 2017. Vol. 36. Pp. 219–264.
- Noël, Colleman 2009 — Noël D., Colleman T. The nominative and infinitive in English and Dutch. Languages in Contrast. 2009. Vol. 9. No. 1. Pp. 144–181.
- Ørsnes 2006 — Ørsnes B. Creating raising verbs: An LFG-analysis of the complex passive in Danish. Proceedings of the LFG '06 conference. Butt M., Holloway King T. L.(eds.). Stanford: CSLI Publications, 2006. Pp. 386–405.
- Ørsnes 2013 — Ørsnes B. The Danish reportive passive as a non-canonical passive. Non-canonical passives. Alexiadou A., Schäfer F. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. Pp. 315–336.
- Osenova 2022 — Osenova P. Raising and Control Constructions in a Bulgarian UD Parsebank of Parliament Sessions. Proceedings of the 5th International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2022), Sofia: Department of Computational Linguistics, IBL – BAS, 2022. Pp. 68–74.
- Oskolskaya 2025 — Оскольская С.А. Конструкции контроля и подъема в нанайском языке: предварительный обзор // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Т. 8, вып. 1. С. 75–98. [Oskolskaya S. Control and raising constructions in Nanai: a preliminary overview. Typology of morphosyntactic parameters. 2025. Vol. 8. No. 1. Pp. 75–98. doi:10.37632/PI.2025.76.97.004] (in Russian).
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. Phasal movements, its diseases and discontents. Diagnosing Syntax. Lai-Shen Cheng L. and N. Corver (eds.). Oxford: Oxford university press, 2013. Pp. 123–157.

- Pesetsky 2021 — Pesetsky D. 2021. Exfoliation: Towards a derivational theory of clause size. <https://ling.auf.net/lingbuzz/004440>
- Patejuk, Przepiórkowski 2014 — Patejuk A., Przepiórkowski A. In favour of the raising analysis of passivisation. Proceedings of the LFG14 Conference. 2014. Pp. 461–481.
- Polinsky, Potsdam 2001 — Polinsky M., Potsdam E. Long-distant agreements and the topics in Tsez. Natural language and linguistic theory. Vol. 19. Pp. 583–646. <https://doi.org/10.1023/A:1010757806504>
- Polinsky, Potsdam 2002 — Polinsky M., Potsdam E. Backward control. *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33. No. 2. Pp. 245–282. <https://doi.org/10.1162/002438902317406713>
- Polinsky, Potsdam 2006 — Polinsky M., Potsdam E. Expanding the scope of control and raising. *Syntax*. 2006. Vol. 9. No. 2. Pp. 171–192. DOI: [10.1111/j.1467-9612.2006.00090](https://doi.org/10.1111/j.1467-9612.2006.00090)
- Polinsky 2013 — Polinsky M. Raising and control. *The Cambridge handbook of generative syntax*. M. den Dikken (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. Pp. 41–63. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804571.021>
- Postal 1970 — Postal P. On coreferential complement subject deletion. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 1. No. 4. Pp. 439–500. <https://www.jstor.org/stable/4177588>
- Postal 1974 — Postal P. On raising. Cambridge, 1974.
- Potsdam, Polinsky 2012 — Potsdam E., Polinsky M. Backward raising. *Syntax*. 2012. Vol. 15 (1). Pp. 75–108. DOI: [10.1111/j.1467-9612.2011.00158.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9612.2011.00158.x)
- Rosenbaum 1967 — Rosenbaum P. The grammar of English predicate complement constructions. Cambridge, MA: MIT Press, 1967.
- Przepiórkowski, Rosen 2005 — Przepiórkowski A., Rosen A. Czech and Polish raising/control with or without structure sharing. *Research in Language*. 2005. Vol. 3. Pp. 33–66.
- Salzmann 2017 — Salzmann M. Prolepsis. *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. 2nd edition. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). Vol. 5. 2017. Pp. 3203–3245. DOI: [10.1002/9781118358733.wbsync062](https://doi.org/10.1002/9781118358733.wbsync062)
- Serdobolskaya 2008 — Serdobolskaya N. 2008. Towards the typology of raising. *New Challenges in Typology*. Vol. 2. A. Arkhipov, P. Epps (eds.). Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 269–295.
- Serdobolskaya et al. 2016 — Сердобольская Н.В., Аркадьев П.М., Шкапа М.В. К типологии подъема и смежных явлений: неканоническое маркирование актантов в актантных и обстоятельственных предложениях // Rhema. Рема. 2016. №1. С. 74–91. [Serdobolskaya N.V., Arkadiev P.M., Shkapa M.V. 2016. Raising and related phenomena: non-canonical argument marking in argument and adjunct clauses. Rhema. Рема. 2016. No. 1. Pp. 74–91]. (in Russian)
- Šimík 2011 — Šimík R. Modal existential wh-constructions. PhD dissertation, Rijksuniversiteit Groningen.
- Sinitsyna 2025 — Синицына Ю.В. Конструкция с глаголом ‘казаться’ в татышлинском говоре удмуртского языка: первые наблюдения // Панич М.В., Сердобольская Н.В., Татевосов С.Г., Федорова О.В. (ред.). Дискурс. Предложение. Слово. Сб. статей к юбилею ИМК. М. :ООО “Буки Vedi”, 2025. С. 282–293. [Sinitsyna J.V. On a construction with the verb ‘seem’ in Tatyshli Udmurt: first observations. Diskurs. Predlozenije. Slovo. Sbornik statej k jubileju IMK. Panich M.B., Serdobolskaya N.V., Tatevosov S.G., Fedorova O.V. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2025. Pp. 282–293.
- Skrzypek, Engdahl 2025 — Skrzypek D., Engdahl E. From ‘remain’ to ‘become’: the history of *bliva* in Swedish. *Nordic Journal of Linguistics*. 2025. Pp. 1–27. doi:10.1017/S0332586524000234
- Stjepanović 2004 — Stjepanović S. Clitic climbing and restructuring with “finite clause” and infinitive complements. *Journal of Slavic Linguistics*. 2004. Vol. 12. No. 1–2. Pp. 173–212.

- Tanasić 1995 — Tanasić S. O upotrebi glagola *trebat*. Naš jezik. 1995–1996. Vol. 30. No. 1—5. S. 44–52 [Tanasić S. On usage of the verb *trebat* ‘must’. Naš jezik. 1995–1996. Vol. 30. No. 1–5. Pp. 44–52] (in Serbian).
- Testelets 2009 — Тестелец Я.Г. Невыраженные актанты в полипредикативной конструкции // Тестелец Я.Г. (ред.). Аспекты полисинтезизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Москва: РГГУ. С. 654–711. [Testelets Y.G. Unexpressed arguments in polyadic constructions. Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygejskogo jazyka. Testelets Y.G., Arkadiev P.M., Letuchii A.B., Sumbatova N.R. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2009. Pp. 654–711.]
- Testelets 2021 — Тестелец Я.Г. Ролевые языки Северного Кавказа: идея А.Е. Кибрика через 40 лет // Rhema. Рема. 2021. № 2. С. 65–83. [Testelets Ya.G. The role languages of the North Caucasus: A.E. Kibrik’s idea after 40 years. Rhema. 2021. No. 2. Pp. 65–83.] (in Russian) <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2021-2-65-83>
- Togeby 2014 — Togeby O. Tidernes følge – hos Mikkelsen (The sequence of tenses - at Mikkelsen). Problemer og perspektiver i dansk syntaks: med Kristian Mikkelsen som anledning. Togeby O., Vikner S., Jørgensen H. (eds.). Universitets-Jubilæets Danske Samfund. Skriftserie; No. 585. Syddansk Universitetsforlag. S. 137–170 (in Danish). https://pure.au.dk/ws/files/109785711/Togeby_14_Tidernes_F_lge.pdf (Accessed 01.12.2025)
- Vincent 2023 — Vincent N. Raising and control. Handbook of Lexical Functional Grammar. Dalrymple M. (ed.). Berlin: Language Science Press, 2023. Pp. 603–647.
- Wurmbrand 2001 — Wurmbrand S. Infinitives: restructuring and clause structure. Berlin: Walter de Gruyter, 2001.
- Wurmbrand 2019 — Wurmbrand S. Cross-clausal A-dependencies. Papers from the 54th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society (CLS 54). 2019. Vol. 54. Pp. 585–604.
- Wurmbrand, Lohninger 2023 — Wurmbrand S., Lohninger M. An implicational universal in complementation. Theoretical insights and empirical progress. Propositional arguments in cross-linguistic research: theoretical and empirical issues. Hartmann J., Wöllstein A. (eds.), Berlin: Mouton de Gruyter, 2023. Pp. 119–137.
- Zimmerling 2018 — Циммерлинг А.В. Два диалекта русской грамматики: корпусные данные и модель // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2018. Issue 17. С. 818–833. [Zimmerling A.V. Two Dialects of Russian Grammar: Corpus Data and Formal Models. Computational Linguistics and Intellectual Technologies, 2025. Iss. 17. Pp. 818–833].
- Zimmerling 2021 — Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.: Языки славянской культуры, 2021. [Zimmerling A.V. From Integral Frameworks to Aspective Descriptions. Moscow: LRC. 2021. (in Russian)]
- Zimmerling 2022 — Циммерлинг А.В. Дативно-инфinitивные структуры и синтаксически идиомы в русском языке // Koeva S., Ivanova E. Yu., Tisheva J., Zimmerling A. (red.). Ontologija na situaciite za səstojanie – lingvistichno modelirane. Säpostavitelno izsledvane za bǎlgarski i ruski. Sofija: Prof. Marin Drinov, 2022. С. 281–300. [Zimmerling A. V. Dative-infinitive structures and syntactic idioms in Russian. Ontology of Stative Situations - Linguistic Modeling. A Contrastive Bulgarian-Russian Study. Koeva S., Ivanova E.Yu., Tisheva J., Zimmerling A. (eds.). Sofia: Marin Drinov, 2022. Pp. 281–300. DOI: 10.7546/STONTBgRu 2022.10] (in Russian)
- Zimmerling 2024 — Zimmerling A. Microsyntax meets macrosyntax: Russian neg-words revisited. Russian Linguistics. 2024. Vol. 48 (6). Pp.1–35. DOI: [10.1007/s11185-024-09290-7](https://doi.org/10.1007/s11185-024-09290-7)
- Zimmerling 2025a — Циммерлинг А.В. Конструкции с подъемом аргумента в русском языке // Горбунова Л.И., Буров Э.И. (ред.). Русская грамматика: полипарадигмальность как методологический принцип современных научных исследований. Материалы IX

международного симпозиума. Иркутск: ИГУ, 2025. С. 38–45. [Zimmerling A.V. Raising constructions in Russian. Russkaja grammatika: poliparadigmal'nost' kak metodologicheskij princip sovremennoj nauchnyj issledovaniy. Materialy IX mezhdunarodnogo simpoziuma.. Gorbunova L. I., Burov E.I. (eds.). Irkutsk: Irkutsk State University, 2025. Pp. 38–45.] (in Russian)

Zimmerling 2025b — Zimmerling A. To seem or not to seem. *Studia Slavistica*. 2025. Vol. 22. № 2 (in press).

Zyman 2023 — Zyman E. Raising out of finite clauses (hyperraising). *Annual review of linguistics*. 2023. Vol. 9. Pp. 29–48. <https://doi.org/10.1146/annurev-linguistics-022421-070658>

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was received on 27.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Антон Владимирович Циммерлинг

д.ф.н.; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина / Институт языкоznания РАН

Anton Zimmerling

Dr. Phil. Hab.; Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics RAS

fagraey64@hotmail.com

**Типология морфосинтаксических параметров
том 8, выпуск 2**

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс.П. Семёнова

Подписано в печать 29.12.2025.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 178 стр.